

Марина
ЦВЕТАЕВА

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ, ДРАМАТУРГИИ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 839.5/8
ББК 84Р7-5
Ц27

Серия основана
в 2007 году

Цветаева М. И.

Ц27 Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1214 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0041-6

В одном томе собраны все поэтические и прозаические произведения замечательного русского поэта Марины Ивановны Цветаевой.

УДК 839.5/8
ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9922-0041-6

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ЦВЕТАЕВА: ГОД ЗА ГОДОМ

В «Полном собрании произведений в одном томе» вы не найдете переводов Цветаевой, ее писем, равных по силе воздействия стихам, ее дневников и записных книжек. Но все это можно найти в других изданиях. В этом собрании, именно в одном томе, максимально полно представлено поэтическое творчество Поэта по годам, по месяцам, по дням. Не выделяя, как это делается обычно, стихи в один раздел, прозу во второй, драматургию в третий. Все подряд — как в свое время пелось. Ведь, как заметил ученый-филолог и писатель Евгений Клюев, «у Марины Цветаевой нет не-стихов, у нее всё — стихи. И даже то, что мы привыкли считать прозой, — и это стихи...». А приложенные к собранию произведений биография Цветаевой и хронологическая канва событий в мире в то время, когда она жила (1892—1941), помогут понять, на что Марина Ивановна откликалась, на что нет — в той или иной форме.

В датировке я опиралась главным образом на книги, написанные и составленные Анной Саакянц, — думаю, что ни одно издание произведений Марины Цветаевой без ее не поддающегося измерению и оценке труда, без ее поиска не состоялось бы.

Н. Василькова

1906

* * *

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, —
Ведь каждый из бойцов — герой!
Гордитесь юным поколеньем!

* * *

Проснулась улица. Глядит, усталая,
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.

Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.

Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.

Проснулась улица. Глядит, угрюмая,
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это — сон!

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Ты — принцесса из царства не светского,
Он — твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаше берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной — луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, —
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер — одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми,
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть — на лету!

Таруса, лето 1908

В КРЕМЛЕ

Там, где мильоны звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны —
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я всё хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна...
Что на земле зовут преданьем, —
Мне всё поведала луна.

В расшитых шёлком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидел цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.
Я увидел, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я угадал в блужданьи бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блужданьи взглядов:
— «Я жить хочу!.. На что мне Бог?»
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали
Они в плену своих светлиц?
Чему в угоду погибали

Рабыни с душами цариц,
 Что из глухих опочивален
 Рвались в зеленые поля?
 — И был луны ответ печален
 В стенах угрюмого Кремля.
Осень 1908, Москва

(ОТРЫВОК)

Где-то маятник качался, голоса звучали
 пьяно.
 Преимущество мадеры я доказывал с
 трудом.

Вдруг заметил я, как в пляске
 закружились стаканы,
 Вызывающе сверкая ослепительным
 стеклом.
 Что вы, дерзкие, кружитесь, ведь
 настроен я не кротко.
 Я поклонник бога Вакха, я отныне сам не
 свой.
 А в соседней зале пели, и покачивалась
 лодка,
 И смыкались с плеском волны над
 уставшей головой.

ВОКЗАЛЬНЫЙ СИЛУЭТ

Не знаю вас и не хочу
 Терять, узнав, иллюзий звездных.
 С таким лицом и в худших безднах
 Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
 Такие замкнутые лица.
 Вы непочтенная страница
 И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
 И здесь ошибки нет случайной.
 Я знаю: многим будет тайной
 Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
 Из-под наброшенного шарфа
 (Вам шла б гитара или арфа)
 И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть,
 И вы, как все, любезно-средни...
 Пусть так! Пусть это будут бредни!
 Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
 Я всё пойму, что неприглядно...
 Но ошибаться — так отраднo!
 Но ошибиться — так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
 Там, где свистки гудят с тревогой,
 Стояли вы загадкой строгой.
 Я буду помнить вас — такой.
Севастополь. Пасха, 1909

В ПАРИЖЕ

Дома до звезд, а небо ниже,
 Земля в чаду ему близка.
 В большом и радостном Париже
 Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
 Последний луч зари угас.
 Везде, везде всё пары, пары,
 Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
 Прильнуть так сладко голове!

И в сердце плачет стих Ростана,
 Как там, в покинутой Москве.
 Париж в ночи мне чужд и жалок,
 Дороже сердцу прежний бред!
 Иду домой, там грусть фиалок
 И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
 Там нежный профиль на стене.
 Rostand, и мученик Рейдтский,
 И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
 Мне снятся травы, облака,
 И дальше смех, и тени ближе,
 И боль как прежде глубока.

Июнь 1909, Париж

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
 Теперь, сейчас, в начале дня!
 О, дай мне умереть, покуда
 Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, Ты не скажешь строго:
 — «Терпи, еще не кончен срок».
 Ты сам мне подал — слишком много!
 Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
 Идти под песни на разбой,
 За всех страдать под звук органа
 И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
 Вести детей вперед, сквозь тень...
 Чтоб был легендой — день вчерашний,
 Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест, и шелк, и каски,
 Моя душа мгновений след...
 Ты дал мне детство — лучше сказки
 И дай мне смерть — в семнадцать лет!
26 сентября 1909, Таруса

НОВОЛУНЬЕ

Новый месяц встал над лугом,
 Над росистой межой.
 Милый, дальний и чужой,
 Приходи, ты будешь другом.

Днем — скрываю, днем — молчу.
 Месяц в небе, — нету мочи!
 В эти месячные ночи
 Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
 Все расскажут — твои губы!
 Только днем объятья грубы,
 Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
 Лгу с улыбкой на устах.
 Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
 Лунный серп уже над лесом!
Октябрь 1909, Таруса

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА

Всему внимаю чутким ухом,
 — Так недоступна! Так нежна! —
 Она была лицом и духом
 Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
 Скрывая взор в тени углов,
 Она без слов кривила губы
 И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
 Темнел огромный дортуар;
 Ей снилось розовое Гори
 В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
 Вдали от склона, где цвела!
 И вот весной раскрылась клетка,
 Метнулись в небо два крыла.

Как восковые — ручки, лобик,
 На бледном личике — вопрос.
 Тонул нарядно-белый гробик
 В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
 Вокруг лампы, образа...
 А был красив гортанный голос!
 А были пламенны глаза!

Смерть окончанье — лишь рассказа,
 За гробом радость глубока.
 Да будет девочке с Кавказа
 Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
 Испепелив, угас пожар...
 Спи с миром, пленница-джигитка,
 Спи с миром, крошка-сазандар.
 Как наши радости убоги
 Душе, что мукой зажжена!

О да, тебя любили боги,
 Светло-надменная княжна!
Москва, Рождество, 1909 г.

СЕСТРЫ

«Car tout n'est que rêve, o ma sceur!»

Им ночью те же страны снились,
 Их тайно мучил тот же смех,
 И вот, узнав его меж всех,
 Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
 Они вдвоем шепнули: «Ах!»...
 Не шевельнулись в их сердцах
 Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
 С рожденья чуждые мольбам,
 К его задумчивым губам
 Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: «Люблю я!»...
 Раскрыл объятья — зал был пуст!
 Но даже смерти с бледных уст
 Не смыть двойного поцелуя.
27 — 30 декабря 1909

АСЕ

Гул предвечерний в заре догорающей,
 В сумерках зимнего дня.
 Третий звонок. Торопись, отъезжающий.
 Помни меня!
 Ждёт тебя моря волна изумрудная,
 Всплеск голубого весла.
 Жить нашей жизнью подпольною,
 трудную

Ты не смогла.
 Что же, иди, коль борьба наша мрачная
 В наши ряды не зовёт.
 Если заманчивей влага прозрачная,
 Чаек серебристых полёт!
 Солнцу горячему, светлому, жаркому
 Ты передай мой привет.
 Ставь свой вопрос всему сильному,
 яркому —

Будет ответ!
 Гул предвечерний в заре догорающей,
 В сумерках зимнего дня.
 Третий звонок. Торопись, отъезжающий.
 Помни меня!

ШУТОЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Придет весна и вновь заглянет
 Мне в душу милыми очами,

Опять на сердце легче станет,
Нахлынет счастье — волнами.

Как змейки быстро зазмеется
Все ручейки вдоль грязных улиц,
Опять захочется смеяться
Над глупым видом сытых курицев.

А сыты курицы — те люди,
Которым дела нет до солнца,
Сидят, как лавочники-пуды
И смотрят в грязное оконце.

ВСТРЕЧА

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик.

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наших стоны.

С той девушкой у темного окна —
Виденьем рая в сутолке вокзальной —
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может, ей — и в небе счастья нет?..

В ЗАЛЕ

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилося, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, —
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.
Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

МИРОК

Дети — это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети — это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овец,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети — это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блески фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети — это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кровати трепетный обет,
Дети — это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

**ЖЕРТВАМ ШКОЛЬНЫХ
СУМЕРОК**

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные газеточки,
О, почему вы ушли?
Думы смущает заветные
Ваш неслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!...
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: «Не то»...
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, —
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша — на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
— Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?
Это узнают грядущие,
Нам это знать — не дано.

СЕРЕЖЕ

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,
Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильнее е!
О земле, где все — одна тревога.
И о том, как дивно быть у Бога,
Все скажи, — ведь дети знают все!

Понял ты, что жизнь иль смех иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

ДОРТУАР ВЕСНОЙ

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
Облужданье в раздуме средь спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар — как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожиданья,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинны, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветков, воскресаящий грозно,
Что сгубила весною теплица?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«Плывите!» — молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и роц лимонных.

Мыплыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий...
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,
Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали...
Он был так близок, но увы —
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы, и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах
Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины...

Вдруг — звон! Он здесь! Пошады нет!
То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрому улицам домой
Мы провозжали Чародея.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?

Может быть... — отвори же скорей
 Тайным знаком серебряной палочки! —
 Там фонтаны из слез матерей?
 И в распушенных косах русалочки?
 Не горящие жаждой уснуть —
 Как несчастны, как жалко-бездомны те!
 Дай нам в душу тебе заглянуть
 В той лиловой, той облачной комнате!

ЛЕТОМ

— «Ася, поверьте!» и что-то дрожит
 В Гришином деланом басы.
 Ася лукава и дальше бежит...
 Гриша — мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
 Клонятся трепетной нишей...
 Гриша глаза вытирает тайком,
 Ася — смеется над Гришей!

САМОУБИЙСТВО

Был вечер музыки и ласки,
 Все в дачном садике цвело.
 Ему в задумчивые глаза
 Взглянула мама так светло!
 Когда ж в пруду она исчезла
 И успокоилась вода,
 Он понял — жестом злого жезла
 Ее колдун увлек туда.
 Рыдала с дальней дачи флейта
 В сияньи розовых лучей...
 Он понял — прежде был он чей-то,
 Теперь же нищий стал, ничей.
 Он крикнул: «Мама!», вновь и снова,
 Потом пробрался, как в бреду,
 К постельке, не сказав ни слова
 Отом, что мамочка в пруду.
 Хоть над подушкой икона,
 Но страшно! — «Ах, вернись домой!»
 ...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
 Раздался голос: «Мальчик мой!»

 В изящном узеньком конверте
 Нашли ее «прости»: «Всегда
 Любовь и грусть — сильнее смерти». —
 Сильнее смерти... Да, о да!..

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Склоняются низко цветущие ветки,
 Фонтана в бассейне лепечут струи,
 В тенистых аллеях все детки, все детки...
 О детки в траве, почему не мои?
 Как будто на каждой головке коронка
 От взоров, детей стерегущих, любя.
 И матери каждой, что гладит ребенка,
 Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платица пестры,
 Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...

И шепчутся мамы, как нежные сестры:
 — «Подумайте, сын мой...» — «Да что вы!
 А мой...»

Я женщин люблю, что в бою не робели,
 Умевших и шпагу держать, и копые, —
 Но знаю, что только в плену колыбели
 Обычное — женское — счастье мое!

В СУМЕРКАХ

(На картину «Au Crepuscule» Paul Chabas в
 Люксембургском музее).
 Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
 Девочка цвета луны.
 Тихо. Не мучат уснувшей волны
 Мерные всплески весла.
 Вся — как наяда. Глаза зеленые,
 Стеблем меж вод расцвела.
 Сумеркам — верность, им, нежным, хвала:
 Дети от солнца больны.
 Дети — безумцы. Они влюблены
 В воду, в рояль, в зеркала...
 Мама с балкона домой позвала
 Девочку цвета луны.

ЭЛЬФОЧКА В ЗАЛЕ

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
 Под гибкими ручками маленькой Ани.
 За окнами мчались неясные сани,
 На улицах было пустынно и снежно.

Воздушная эльфочка в детском наряде
 Внимала тому, что лишь эльфочкам
 слышно.
 Овеяли тонкое личико пышно
 Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
 — Как будто старинный портрет перед
 вами! —
 От дум, что веками не скажешь словами,
 Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
 О сладостных чарах безбрежной печали,
 И души меж звуков друг друга встречали,
 И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: «Нет радости в страсти!
 Усталое сердце, усни же, усни ты!»
 И в сумерках зимних нам верилось власти
 Единственной, странной царевны Аниты.

ПЛЕННИЦА

Она покоится на вышитых подушках,
 Слегка взволнована мигающим лучом.

О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?

Шалунья-пленница томилась целый день
В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.

Не глали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.

Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут
рыбки,
И ждет серебряный, тяжелый экипаж.

Но... грезы все! Настанет миг расплаты;
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,
И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

ШАРМАНКА ВЕСНОЙ

— «Нег Володя, глядите в тетрадь!»
— «Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr этот гадкий шарманщик!»

Золотые дневные лучи
Теплой ласкою травку согрели.
— «Гадкий мальчик, глаголы учи!»
— О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fraulein Else сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!
Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками...
Fraulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,

И сменяется: «Пой, птичка, пой»
Дерзким вызовом Тореадора.

Fraulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
— «Не грусти, lieber Junge, — пора
Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!»
— «Я конфет попрошу у Алеши!
Fraulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fraulein Else, калоши?»

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

ЛЮДОВИК XVII

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам — вино, тебе — пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Несгнивший плод — цветок
неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...
И ты простер слабеющие руки
Туда вверх, где странникам — приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься — королем.

НА СКАЛАХ

Он был синеглазый и рыжий,
(Как порох во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русских сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,

И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он — мой!» — «Нет — он мой!» —
«Почему ж?»
Володя решает: «Вы обе!
Вы — жены, я — турок, ваш муж».

Забыто, что в платьицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»
— («Домой! Ася, Муся, Володя!»)
— Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим — как взрослые — трубки,
Мы — воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, — о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
— Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

ДАМА В ГОЛУБОМ

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: — «Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!»
Молвил — и видит: из сумрачных чаш
Дама идет через дуг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительный рук;
Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрее,
Вот уж склонилась над ним.
— «Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!»
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.

Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...
Эрик очнулся. Вокруг — никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В OUCHY

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

— «Все в знанье, скажут вам науки.
Не знаю... Сказки — хороши!»
О, эти медленные звуки,
О, эта музыка в Ouchy!
Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О, этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

АКВАРЕЛЬ

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

СКАЗОЧНЫЙ ШВАРЦВАЛЬД

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенья птиц... Жужжание пчелы...
Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься — ветхая старушка
Выйдет, шурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, —

Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случилось на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.
Будешь радость видеть в каждом миге,
Все поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

КАК МЫ ЧИТАЛИ «LICHTENSTEIN»

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятое
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих — мой герой, а Георг — Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня — милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямы,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

НАШИ ЦАРСТВА

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе — феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.
Лежим в траве и смотрим, как сквозь
ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе — феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам — для них совсем туманно:
Как и на все — на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи — дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Еще незрелый передаст ли стих?

ОТЪЕЗД

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень,
осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда,
Отъезд сердцам желанен и несносен!
Чуть вдалеке раздастся стук колес, —
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: «Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!» — «Ах, дети, вздохи
лишни».

Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен... Вы прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали...
(Какой-то крик... Кто звал? Никто
не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!
Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О, на крыльце последний шепот наш!
О, этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
— «Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!»

— «Марилэ, друг, пиши мне!» Ах, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
— «Надень берет!» — «Не раскрывай
пальто!»
— «Садитесь, ну?» — и папин голос
строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада...
Последний миг... — «Nun, kann es
losgehen,

Heerr?»

Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.
Мы, как во сне, о чем-то говорили...
Прощай, наш Карл, шварцвальдский
паренек!
Прощай, мой друг, шварцвальдская
Марилэ!

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
 Вы мне привет прошальный шлете,
 Неизменившие друзья
 В потертом, красном переплете.
 Чуть легкий выучен урок,
 Бегу тотчас же к вам, бывало,
 — Уж поздно! — Мама, десять строк!.. —
 Но, к счастью, мама забывала.
 Дрожат на люстрах огоньки...
 Как хорошо за книгой дома!
 Под Грига, Шумана и Кюи
 Я узнавала судьбы Тома.
 Темнеет, в воздухе свежо...
 Том в счастье с Бэки полон веры.
 Вот с факелом Индеец Джо
 Блуждает в сумраке пещеры...
 Кладбище... Вещий крик совы...
 (Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
 Приемыш чопорной вдовы,
 Как Диоген, живущий в бочке.
 Светлее солнца тронный зал,
 Над стройным мальчиком — корона...
 Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
 «Позвольте, я наследник трона!»
 Ушел во тьму, кто в ней возник.
 Британии печальны судьбы...
 — О, почему средь красных книг
 Опять за лампой не уснуть бы?
 О золотые времена,
 Где взор смелей и сердце чище!
 О золотые имена:
 Гекк Финн, Том Соьер, Принц и Нищий!

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
 Мы услышали твой тихий зов,
 С той поры нам чужды все живые
 И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
 Упиваясь близостью конца.
 Все, чем в лучший вечер мы богаты,
 Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неумоимо,
 (Без тебя лишь месяц в них глядел!)
 Ты вела своих малюток мимо
 Горькой жизни помыслов и дел.
 С ранних лет нам близок, кто печален,
 Скучен смех и чужд домашний кров...
 Наш корабль не в добрый миг отчален
 И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,
 Мы одни на палубе стоим.
 Видно, грусть оставила в наследство
 Ты, о мама, девочкам своим!

САРА В ВЕРСАЛЬСКОМ МОНАСТЫРЕ

Голубей над крышей вьется пара,
 Засыпает монастырский сад.
 Замечталась маленькая Сара
 На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
 Как былинка нежная слаба,
 И не знает крошка, что готовит
 Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
 От раздумья щеки розовой,
 Вьются кудри золотистой гривой
 До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
 Чуть звенит цепочкою браслет, —
 Все дитя как будто статуэтка
 Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
 Резкий звук развеял пень чар:
 То звонок воспитанниц сзывает
 В dortуар.

Подымает девочку с окошка,
 Как перо, монахиня-сестра.
 Добрый голос шепчет: «Сара-крошка,
 Спать пора!»

Село солнце в медленном пожаре,
 Серп луны прокрался из-за туч,
 И всю ночь легенды шепчет Саре
 Лунный луч.

МАЛЕНЬКИЙ ПАЖ

Этот крошка с душой безудетшной
 Был рожден, чтобы рыцарем пасть
 За улыбку возлюбленной дамы.
 Но она находила потешной,
 Как наивные драмы,
 Эту детскую страсть.

Он мечтал о погибели славной,
 О могуществе гордых царей
 Той страны, где восходит светило.
 Но она находила забавной
 Эту мысль и твердила:
 — «Вырастай поскорей!»

Он бродил одинокий и хмурый
 Меж поникших, серебряных трав,
 Все мечтал о турнирах, о шлеме...
 Был смешон мальчуган белокурый
 Избалованный всеми
 За насмешливый нрав.

Через мостик склоняюсь над водою,
Он шепнул (то последний был бред!)
— «Вот она мне кивает оттуда!»
Тихо плыл, озаренный звездой,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

DIE STILLE STRASSE

Die stille Strasse: юная листва
Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома — во сне... Блестящим детским
взором
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fraulein повторяем хором,
И воздух тих, загревший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрошталась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно.

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье название нам осталось тайной.

МАМА В САДУ

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!
Как бы улизнуть,
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.

Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
— Только там, за домом, тени...

МАМА НА ЛУГУ

Вы бродили с мамой на лугу,
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы

Я тебя, как прежде, берегу!»
Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цвело и пело в вечер мая...

Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.
Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи.

Защептала мама в горьком плаче:
«Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе, —
До конца лишь сердце нам закон!»
Не грусти! Ей смерть была легка:

Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

У КРОВАТКИ

Вале Генерозовой

— «Там, где шиповник рос альенький,
Гномы нашли колпачки...»
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

— «Солнце глядело сквозь веточки
К розе летела пчела...»
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

— «Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, — и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

— «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг...»
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

— «Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок...»
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

ТРИ ПОЦЕЛУЯ

— «Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!»
Она смеясь прижала губки
К ее руке.

— «Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?»
Она задумчиво прильнула
К его руке.

— «Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим — на песке!»
Она в слезах прижала губы
К своей руке.

ЭПИТАФИЯ

Тому, кто здесь лежит под травкой
вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный,
нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть...
Во всех грехах он был — ребенок нежный,
И потому — прости ему, Господь!

БЫВШЕМУ ЧАРОДЕЮ

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем
сея.
— «Брось камнем, не щади! Я жду, больной
ужаль!»
Нет, ненавистна мне надменность
фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только
жаль.

Стенами темных слов, растущими
во мраке,
Нас, нет, — не различить! К замкам найдем
ключи
И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет все
в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных
рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою
ладьей,
И из воздушных строк возникнет
стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

— «Погрешности прощать прекрасно,
да, но эту —

Нельзя: культура, честь, порядочность...
О нет».
— Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно все простить за плачущий
сонет!

ЧАРОДЕЮ

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказаны ночью,
Оттого ты с рожденья — ничей,
Оттого ты любил — с колыбели.

О, как многих любил ты, поэт:
Темнооких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом...
О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда — сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

В ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ

«Да, для вас наша жизнь
действительно в тумане».
Разговор 20-го декабря 1909

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...
Для нас безумные объятия
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом — смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те —
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны — в темноте!

Нас вальс и вечер — все тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...

Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, вешний запах.
Орchestra пение вдали —
И мы со вздохом в темных лапах,
Сожем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошпечем: «Милый!»
Что будет розовым закат.

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдрут от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнь не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца любви!

PERPETUUM MOBILE

Как звезды меркнут понемногу
В сиянии солнца золотом,
К нам друг другу давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
— И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
— И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой — блеск ракеты!
За проповедником — шутник!
— И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

СЛЕДУЮЩЕМУ

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц
заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком
веточка,
Рая явленье,
Нежный, как девушка, тихий, как
деточка,
Весь — удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»

— С дерзким надменны мы, с робким
застенчивы,
С мальчиком — дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о, глупенький,
маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не
знающий,
Голубоглазый!

ЛУЧ СЕРЕБРИСТЫЙ

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

ВТРОЕМ

— «Мы никого так...»
— «Мы никогда так...»
— «Ну, что же? Кончайте...»

27-го декабря 1909

Горькой расплаты, забвенья ль вино, —
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева — к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большого знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.

Как неизведанно утро встречать
В детской, прижавшись, втроем...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

ОШИБКА

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользят,
Берешь рукой — она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда, пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй,
рдей!»

Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

МУКА И МУКА

— «Все перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше мукой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!

ДВА В КВАДРАТЕ

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них «она»?
Здесь умолкают все укору, —
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

— «Прошел он!» — «Кто из них?»
Который?»
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укору. —
Вас двое. Наша ль то вина?

СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ СНЫ

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Все мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочел.

Я не молю: «О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, Боже,
Сон про меня!»

Пусть я при встрече с тобою бледнею, —
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть!
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты — майский! Тебе моя майская
грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся
там,

Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по легким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт, —
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты, как прежде: не гневный, не
мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы былого напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Целый вечер играли и тешились мы
ожерельем
Из зеленых, до дна отражающих взоры,
снега и тьмы!)
камней.
Ты непрочную нить потянул слишком
сильно,
И посыпались камни обильно,
При паденье сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим
неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших
трепетных пальцев
Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги
открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью
вечных скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений
нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам
заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым
холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок
стеклянных!

* * *

Наши души, не правда ль, еще не
привыкли к разлуке?
Все друг друга зовут трепетанием блещущих
крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные
руки,
Но о помнящих душах забыл.
Каждый вечер, зажженный по воле
волшебницы кроткой,
Каждый вечер, когда над горами
и в сердце туман,
К незабывшей душе неуверенно-робкой
походкой
Приближается прежний обман.
Словно ветер, что беглым порывом
минувшее будит,
Ты из блещущих строчек опять улыбаешься
мне.
Все позволено, все! Нас дневная тоска не
осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал
неназванно-сладостной муке,
(Будет много блужданий-скитаний средь
снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные
руки...
Не ответственные мы!

КРОМЕ ЛЮБВИ

Не любила, но плакала. Нет, не любила,
но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.
Только нам этот образ кивнул из вечернего
зала,
Только мы — ты и я — принесли ему
жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность — других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково
кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать
не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая
нежная нота
В пробуждении души.

В этой грустной душе ты бродил, как в
незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня
не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной — любви.

ПЛОХОЕ ОПРАВДАНИЕ

Как влюбленность старо, как любовь
забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь,
превращает наш храм.
О, мучительный стыд за вечернее лишнее
слово!
О, тоска по утрам!
Утонула в заре голубая, как месяц,
трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет
перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш
сад из Эдема...
Как влюбленность — старо!
Только ночью душе посылаются знаки
оттуда,
Оттого все ночное, как книгу, от всех
береги!

Никому не шепни, просыпаясь,
 про нежное чудо:
 Свет и чудо — враги!

Твой восторженный бред, светом розовых
 люстр золоченный,
 Будет утром смешон. Пусть его не услышит
 рассвет!

Будет утром — мудрец, будет утром —
 холодный ученый
 Тот, кто ночью — поэт.
 Как могла я, лишь ночью живя и дыша,
 как могла я
 Лучший вечер отдать на терзанье
 январскому дню?
 Только утро виню я, прошедшему вздох
 посылая,
 Только утро виню!

ПРЕДСКАЗАНЬЕ

— «У вас в душе приливы и отливы!»
 Ты сам сказал, ты это понял сам!
 О, как же ты, не верящий часам,
 Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесет грядущая минута?
 Чей давний образ вынырнет из сна?
 Веселый день, а завтра ночь грустна...
 Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вы
 Сказать «враги» двум белым парусам?
 Ведь знали вы... Ты это понял сам:
 В моей душе приливы и отливы!

ДЕТСКАЯ

Наша встреча была — в полумраке беседа
 Полувзрослого с полудетьми.
 Хлопя снега за окнами, песни метели...
 Мы из детской уйти не хотели,
 Вместо сказки не жаждали бреда...
 Если можешь — пойми!

Мы любили тебя — как могли, как умели;
 Целый сад в наших душах бы мог расцвести,
 Мы бы рай увидели воочию!..
 Но, испуганы зимнею ночью,
 Мы из детской уйти не посмели...
 Если можешь — прости!

РАЗНЫЕ ДЕТИ

Есть тихие дети. Дремать на плече
 У ласковой мамы им сладко и днем.
 Их слабые ручки не рвутся к свече, —
 Они не играют с огнем.

Есть дети — как искры: им пламя сродни.
 Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»

Они своенравны (ведь искры они!)
 И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
 Крестом потихоньку себя осеня,
 Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
 И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой
 суд:
 «Огня побоялась — так гибни во мгле!»
 Твои обвинения мне сердце грызут
 И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
 Они погибают в туманные дни.
 Им нету спасенья. Подумай о них
 И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...
 — Мой милый, был так беспощаден твой
 суд! —
 Но все же я сердцем твоя — и во мгле
 «За несколько светлых минут!»

НАША ЗАЛА

Мне тихонько шепнула вечерняя зала
 Укоряющим тоном, как няня любовно:
 — «Почему ты по дому скитаешься, словно
 Только утром приехав с вокзала?»

Беспорядочной грудой разбросаны вещи,
 Погляди, как растрепаны пыльные ноты!
 Хоть как прежде с покорностью смотришь
 в окно ты,
 Но шаги твои мерные резче.

В этом дремлющем доме ты словно чужая,
 Словно грустная гостя, без силы к утехам.
 Никого не встречаешь взволнованным
 смехом,
 Ни о ком не грустишь, провожая.

Много женщин видала на долгом веку я,
 — В этом доме их муки, увы, не случайны! —
 Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны
 Не одна поверяла, тоскуя.

О, не бойся меня, не противься упрямо:
 Как столетняя зала, вникает не каждый!
 Все скажи мне, как все рассказала однажды
 Мне твоя одинокая мама.

Я слежу за тобою внимательным взглядом,
 Облегчи свою душу рассказом нескорым!
 Почему не с тобой он, тот милый, с которым
 Ты когда-то здесь грезила рядом?»

— «К смелым душам, творящим лишь
страсти веленье,
Он умчался, в моей не дождавшись прилива.
Я в решительный вечер была боязлива,
Эти муки — мое искупленье.

Этим поздним укором я душу связала,
Как предателя бросив ее на солому,
И теперь я бездушно скитаюсь по дому,
Словно утром приехав с вокзала».

* * *

По тебе тоскует наша зала,
— Ты в тени ее видал едва —
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала.
Каждый вечер я скитаюсь в ней,
Повторяя в мыслях жесты, взоры...
На обоях прежние узоры,
Сумрак льется из окна синей;
Те же люстры, полукруг дивана,
(Только жаль, что люстры не горят!)
Филдендронов унылый ряд,
По углам расставленных без плана.
Спичек нет, — уж кто-то их унес!
Серый кот крадется из передней...
Это час моих любимых бредней,
Лучших дум и самых горьких слез.
Кто за делом, кто стремится в гости...
По роялю бродит сонный луч.
Поиграть? Давно потерял ключ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени услышит только зала.
Я тебе так мало рассказала, —
Ты в тени меня видал едва!

СЕРДЦА И ДУШИ

Души в нас — залы для редких гостей,
Знающих прелесть тепличных растений.
В них отдыхают от скорбных путей
Разные милые тени.

Тесные келейки — наши сердца.
В них заключенный один до могилы.
В келью мою заточен до конца
Ты без товарища, милый!

ЗИМОЙ

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?

Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий или синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

ТАК БУДЕТ

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем
взоре,

Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый — не мой!

Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчания, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется — не я!

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
— «Пусть сольются без слов наши души!»
Ты взволнованно шепчешь — не мне!

— «Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо
огня:
Так уютней... Забыла сейчас все слова я...»
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой — не меня!

У ГРОБИКА

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, выдавшей так мало,
Круглая больше не давит гробенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грести, никто не тревожит,
Грести меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).

Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Л. А. Т.

О, будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарёй была не властна.

Такой, как ты, нельзя обидеть:
Суровый звук — порвется нить!
Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь.
И не судить, а плакать надо.

ЭПИТАФИЯ

Л. А. Т.

НА ЗЕМЛЕ

— «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
— «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

В ЗЕМЛЕ

— «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
— «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

НАД ЗЕМЛЕЙ

— «Добро любила ль, всем сердцем,
страстно?
Зло — возмущало ль тебя оно?»
— «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»

ДАМЕ С КАМЕЛИЯМИ

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты — невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир — она!
В ней одной спасенье и защита.
Все в любви. Спи с миром, Маргарита...
Все в любви... Любила — спасена!

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустной дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди скоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи — ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольню, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блески,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая,
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

НИНЕ

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печалая.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки...

Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради,
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Все как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Все как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина
И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О, любимая, дальняя Нина!

В ШЕНБРУННЕ

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже...»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка-полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» — шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
— «Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.

Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем обьятый.
«Что рокочет там, меж чащ?
Море, что ли?» — «Сын, — солдаты!»

— «О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, —
Это рай?» — «Мой сын — Париж!»
— «А над ним склонилась?» — «Слава».

В ярком блеске Тюилери,
Развешаются знамена.
— «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!»

Барабаны, звуки струн,
Все в цветах... Ликуют дети...
Все спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

КАМЕРАТА

«Au moment ou je me disposais
a monter l'escalier, voila qu'une
femme, enveloppee dans un
manteau, me saisit vivement la
main et l'embrassa».

*Prokesh-Osten. «Mes relations
avec le duc de Reichstadt»¹.*

Его любя сильней, чем брата,
— Любя в нем род, и трон, и кровь, —
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пеня хор, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом
В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустили принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чащ!
Друг другу вняли — без обета
Мундир как снег и черный плащ.

¹ «В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее». — *Прокеш-Остен*. Мои отношения с герцогом Рейхштадтским (*фр.*).

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончания лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной — ты,
Он — в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас — дремала кровь...
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

РАССТАВАНИЕ

Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку позднюю порой...
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.

Мне шепчет голос без названия:
— «Ах, гнета грезы — не снести!»
Пред вечной тайной расставайтесь
Прими, о принц, мое прости.

О Сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.

Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола...
Я отдала тебе — так много!
Я слишком много отдала!

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцогу светлокудрый,
Моя великая любовь!

КОЛДУНЯ

Я — Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой — хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, —
Я призрачных эльфов сестра...

А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер — ничей...
Я сон твой. О, рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!»
— Быть может, и правда, но темен мой

взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смесь наыву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

АНЖЕЛИКА

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я — Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне — так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу,
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я — иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.
Плющ темнелиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика...
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я — Анжелика.

ДОБРЫЙ КОЛДУН

Всё видит, всё знает твой мудрый зрачок
Сердца тебе ясны, как травы.

Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнувший лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скупные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,
Без ласково-твердой хозяйской руки
Скупают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

ПОТОМОК ШВЕДСКИХ КОРОЛЕЙ

О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, —
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.

Мой славный род — моя отрав! —
Я от тоски сгораю — весь!
Падите ниц: пред вами здесь
Потомок славного Густава.

С надменной думой на лице
В своем мирке невинно-детском
Я о престоле грезил шведском,
О войнах, казнях и венце.

В моих глазах тоской о чуде
Такая ненависть зажглась,
Что этих слишком гневных глаз,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я бледен стал и слаб,
Я пленник самой горькой боли,
Я призрак утренний — не боле...
Но каждый враг мне, кто не раб!

Вспоен легендой дорогою,
Умру, легенды паладин,
И мой привет для всех один:
«Ты мог бы быть моим слугою!»

НЕДОУМЕНИЕ

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поюший новолунье,
И дриад, и глухнущие тропки, —
Испугался маленькой колдуньи!
Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?
Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

ОБРЕЧЕННАЯ

Бледные ручки коснулись роюля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печалю.
Кто твои думы смутил,

Бледная девушка, там, у роюля?
Тот, кто следит за тобой,
— Словно акула за маленькой рыбкой —
Он твоей будет судьбой!

И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.
С радостным видом хлопочут родные:
Дочка — невеста! Их дочь!

Если и снились ей грезы иные, —
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопочут родные.
Светлая церковь, кольцо,

Шум, поздравления, с образом мальчик...
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,
Где загорится кольцо.

ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО СЕМИ

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной — и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!
Ключам не надо — солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь — прощу,
Только меня не томи!
— Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

ВОЛЕЙ ЛУНЫ

Мы выходим из столовой
 Тем же шагом, как вчера:
 В зале облачно-диловой
 Безутешны вечера!
 Здесь на всем оттенок давний,
 Горе всюду прилегло,
 Но пока открыты ставни,
 Будет облачно-светло.
 Всюду ласка легкой пыли.
 (Что послушной? Что нежней?)
 Те, ушедшие, любили
 Рисовать ручонкой в ней.
 Этих маленьких ручонк
 Ждут рояль и зеркала.
 Был рояль когда-то звонок!
 Зала радостна была!
 Люстра, клавиш — все звенело,
 Увлекаясь их игрой...
 Хлопнул ставень — потемнело,
 Закрывается второй...
 Кто там шепчет еле-еле?
 Или в доме не мертво?
 Это струйкой льется в щели
 Лунной ночи колдовство.
 В зеркалах при лунном свете
 Снова жив огонь зрачков,
 И недвижим на паркете
 След остывших башмачков.

ROUGE ET BLEUE¹

Девочка в красном и девочка в синем
 Вместе гуляли в саду.
 — «Знаешь, Алина, мы платьица скинем,
 Будем купаться в пруду?»
 Пальчиком тонким грозя,
 Строго ответила девочка в синем:
 — «Мама сказала — нельзя».

* * *

Девушка в красном и девушка в синем
 Вечером шли вдоль межи.
 — «Хочешь, Алина, все бросим,
 все кином,

Хочешь, уедем? Скажи!»
 Вздохом сквозь вешний туман
 Грустно ответила девушка в синем:
 — «Полно! ведь жизнь — не роман...»

* * *

Женщина в красном и женщина в синем
 Шли по аллее вдвоем.
 — «Видишь, Алина, мы блекнем,
 мы стынем, —
 Пленницы в счастье своем...»
 С полуулыбкой из тьмы

Горько ответила женщина в синем:
 — «Что же? Ведь женщины мы!»

СТОЛОВАЯ

Столовая, четыре раза в день
 Миришь на миг во всем друг друга чуждых.
 Здесь разговор о самых скучных нуждах,
 Безмолвен тот, кому ответить лень.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
 Тарелок стук... Беседа коротка:
 — «Хотела в семь она прийти с катка?»
 — «Нет, к девяти», — ответит экономка.

Звонок. — «Нас нет: уехали, скажи!»
 — «Сегодня мы обедаем без света»...
 Вновь тишина, не ждущая ответа;
 Ведут беседу с вилками ножи.

— «Все кончили? Анюта, на тарелки!»
 Враждебный тон в негромких голосах,
 И все глядят, как на ственных часах
 Одна другую догоняют стрелки.

Роняют стул... Торопятся шагами...
 Прощай, о мир, из-за тарелки супа!
 Благодарят за пропитанье скупое
 И вновь расходятся — до ужина враги.

СКАЗКИ СОЛОВЬЕВА

О, эта молодость земная!
 Все так старо — и все так ново!
 У приоткрытого окна я
 Читаю сказки Соловьёва.

Я не дышу — в них все так зыбко!
 Вдруг вздохом призраки развею?
 Неосторожная улыбка
 Спугнет волшебника и фею.
 Порою смерть — как будто ласка,
 Порою жить — почти неловко!
 Блаженство в смерти, Звездоглазка!
 Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше ль уличного шума
 Зеленый пруд, где гнутся лозы?
 И темной власти Чернодума
 Не лучше ль сон Апрельской Розы?

Вдруг чей-то шепот: «Вечно в жмурки
 Играть с действительностью вредно.
 Настанет вечер, и бесследно
 Растают в пламени Снегурки!»

Все сны апрельской благодати
 Июльский вечер уничтожит».

¹ Красное и голубое (*фр.*).

— О, ты, кто мудр — и так некстати! —
Я не сержусь. Ты прав, быть может...

Ты прав! Здесь сны не много значат,
Здесь лжет и сон, не только слово...
Но, если хочешь знать, как плачут,
Читай в апреле Соловьева!

КАРТИНКА С КОНФЕТЫ

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет подобрыв взглядом мужа.

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым
старухам,

Твердит о долге, теребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет...
Как сладко жить! Вдруг блесстки эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови
И этот взгляд... Пред ней тот прежний,
тот,
Сказавший ей в слезах под Новый Год:
— «Умру без слов при вашем первом слове!»

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:
— «Да ты больна?» Немного побледнев,
Она в ответ роняет: «Это нервы».

«ПРОСТИ» НИНЕ

Прощай! Не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!
Поверь, не хватит наших сил
Для примирительного слова.
Твой нежный образ вечно мил,
Им сердце вечно жить готово, —
Но все ж не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!

ЕЕ СЛОВА

— «Слова твои льются, участью согреты,
Но темные взгляды в былом».
— «Не правда ли, милый, так смотрят
портреты,
Задетые белым крылом?»
— «Слова твои — струи, вскипают
и льются,

Но нежные губы в тоске».
— «Не правда ли, милый, так дети
смеются
Пред львами на красном песке?»
— «Слова твои — песни, в них возвы и силы,
Ты снова, как прежде, бодр»...
— «Так дети бодрятся, не правдали,
милый,
Которым в кроватку пора?»

ИНЦИДЕНТ ЗА СУПОМ

— «За дядю, за тетю, за маму, за папу...»
— «Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу...»
— «Нельзя баловаться, нельзя, мой
пригожий!...»
(Уж хочется плакать от злости Сереже.)
— «Не плачь, и на трех он на лапах поскачет».
Но поздно: Сереженька-первенец — плачет!

Разохлаась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама...
— «Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы
ждете?»
— «За папу, за маму, за дядю, за тетю...»

МАМА ЗА КНИГОЙ

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...
— «Мама, построй мне из кубиков
домик!»
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.

...Гневом глаза загорелись у графа:
«Здесь я, княгиня, по благости рока!»
— «Мама, а в море не тонет жирафа?»
Мама душою — далеко!

— «Мама, смотри: паутинка в котлете!»
В голосе детском упрек и угроза.
Мама очнулась от вымыслов: дети —
Горькая проза!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик...
Свет из окошка — так слаб!
Детскому сердцу — так горек!
Братец в раздумии трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз
В темном углу — наготове.

Холодно! Кукла без глаз
 Мрачно нахмурила брови:
 Куколке солнышка жаль!
 В зале — дрожащие звуки...
 Это тихонько рояль
 Тронули мамыны руки.

УТОМЛЕНЬЕ

Жди вопроса, придумывай числа...
 Если думать — то где же игра?
 Даже кукла нахмурилась кисло...
 Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
 Появляются все вечера.
 Папа болен, мама в концерте...
 Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
 Рукавицы надела сестра,
 — Но устанешь пугать гувернантку...
 Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
 Приуныла в углах детвора,
 Даже кукла нахмурилась кисло...
 Спать пора!

БАЛОВСТВО

В темной гостиной одиннадцать бьет.
 Что-то сегодня приснится?
 Мама-шалунья уснуть не дает!
 Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
 (Плакать смешно и стараться!)
 Дразнит, пугает, смешит, щекоча
 Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
 Прыгает, точно не дама...
 Детям она не уступит ни в чем,
 Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
 Глубже ушла в одеяльце,
 Мальчик без счета целует кольцо
 Золотое у мамы на пальце...

ЛУЧШИЙ СОЮЗ

Ты с детства полюбила тень,
 Он рыцарь грезы с колыбели.
 Вам голубые птицы пели
 О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
 — «С ним — лишь на небе!» — «Здесь —
 не с ней!»

Уж с колыбельных нежных дней
 Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
 Но нарушаются запреты
 В тот час, когда не спят портреты,
 И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
 К нему протягиваешь руки,
 Но ваши встречи — только муки,
 И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
 Пустым, доверенных, словам!
 Вас обручила тень, и вам
 Священны в жизни — только тени.

СТУК В ДВЕРЬ

Сердце дремлет, но сердце так чутко,
 Помнит все: и блаженство, и боль.
 Те лучи догорели давно ль?
 Как забыть тебя, грустный малютка,
 Синеглазый малютка король?

Ты, как прежде, бредешь чрез аллею,
 Неуступчив, надменен и дик;
 На кудрях — золотящийся блик...
 Я молчу, я смущенно не смею
 Заглянуть тебе в гаснущий лик.

Я из тех, о мой горестный мальчик,
 Что с рожденья не здесь и не там.
 О, внемли запоздалым мольбам!
 Почему ты с улыбкою пальчик
 Приложил осторожно к губам?

В бесконечность ступень поманила,
 Но, увы, обманула ступень:
 Бесконечность окончилась в день!
 Я для тени тебе изменила,
 Изменила для тени мне тень.

СЧАСТЬЕ

— «Ты прежде лишь розы ценила,
 В кудрях твоих венчик другой.
 Ты страстным цветам изменила?»
 — «Во имя твое, дорогой!»

— «Мне ландышей надо в апреле,
 Я в мае топчу их ногой.
 Что шепчешь в ответ еле-еле?»
 — «Во имя твое, дорогой!»

— «Мне мил колокольчик-бубенчик,
 Его я пребуду слугой.
 Ты молча срываешь свой венчик?»
 — «Во имя твое, дорогой!»

НЕВЕСТАМ МУДРЕЦОВ

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещей глаз,
Их каждый миг — мучительный экстаз.
Вы перед ними — шепки в океане!
Для них любовь — минутный луч в тумане,
Единый свет немеркнувший — для вас.

Вы лишь в любви таинственно-богаты,
В ней все: пожар и голубые льды,
Последний луч и первый луч звезды,
Все ручейки, все травы, все закаты!..
— Над ними лик склоняется Гекаты,
Им лунной Греции цветут сады...

Они покой находят в Гераклите,
Орфея тень им зажигает взор...
А что у вас? Один венчальный флер!
Вяжите крепче золотые нити
И каждый миг молитвенно стелите
Свою любовь, как маленький ковер!

1910

НА ПРОЩАНИЕ

Mein Herz tragt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich mocht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer tragt.

Франкфуртская песенка

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытывая, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду — твоя.
Ты все мне поведал — так рано!
Я всё разгадала — так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.
Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижим под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного — и навек!

* * *

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком проходе судьбу.
Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шалья,
Из кружек больших молоко.
О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;
Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалунья, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!
Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: «Пора!» забвению?
— На солнце, на ветер, на вольный простор

Любовь уносите свою!
Шолохово, февраль 1910

ВСТРЕЧА

...«есть встречи случайные»...

Из дорогого письма

Гаснул вечер, как мы, умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел — так неожиданно! так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдаль чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К кому?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

ПАСХА В АПРЕЛЕ

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, догорая,
С улицы фраз отголоски...
Тихо брожу от крыльца до сарая,

Меряю доски.
 В небе, как зарево, вешняя зорька,
 Волны пасхального звона...
 Вот у соседей заплакал так горько
 Звук граммофона,
 Вторят ему бесконечно-уныло
 Взвизги гармоники с кухни...
 Многое было, ах, многое было...
 Прошлое, рухни!
 Нет, не помогут и яйца на блюде!
 Поздно... Лучи догорели...
 Что безнадежней, скажите мне, люди,
 Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

ПРИВЕТ ИЗ ВАГОНА

Сильнее гул, как будто выше — зданья,
 В последний раз колеблется вагон,
 В последний раз... Мы едем...
 До свиданья,
 Мой зимний сон!
 Мой зимний сон, мой сон до слез
 хороший,
 Я от тебя судьбой унесена.
 Так суждено! Не надо мне ни ноши
 В пути, ни сна.
 Под шум вагона сладко верит чуду
 И к дальним дням, еще туманным,
 плыть.

Мир так широк! Тебя в нем позабуду
 Я, может быть?
 Вагонный мрак как будто давит плечи,
 В окно струёй вливается туман...
 Мой дальний друг, пойми — все эти речи
 Самообман!
 Что новый край? Везде борьба со скукой,
 Все тот же смех и блески тех же звезд,
 И там, как здесь, мне будет сладкой
 мукой

Твой тихий жест.
 9 июня 1910

ПРАВДА

Vitam impendere vero.

Мир утомленный вздохнул от смятений,
 Розовый вечер струит забыть...
 Нас разлучили не люди, а тени,
 Мальчик мой, сердце мое!
 Высятся стены, туманом одеты,
 Солнце без сил уронило копые...
 В мире вечернем мне холодно. Где ты,
 Мальчик мой, сердце мое?
 Ты не услышишь. Надвинулись стены,
 Все потухает, сливается все...
 Не было, нет и не будет замены,
 Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

RICORDO DI TIVOLI

Мальчик к губам приложил осторожно
 свирель,
 Девочка, плача, головку на грудь уронила...
 — Грустно и мило! —
 Скорбно склоняется к детям столетняя ель.
 Темная ель в этой жизни видала так много
 Слишком красивых, с большими глазами,
 детей. Нет путей
 Им в нашей жизни. Их счастье, их радость —
 у Бога.
 Море синее вдали, как огромный
 сапфир,
 Детские крики доносятся с дальней
 лужайки,
 В воздухе — чайки...
 Мальчик играет, а девочке в друге весь
 мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
 Мощная, мудрая, много выдавшая ель!
 Плачет свирель...
 Девочка, плача, головку на грудь
 уронила.

Берлин, лето 1910

ОБА ЛУЧА

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
 Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
 Луч серебристый молился, а яркий
 Нежно любил.
 Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
 Каждую искорку, сердце, лови!
 В каждой молитве — любовь, и молитва —
 В каждой любви!
 Знаю одно лишь: погашенных в плаче
 Жалкая мне не заменит свеча.
 Буду любить, не умея иначе —
 Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

Ваши белые могилки рядом,
 Ту же песнь поют колокола
 Двум сердцам, которых жизнь была
 В зимний день светло расцветшим садом.
 Обо всем сказав другому взглядом,
 Каждый ждал. Но вот из-за угла
 Пронеслась смертельная стрела,
 Роковым напитанная ядом.
 Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
 В зимний день, средь снега, расцвела...
 Ту же песнь вам шлют колокола,
 Ваши белые могилки — рядом.
Weisser Hirsch, лето 1910

ЕЩЕ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленье завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не все только
тени.

Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвети всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастья нет,
вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдье пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святыхъ.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать — только
тени

В тихом царстве любимых теней.
Осень 1910, Москва

ОСУЖДЕННЫЕ

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же
И те же голоса.
Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах третьей — небо. Где же
Такие встретишь небеса?

Им отдала при первой встрече
Я чайные свое.
Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;
Еще изменчива другая,

А третья ждет, изнемогая...
И все, от жизни убегая,
Уже осужденя.
Москва, осень 1910

* * *

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, —
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети — тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы — дитя. Но все ли дети — тайны?!
Москва, 27 ноября 1910

КАТОК РАСТАЯЛ

...«но ведь есть коток»...

Письмо 17 января 1910

Каток растаял... Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимую грусть была едина...
Вдруг новый образ встанет... Чей?
Душа людская — та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смел снежинку лепесток!
— Душе капризной странно дорог,
Как сон, растаявший коток...

ВОЛШЕБСТВО В СТИХАХ БРЮСОВА

Есть поэты — волшебники в каждой строчке. Их души — зеркала, собирающие все лунные лучи волшебства и отражающие только их. Не ищите в них ни пути, ни этапов, ни цели. Их муза с колыбели до гроба — принцесса и волшебница. Не к ним принадлежит Брюсов. У Брюсова много муз — муза в лавровом венке, в венце из терний, муза в латах и шлеме, муза «с поддельной красотой ланит», но есть и волшебница, есть и девушка-муза. Об этой редкой гостье в стихах Брюсова я и хочу рассказать.

Доказать волшебство — в лице ли, в голосе ли, в стихах ли оно — невозможно. Заглянуть в чьи-нибудь черты, прочтя какую-нибудь строчку, мы только можем воскликнуть: ах! только вздрогнуть от сознания, что волшебство здесь, перед нами. Кто докажет улыбку Джоконды?

Немного раз улыбнулась волшебница-муза на 600 страницах «Путей и перепутий». Но эти улыбки единственны и незабвенны.

Вот стихотворение «Идеал». Уже с первой строчки «Ее он увидел в магический час» — нас охватывает легкая дрожь, первая предвестница волшебства. «Магический час» — мы уже чувствуем, что это час сумерек, странный час после заката. «Был вечер лазурным, и запад погас...» Мы входим в сказку. Несложная это сказка и с грустным концом, как все лучшие сказки. Вся она в трех словах: увиделись, поняли, расстались. Но это было на заре жизни и в сумерках дня. Юность и сумерки — и уже волшебство! Нельзя уйти от этого стихотворения, не отметив несколько несказанно глубоких, слишком редких у Брюсова строк:

То был мотылек, пилигрим вечеров,
который подслушал прощанье без слов,
то было смущенное облачко мая...

Какая в них простота, какая проникновенность. Эти строки — почти молитва.

Соединение образов девушки и мотылька не единственно в стихах поэта. Мы встречаем его и в стихотворении «Женщина», где поэт прямо отождествляет девушку с мотыльком.

О девушки, о мотыльки на воле!
Вас на балу звенящий вальс влечет,
Вы в нашей жизни, как цветы магнолий.
Но каждая узнает свой черед...

Может быть, завтра один из этих мотыльков на воле будет биться в золотой бахроме из стихотворения «Продажная» и тосковать о навеки утраченных зеленых листьях:

Альков задрожал золотой бахромой.
Она задернула длинные кисти...
О, да, ей грезился свод голубой
И зеленые листья...

В этом стихотворении уже не улыбка, в нем плач девушки-музы.

Все девушки Брюсова — обречены. Что ждет ее, проходящую по бульвару «с опущенным взором, в пелериночке белой», и ту, чьи «прикрыты стыдливо виски», и ту из стихотворения «Весна»? Остановимся на нем. Я так ясно вижу героиню. Ей 15, 16 лет. Она кого-то любит, она ничего не знает о жизни. Все ушли, и вот она стала у окна и чертит «его» инициалы. О чем она думает? Быть может, совсем не о нем. Думает о море, которое знает только по стихам и картинкам, о какой-то будущей боли, о какой-то не нашей весне.

Где-то за морем тогда расцветала весна...

Мне кажется, что волшебство мира заключено в этой строчке, как в выражении «звенящий бал» — вся юность. На что обречены они, юные и нежные героини лучших стихотворений Брюсова? Ответ на это в строчках:

Вот и тайна земных наслаждений,
Но такой ли ее я ждала накануне?
Я дрожу от стыда, я смеюсь...

Вслед за звенящими вальсами — золотая клетка алькова; за мечтой о любви — осуществление ее. Но это не конец. Из глубины плена до нас доходит тихая жалоба, последняя мечта:

И если Бог пошлет мне сон
О недоступном и о счастье,
Мне про любовь не скажет он,
Мне не приснится сладоустраение.

И буду вновь ребенком я
Под тихим пологом кровати,
И сядет рядом мать моя,
Озарена огнем лампадки.

Не все погибло! — Есть воспоминание.

Музыкой юности, вызванной властью воспоминаний, звучат стихотворения «Одиночество» и «Первые встречи». В них оживает убитое жизнью волшебство. Перед нами образ двух сестер, слышавших когда-то первые клятвы поэта; тенистый сад перед нами — сад его юности.

Мы ведь дети, все мы дети, мотыльки вокруг огней!

Много ликов у волшебства. Всех времен оно, всех возрастов и стран. Видеть его лишь в тонких чертах шестнадцатилетних — ошибка. Юность равна волшебству, но волшебство — не только юности. Не юноша и девушка перед нами в стихотворении «Встреча».

О этот крик желанья пленного!

Но уже первые строки заставляют нас сжать руки и широко раскрыть глаза:

О эти встречи мимолетные
На гулких улицах столиц!

Шум экипажей, блеск витрин, смена лиц, и среди нескольких лиц вдруг одно на миг единственное, — вот оно, волшебство улицы! Кто она, эта незнакомка? Не все ли равно! Из глаз ее глядят неповторимое и тайна.

Улица — самое любимое Брюсовым проявление волшебства. Ее холод лишь для тех, чьи глаза не зажигаются от фонарей и витрин, чье сердце не зажигается с глазами.

Горят электричеством луны
На выгнутых, длинных столбах...

В этом стихотворении — все волшебство городской весны. Прочтите его вы, отрицающий музыку в душе и стихах поэта. Прочтите вслух эти строки:

Как тихие звуки клавира
Далекие рокоты дня...

Что может быть ближе к самим звукам клавира, чем эта строка о них?

Слово «клавир» сразу переносит нас в Германию, страну лучших сказок. Ей обязан Брюсов другим своим прекрасным стихотворением:

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи...

Зеленоватый Рейн с повторенными у берегов башнями старого Кельна и сверкающими вдали парусами; темная зелень виноградников; «песня милой старины...».

О, волшебство старой Германии! О, Heinrich Heine! Мысль о Германии наводит меня на волшебство вагона. Мчится поезд. За окнами ночь. В еле освещенном купе чьи-то зеленые глаза:

И было ль то влиянье
Качания и тьмы,
Но было там влиянье,
В котором никли мы...

И вновь перед нами двое чужих, соединенных на миг волшебством ночи и вагона:

И чьи-то губы сближались
Во тьме к другим губам,
И чьи-то губы сближались, —
Иль снилось это нам?

Снилось ли? Лучше так! Кто знает, какими оказались бы при ровном дневном свете эти зеленые глаза?

Нет мечтательней любви, покинутой волшебством! И на вопрос поэта своей Ми-ньоне:

Как объяснишь, что покинуло нас! —

есть только один ответ: сердце любви — волшебство! Лихорадочное биение этого сердца слышим мы в стихотворении «Который раз».

Будет миг, как долгий сон,
Качать, баюкать нас.
Я странно счастлив, я влюблен...
Влюблен! — который раз!

Каким прекрасным было бы это стихотворение без последней строфы:

И в стройных строфах вновь мечты
Поют — который раз
А месяц смотрит с высоты —
Веков холодный глаз.

Такой конец разрушает все. До стройности ли строф, когда любишь? И может ли месяц быть для влюбленного лишь холодным глазом веков? Нет печальней поэта в последней — главной — строфе, покинутого волшебством!

Но вот уж опять оно нахлынуло волнами «Бала»:

Забвенье, и круженье, и движенье
Вдаль, без возврата...

Еще несколько слов о волшебном из волшебных стихотворений поэта — «Встреча» («Близ медлительного Нила»). Из него нельзя приводить отдельных строк, как нельзя из груды драгоценных камней выбрать один лучший. Приходится, как дети, говорить: «все лучше» — и брать все.

Измена романтизму; оскорбление юности в намеренно-небрежной критике молодых поэтов; полная бездарность психодрамы «Прихожий», — да простится все это Брюсову за то, что и в его руках когда-то сверкал многогранный алмаз волшебства.

1911—1912

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ

«LES RENCONTRES DE M. DE BREOT»

REGNER

Облачко бело, и мне в облака
Стыдно глядеть вечерами.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес
Ласковой тайны мне снова.
О, почему у земного
Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты
И укоряют в измене.
О, почему не у тени
Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К вам потянулась рука?
Москва, 14 января 1911

ДЕТСКИЙ ЮГ

В каждом случайном объятии
Я вспоминаю ее,
Детское сердце мое,
Девочку в розовом платье.

Где-то в горах огоньки.
(Видно, душа над могилой.)
Синие глазки у милой
И до плечей завитки.

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушливый прян,
Где-то рокошет фонтан,
Что-то лопочет татарин.

Жмутся к холодной щеке
Похолодевшие губки;
Нежные ручки так хрупки
В похолодевшей руке...

В чьем опьяненном объятии
Ты обрела забытьё,
Лучшее сердце мое,
Девочка в розовом платье.
*Гурзуф, Генуэзская крепость,
апрель 1911*

ВЕСНА В ВАГОНЕ

Встают, встают за дымкой синей
Зеленые холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки...
Но этой сказки героини
Апрельские — не мы!

Ты улыбнулась нам, Мария.
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны...
Но этой встречи феерия
Апрельская — не нам!
Гурзуф, 1 мая 1911

БАБУШКИН ВНУЧЕК

Шпагу, смеясь, подвесил,
Люстру потрогал — звон...
Маленький мальчик весел:
Бабушкин внучек он!

Если в гостиной странной
Жутко ему колонн,
Может уснуть в диванной:
Бабушкин внучек он!

Светлый меж темных кресел
Мальчику снится сон.
Мальчик и сонный весел:
Бабушкин внучек он!
Коктебель, 13 мая 1911

ВЕНЕРА

Серреже

1

В небо ручонками тянется,
Строит в песке купола...
Нежно вечерняя странница
В небо его позвала.
Пусть на земле увядание,
Над колыбелькою крест!
Мальчик ушел на свидание
С самою нежной из звезд.

2

Ах, недаром лучше хлеба
Жадным глазкам балаган.
Темнокудрый мальчуган,
Он недаром смотрит в небо!
По душе ему курган,

Воля, поле, даль без меры...
Он рожден в лучах Венеры,
Голубой звезды цыган.
Коктебель, 18 мая 1911

НА ВОКЗАЛЕ

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка...
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?

Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.
Наимладшему тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.

Догонять ее, что станет силы,
«Добрый путь» кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.

Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: «войой!»
«Ася, руку мне!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцелуй!»)

Поезд тронулся — на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.

И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.
Брестский вокзал, 3 декабря 1911

КОНТРАБАНДИСТЫ И БАНДИТЫ

Серреже

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота...
Но это вздор! Его мечта —
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны —
Его любимая мечта.

Он странно-дик, ему из школы
Не ждать похвального листа.
Что бедный лист, когда мечта —
Контрабандисты и пистолы!

Что все мирское суета,
Пусть говорит аббат сердитый, —
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

Коктебель, Змеиный грот. 1911

ТО, ЧТО БЫЛО

ВОЛШЕБНЫЙ ЦВЕТ

Он был учителем Андрюши, студент в серой тужурке, с добрыми карими глазами, шутившимися от света и смеха. Утром он ходил в университет, после обеда учил Андрюшу Закону Божьему, русскому и арифметике, вечером был наш. Т. е. это так говорилось, а по-настоящему он был только Асин. Когда она за обедом поднимала свое вечное и-и-и-и, — а это случалось сначала за супом, потом за вторым, — после долгих няниных уверений, что от супа растут, а от котлеты хорошеют, после мамино стояния на коленях у ее креслица, после папиного финального: «Иль съешь или вон из-за стола!», стоило ему только шепнуть ей несколько слов на ухо, как она бралась за ложку и молча глотала все требовавшееся.

Для него она пожелала сняться. — «Мама, он уедет и увезет меня с собой!» В фотографии она положила одну ногу на другую, улыбнулась и сидела неподвижно даже после того, как фотограф любезно пригласил ее сойти с места. Когда ей на Рождество подарили куклу, она назвала ее Аркашей, хотя слишком русский костюм скорее напоминал полотера. По вечерам он рассказывал нам сказки, — конечно не нам, а только ей. — «Знаешь, эдак, Асенька...» (он немного заикался) «...жила, эдак, одна старушка, эдак. И вот приплыла она к лежанке... Не старушка, эдак, а старик еще один был. Вышел он утром к морю, эдак, ты понимаешь? Смотрит — в сетях, эдак, старушка, то бишь рыбка... Ты понимаешь?»

— Да! — твердо отвечала она.

— И вот, эдак, зажили они втроем. Смотрит старичок — опять разбитое корыто, а в нем, эдак, старушка...

Я ясно чувствовала, что здесь что-то не то. Когда мама читала нам о старичке, старушке и рыбке, выходило гораздо понятнее. Во-первых, рыбка была не простая, а зо-ло-та-я, во-вторых, случались разные вещи, о которых Аркадий Александрович совсем не упоминал, в-третьих, все кончалось не так скоро.

Но Асе его сказка нравилась больше маминой, — ведь рассказывал он. Когда мы гуляли на бульваре, Ася первая замечала его в группе студентов на скамейке у памятника Пушкину.

Ни нянины просьбы, ни мое ворчанье не помогали. Приходилось бросать лопатки, снежные домики, брать ее за руку и мчаться с ней что есть духу к заветной скамейке.

— А-а, это ты, Асенька? Гуляешь, эдак? Да, хорошо... А это мои товарищи... — смущенно бормотал Аркадий Александрович, потирая красные руки без перчаток. Ася сидела у него на коленях и считала:

— Раз, два, четыре... Когда я вырасту... Пять и три... Тогда мы с тобой... Раз и два...

Студенты, не понимая, смеялись. Аркадий Александрович смеялся и понимал, — Ася высчитывала по пальцам, сколько лет ему еще ждать свадьбы с ней.

Однажды утром к нам в комнату бомбой влетела наша немецкая бонна. — Забрали, забрали! Verloren! Grosser Gott! Er Jung! Что видит теперь из ней? Нищасни маладой шилавек! Нагрубил профессор! Ах, мой Бог! Ни рыба ни мяс!

Мы поняли только последнее: Аркадий Александрович ни рыба ни мясо. Но чего же тут такого ужасного?

Ася тем не менее затянула свое и-и-и, сначала тихо, потом все громче, безудержнее, безутешнее...

Не пришлось ей проститься с Аркадием Александровичем. Он был выслан из Москвы. Много времени спустя мама застала ее за странным занятием: она собирала на коленях пыль по углам и нежно целовала. На вопрос: «Да что с тобой?» сквозь внезапные и-и-и с трудом можно было понять: «Как тужурка... тоже серая!»

Ей тогда было 4,5 года.

ЛИТЕРАТУРА

А когда Онегин потом пришел к Татьяне, она была уже замужем и не могла его любить. «Но я другому отдана и буду век ему верна...» А раньше его она любила, а он ее нет.

Я подхожу к зеркалу. Лицо круглое и какое-то глупое. Нет, совсем не похожа на Татьяну, скорей на Ольгу. Но Ольга скучная.

— Муся, обедать!

Но ведь Татьяна тоже была сначала маленькой. Может быть... может быть, она тоже сначала была такая? Она любила книги, я тоже люблю книги. Она не любила играть, я тоже не люблю играть. Совсем я не похожа на Ольгу! Очень нужно брать Ольгу, пусть Ася ее берет! Я решительно не хочу ее.

— Муся, обедать!

Все уже сидят за столом. Мое место рядом с мамой. Он как раз напротив меня, между Лёрой и Альфонсинкой.

— Мама, можно мне сесть рядом с Александром Павловичем?

— А зачем?

— Так!

— Ну, иди. Только совершенно не понимаю, зачем это тебе понадобилось.

Мы меняемся с Лёрой местами.

За обедом всегда говорят о чем-то непонятном. Папа рассказывает о филологах и юристах. Нам лучше нравятся филологи. Раз вечером мы видели одного юриста, — он был в желтом костюме, говорил очень громко, рассказывал папе свою жизнь, потом писал ее, потом попросил денег, а когда уходил, свалился с лестницы и сказал, что это часто с ним бывает.

Слава богу, что Александр Павлович не юрист. Он — филолог, папа тоже филолог. Подали третье. Опять blanc-manger. Нам его всегда дают в сочельник, когда мы обедаем наверху в детской, и мы его выкидываем в форточку. Но ведь сегодня не сочельник! Ася плаксиво морщится, Андрюша льет воду в тарелку, я грустно прошу маму позволения не есть.

— Что с тобой, Мусенька? — удивляется Александр Павлович.

— Так, что-то есть не хочется! — безнадежно отвечаю я. Пусть он думает, что от любви к нему (я ничего еще не сказала, но он же должен понять!).

А может быть, правда от любви! Когда очень сильно кого-нибудь любишь, — это рассказывала нам Альфонсинка, — то никогда ничего не ешь. Одна барышня даже умерла, и он плакал на ее могиле и приносил ей незабудки. Потом он тоже умер.

Обед кончен, и мы наверху.

— M-elle Alphoncine, j'ai besoin d'ecrire une lettre!

— A qui?

— Donnez moi je Vous prie du papier.

Она вынула розовую бумажку. Я пишу, она глядит мне через плечо. Письмо не ладится. Во-первых, я начала: «Дорогой Онегин!» А вдруг он не поймет, что это ему? Во-вторых, я не знаю, как писать: «терпение». Альфонсинка тоже не знает.

— Oh, je sais ce que nous allons faire. J'ai une tres jolie lettre d'amour, tu n'as qu'a la tra-duire.

Сказано — сделано. «Alexandre, que c'est mal...» Я перевожу: «Александр, какой ты гадкий!» — «de trahis ainsi la confiance...» «...что выдаешь так доверие...»

Как хорошо писать с французского! Все так торжественно, такие трудные умные слова!

Только почему на ты? Альфонсинка утешает меня, что это всегда так делается. Письмо готово. Но как передать его? Альфонсинка не хочет, — вдруг мама увидит! Андрюша терпеть не может Александра Павловича и нарочно не передаст. Лёра ушла, — Ася!

— Ася, а я тебе подарила вчера фартук для Аркаши, — помнишь?

— Аркаша фартуков не носит. Он мальчик!

Молчание.

— Ася: хочешь моего прошлогоднего червяка в яичке, белого?

— А что я тебе дам?

— Ничего, я тебе его так подарю!

Ася уничтожающе смотрит на меня. Я смущаюсь:

— Только ты одну вещь отнесешь Алксандру Павловичу, хорошо?

— А он целый?

— Да, я тебе еще яичко дам!

— Еще зеленый карандаш дай, тогда я пойду...

Зеленый карандаш! Ни у кого нет зеленого... Да, но синий с желтым ведь зеленый.

— Бери!

Мы три раза стукаемся лбом, и Ася летит к Алксандру Павловичу, крича на весь дом: «Вам Муся письмо написала! Вам Муся письмо прислала!»

Проснувшись на другой день, я сразу почувствовала, что сделала какую-то глупость. А вдруг он за завтраком прочтет его вслух? Папа непременно выгонит меня из-за стола. Уроки я готовила невнимательно, на рояле играла еще хуже, — мой учитель Василий Иванович и мама никак не могли понять, что со мной сделалось. Наконец пришло двенадцать. Зовут завтракать. А может быть, не пойти совсем? Прочтут без меня. Но все равно придется идти обедать. А может быть, и обедать не идти? Тогда он принесет мне незабудки. Попросить его не читать? Но поздно: я уже за столом.

Разговор идет о Лёриной подруге Раечке Оболенской.

— Терпеть не могу этого типа курсистки! — говорит мама. — Ни женственности, ни такта...

Лёра молчит и смотрит в тарелку. Сейчас она встанет из-за стола и начнется скандал.

— Раечка — прекрасное существо! — вдруг начинает Александр Павлович. — Непосредственное, живое, искреннее...

Почему мне так неприятно слушать это? Я очень люблю Раечку, но...

— Несмотря на ее манеры, она мне нравится... — продолжает Александр Павлович.

— Раечка Оболенская совсем не прекрасное существо! — вдруг заявляю я.

— Тебя не спрашивают! — говорит папа.

— Маме она не нравится, и мне она тоже не нравится.

— Муся! — Мама поражена. Александр Павлович улыбается и переглядывается с мамой.

— Когда я кончу курс, я женюсь на Раечке и увезу ее в Екатеринбург.

— А я поеду за вами.

— А мы поедем рано утром, когда ты будешь спать...

— А я не буду спать!

— Я увезу ее к себе на Урал! — Александр Павлович радостно хохочет, и желтая борodka его трясется, а глаза делаются, как щелки.

— Я отравлю ее! — Тут я бросаю вилку и открываю рот вовсю.

— А тебя сошлют в Сибирь!
— А я убегу, я убью, я ее, я вас, я, я...

Начинается ужасный крик. Папа сердится на маму, — «это все книги!» — мама на Альфонсинку, Лёра на Александра Павловича, — зачем меня дразнит, Андрюша страшно доволен и потихоньку дергает Асю за ногу, Ася сует под стол противные бобы...

Я вылетаю из-за стола и бегу наверх. На постели я плачу, уткнувшись лицом в подушку. Стучат. Пусть стучат! Дверь на крючке. Еще раз...

— Мусенька, я мириться пришел, отопри мне!

«Это Лёра его подослала», — соображаю я, все еще плача, и не открываю. Вскоре пришла Альфонсинка и начала меня утешать.

— Это потому, что ты еще маленькая! — говорила она по-французски. — Будешь большая, все переменится. Не надо обращать внимание на молодых людей, надо быть холодной ко всем.

— Да, но Татьяна вовсе не была холодной ко всем, она тоже первая написала, — возражала я. Но Альфонсинка не знала Татьяны.

Утешившись немного, я принялась за новое письмо, на этот раз уже не перевод. Тут были и угрозы, и просьбы, и упреки, но больше всего восклицательных знаков. Ася, в обмен на оловянную птичку, согласилась передать и это письмо.

После ужина, прошедшего очень тихо, я получила его обратно с подчеркнутыми красным карандашом ошибками.

Было над чем задуматься. Зачем подчеркивать ошибки? Ведь это же не диктант. Разве Онегин подчеркивал ошибки в Татьянинном письме? Разве Онегин был влюблен в Раечку? Разве он хотел ее увезти на Урал? Разве он учился в университете? Разве у него была желтая борода? Разве...

Да разве я-то похожа на Татьяну?

Когда Альфонсинка вечером подошла к моей постели, я сказала, что больше не люблю Александра Павловича.

— Конечно, не стоит! — сказала она. — Я совсем не понимала, что тебе в нем нравится. Такой худой и к тому же... geretiteu. Я бы на твоём месте взяла кого-нибудь из знакомых твоего отца. Но у тебя много времени впереди, ведь тебе только семь лет...

— Я совсем никого не возьму! — твердо ответила я.

До 1912 года (по дате выхода сб. «Волебный фонарь»)

До 1912

* * *

Милый читатель! Смеясь, как ребенок,
Весело встретить мой волшебный фонарь.
Искренний смех твой, да будет он звонок
И безотчетен, как встарь.

Все промелькнет в продолжении мига:
Рыцарь, и паж, и волшебник, и царь...
Прочь размышленья! Ведь женская книга —
Только волшебный фонарь!

МАМЕ

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.
Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала роля.

В СУББОТУ

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.

Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня Суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

«КУРЛЫК»

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожешь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».

Бедная Fraulein в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, —
Все воскресает под милое слово,
Детское слово «курлык».

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

У мамы сегодня печальные глазки,
Которых и дети и няня боятся.
Не смотрят они на солдата в каске
И даже не видят паяца.

У мамы сегодня прозрачные жилки
Особенно сини на маленьких ручках.
Она не сердита на грязные вилки
И детские губы в тянучках.

У мамы сегодня ни песен, ни сказки,
Бледнее, чем прежде, холодные щечки,
И даже не хочет в правдивые глазки
Взглянуть она маленькой дочке.

В КЛАССЕ

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг — единица!

Смотрит учитель, как будто не веря
Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница...

Разве учитель узнает, какая
Боль — единица?

НА БУЛЬВАРЕ

В небе — вечер, в небе — тучки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша девочка устала,
Улыбаться перестала,
Держат маленькие ручки
Синий шар.
Бедным пальчикам неловко:
Синий шар стремится вдаль.
Не дается счастье даром!
Сколько муки с этим шаром!
Миг — и выскользнет веревка.
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
— В зимнем сумраке бульвар. —
Наша детка побежала,
Ручки сонные разжала...
Мчится в розовые тучки
Синий шар.

СОВЕТ

«Если хочешь ты папе советом помочь»,
Шепчет папа любимице-дочке,
«Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать ангелочки.

Блещут крылышки их, а на самых концах
Шелестят серебристые блестки.
Что мне делать, дитя, чтоб у мамы

Не дрожали печальные слезки?
в глазах

Плещут крылышки их и шумят у дверей.
Все цвета ты увидишь, все краски!
Чем мне маме помочь? Отвечай же
скорей!»

— «Я скажу: расцелуй ее в глазки!

А теперь ты беги (только свечку задуя
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнее беги, и сильнее целуй!
Будут, папа, летать ангелочки?»

МАЛЬЧИК С РОЗОЙ

Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом грезить вечерами!
Вот в тени уютная кроватька
И портрет над нею в темной раме.

На портрете белокурый мальчик
Уронил увянувшую розу,
И к губам его прижатый пальчик
Затаил упрямую угрозу.

Этот мальчик был любимец графа,
С колыбели грезивший о шпаге,
Но открыл он, бедный, дверцу шкафа,
Где лежали тайные бумаги.

Был он спрошен и солгал в ответе,
Затаив упрямую угрозу.
Только розу он любил на свете
И погиб изменником за розу.

Меж бровей его застыла складка,
Он печален в потемневшей раме...
Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом плакать вечерами!

ДЕВОЧКА-СМЕРТЬ

Луна омывала холодный паркет
Молочной и ровной волной.
К горячий щеке прижимая букет,
Я сладко дремал под луной.

Сияньем и сном растревожен вдвойне,
Я сонные глазки открыл,
И девочка-смерть наклонилась ко мне,
Как розовый ангел без крыл.

На тоненькой шее дрожит медальон,
Румянец струится вдоль щек,
И, видно, бежала: чуть-чуть запылен
Ее голубой башмачок.

Затейлив узор золотой бахромы,
В кудрях бирюзовая нить.
«Ты — маленький мальчик, я — девочка: мы
Дорогою будем шалить.

Надень же (ты — рыцарь) мой шарф
кружевной!»

Я молча ей подал букет...
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркет.

МАЛЬЧИК-БРЕД

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я — веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую, —
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!

Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда, — мой секрет!
Я смеюсь, и все смеется.
Я — веселый мальчик-бред!

ПРИНЦ И ЛЕБЕДИ

В тихий час, когда лучи неярки
И душа устала от людей,
В золотом и величавом парке
Я кормлю спокойных лебедей.

Догорел вечерний праздник неба.
(Ах, и небо устает пылать!)
Я стою, роняя крошки хлеба
В золотую, розовую гладь.

Уплывают беленькие крошки,
Покружась меж листьев золотых.
Тихий луч мой целует ножки
И дрожит на прядях завитых.

Затенен задумчивой колонной,
Я стою и наблюдаю я,
Как мой дар с печалью благосклонной
Принимают белые друзья.

В темный час, когда мы все лелеем
И душа томится без людей,
Во дворец по меркнушим аллеям
Я иду от белых лебедей.

ЗА КНИГАМИ

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая, — мне семь лет,
Я упряма, — это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьмишь за дело,
Домик строй». — «А где картон?»
«Что за тон?» — «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие — палачи,
Давид Копперфильд... — «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...

«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

НЕРАВНЫЕ БРАТЬЯ

«Я колдун, а ты мой брат».
«Ты меня посадишь в яму!»
«Ты мой брат и ты не рад?»
«Спросим маму!»

«Хорошо, так ты солдат».
«Я всегда играл за даму!»
«Ты солдат и ты не рад?»
«Спросим маму!»

«Я придумал: акробат».
«Не хочу такого сраму!»
«Акробат — и ты не рад?»
«Спросим маму!»

СКУЧНЫЕ ИГРЫ

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть — надоело!

Не поднимаясь со стула
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть — надоело!

МЯТЕЖНИКИ

Что за мука и нелепость
Этот вечный страх тюрьмы!
Нас домой зовут, а мы
Строим крепость.

Как помочь такому горю?
Остается лишь одно:
Изловчиться — и в окно,
Прямо к морю!

Мы — свободные пираты,
Смелым быть — наш первый долг.
Ненавистный голос смолк.
Залопаты!

Слов не слышно в этом вое,
Ветер, море, — все за нас.
Наша крепость поднялась,
Мы — герои!

Будет славное сраженье.
Ну, товарищи, вперед!

Враг не ждет, а подождет
Умноженье.

ЖИВАЯ ЦЕПОЧКА

Эти ручки кто расцепит,
Чья тяжелая рука?
Их цепочка так легка
Под умильный детский лепет.

Кто сплетенные разнимет?
Перед ними каждый — трус!
Эту тяжесть, этот груз
Кто у мамы с шеи снимет?

Аудастся, — в миг у дочки
Будут капельки в глазах.
Будет девочка в слезах,
Будет мама без цепочки.

И умолкнет милый лепет,
Кто-то всхлипнет; скрипнет дверь...
Кто разнимет их теперь,
Эти ручки кто расцепит?

БАЯРД

За умноженьем — черепаха,
Зато чертенок за игрой,
Мой первый рыцарь был без страха,
Не без упрека, но герой!

Его в мечтах носили кони,
Он был разбойником в лесу,
Но приносил мне на ладони
С магнолий снятую росу.

Ему на шее загорелой
Я поправляла талисман,
И мне, как он чужой и смелой,
Он покорялся, атаман!

Улыбкой принц и школьник платьем,
С кудрями точно из огня,
Учителям он был проклятьем
И совершенством для меня!

За принужденье мстил жестоко, —
Великий враг чернил и парт!
И был, хотя не без упрека,
Не без упрека, но Баярд!

МАМА НА ДАЧЕ

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

Наша мама не любит тяжелой прически, —
Только время и шпильки терять!

Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А веноч у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый — ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотках заблестят огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

ЖАР-ПТИЦА

Максу Волошину

Нет возможности, хоть брось!
Что ни буква — клякса,
Строчка вкривь и строчка вкось,
Строчки веером, — все врозь!
Нет сил у Макса!

— «Барин, кушать!» Что еда!
Блюдо вечно блюдо
И вода всегда вода.
Что еда ему, когда
Ожидает чудо?

У больших об этом речь,
А большие правы.
Не спешит в постельку лечь,
Должен птицу он стеречь,
Богатырь кудрявый.

Уж часы двенадцать бьют
(Бой промчался резкий),
Над подушкой сны встают
В складках занавески.

Промелькнет — не Рыба-Кит,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блестит!
Почему же не летит
Чудная Жар-Птица?

Плакать — глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ, —
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!

Как зарница! На хвосте
Золотые блестики!
Много птиц, да все не те...

На ресницах в темноте
Засияли слезки.

Он тесней к окну приник:
Серые фигуры...
Вдалеке унылый крик...
— В эту ночь он все постиг,
Мальчик белокуроый!

«ТАК»

«Почему ты плачешь?» — «Так».
«Плакать «так» смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!

Если плачешь, есть причина.
Я отец и я не враг.
Почему ты плачешь?» — «Так».
«Ну, какой же ты мужчина?

Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
Почему ты плачешь?» — «Так».

В СКВЕРЕ

Пылают щеки на ветру.
Он выбран, он король!
Бежит, зовет меня в игру.
«Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!»

«Еще простудишься!» — «Ну да!»
Как дикие бежим.
Разгорячились, — не беда,
Уж подружились навсегда
Мы с мальчиком чужим.

«Ты рисовать умеешь?» — «Нет,
А трудно?» — «Вот так труд!
Я нарисую твой портрет».
«А рассказать тебе секрет?»
«Скорей, меня зовут!»

«Не разболтаешь? Поклянись!»
Приоткрывает рот,
Остановился, смотрит вниз:
«Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всех, — ну вот».

Уж солнце скрылось на песке,
Бледнеют облака,
Шумят деревья вдалеке...
О, почему в моей руке
Не Колина рука!

ПОСЛЕ ГОСТЕЙ

Вот и уходят. Запели вдали
Жалобным скрипом ворота.

Грустная, грустная нота...
Вот и ушли.

Мама сережки сняла, — почему?
И отстегнула браслеты,
Спрятала в шкафчик конфеты,
Точно в тюрьму.

Красную мебель, отраду детей,
Мама в чехлы одевает...
Это всегда так бывает
После гостей!

КОНЕЦ СКАЗКИ

«Тает царевна, как свечка,
Руки сложила крестом,
На золотое колечко
Грустно глядит». — «А потом?»

«Вдруг за оградой — трубы!
Рыцарь летит со щитом.
Расцеловал ее в губы,
К сердцу прижал». — «А потом?»

«Свадьбу сыграли на диво
В замке ее золотом.
Время проводят счастливо,
Деток растят». — «А потом?»

БОЛЕЗНЬ

«Полюбился ландыш белый
Одиноким резеде.
Что зеваешь?» — «Надоело!»
«Где болит?» — «Нигде!»

«Забавлял ее на грядке
Болтовнею красный мак.
Что надулся?» — «Ландыш гадкий!»
«Почему?» — «Да так!»

«Видно счастье в этом маке,
Быть у красного в плену!..
Что смеешься?» — «Волен всякий!»
«Баловник!» — «Да ну?»

«Полюбился он невольню
Одиноким резеде.
Что вздыхаешь?» — «Мама, больно!»
«Где болит?» — «Везде!»

В СОННОМ ЦАРСТВЕ

Скрипнуло... В темной кладовке
Крысы поджали хвосты.
Две золотистых головки,
Шепот: «Ты спишь?» — «Нет, а ты?»

Вот задремала и свечка,
Дремлет в графине вода.

Два беспокойных сердечка,
Шепот: «Уйдем!» — «А куда?»

Добрые очи Страдальца
Грустно глядят с высоты.
Два голубых одеяльца,
Шепот: «Ты спишь?» — «Нет, а ты?»

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДАМА

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, — я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

1909—1910

БЕЛОСНЕЖКА

Александру Давидовичу Топольскому

Спит Белоснежка в хрустальном гробу.
Карлики горько рыдают, малютки.
Из незабудок веночек на лбу
И на груди незабудки.

Ворон — печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Плачется карлик в смешном колпаке,
Плачется: «Плохо ее берегли мы!»
Белую ленту сжимает в руке
Маленький карлик любимый.

Средний — печальный играет в трубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Старший у гроба стоит на часах,
Смотрит и ждет, не мелькнет ли усмешка.
Спит Белоснежка с венком в волосах,
Не оживет Белоснежка!

Ворон — печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

ДЕТСКИЙ ДЕНЬ

Утро... По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты, —
Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки... К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: «раз, два!»
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.
1909—1910

ПРИЕЗД

Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш!

В экипаже песенки,
(Каждый о своем!)
Вот аллея длинная,
А в конце у лесенки
Синий водоем.

«Тише вы, проказники!»
И творит кресты,
Плачет няня старая.
Ворота, как в праздники,
Настежь отперты.

Вышла за колонки я, —
Радостно до слез!
А вверху качаются
Юные и тонкие
Веточки берез.

ПАРОМ

Темной ночью в тарантасе
Едем с фонарем.
«Ася, спишь?» Не спится Асе:
Впереди паром!

Едем шагом (в гору тяжко),
В сонном поле гром.
«Ася, слышишь?» Спит бедняжка,
Проспала паром!

В темноте Ока блеснула
Жидким серебром.
Ася глазки разомкнула...
«Подавай паром!»

ОСЕНЬ В ТАРУСЕ

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Все повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...
И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но все же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ АСЕ

Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры... и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

ПОДРАСТАЮЩЕЙ

Опять за окнами снежок
Светло украсил ель...
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Летят снежинки, льнут ко всем
И тают без числа...
Зачем, ты, глупая, зачем
Ее переросла?

В ней не давила тяжесть дней,
В ней так легко спалось!
Теперь глаза твои темней
И золото волос...

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звонят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убежала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
— Так с милым детством я прощались,
плача,

В пятнадцать лет.

ВОЛШЕБНИК

Непонятный учебник,
Чуть умолкли шаги, я на стул уронила
скорей.

Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, войти ли и хитро мигает
волшебник.

До земли борода,
Темный плащ розоватым огнем отликает...
И стоит и кивает
И кивая глядит, а под каждую бровью —
звезда.

Я навстречу и мигом
Незнакомому гостю свой стул подаю.
«Знаю мудрость твою,
Ведь и сам ты не друг непонятым и путаным
книгам.

Я устала от книг!
Разве сердце от слов напечатанных бьется?»
Он стоит и смеется:
«Ты, шалунья, права! Я для деток веселый
шутник.

Что для взрослых — вериги,
Для шалуньи, как ты, для свободной
души — волшебство.
Так проси же всего!»
Я за шею его обняла: «Уничтожь мои
книги!

Я веселья не вижу ни в чем,
Я на маму сержусь, я с учителем спорю.
Увези меня к морю!
Посильней обними и покрепче укутай
плащом!

Надоевший учебник
Разве стоит твоих серебристых и пышных
кудрей?»

Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, уйти ли и грустно кивает
волшебник.

ПЕРВАЯ РОЗА

Девочка мальчику розу дарит,
Первую розу с куста.
Девочку мальчик целует в уста,
Первым лобзаньем дарит.

Солнышко скрылось, аллея пуста...
Стыдно в уста целовать!
Девочка, надо ли было срывать
Первую розу с куста?

ИСПОВЕДЬ

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упрямя для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да, — зачем же мучить ложью?»
Если нет, — зачем же целовали?»
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

УГОЛЬКИ

В эту ночь он спать не лег,
Все писал при свечке.
Это видел в печке
Красный уголек.

Мальчик плакал и вздыхал
О другом сердечке.
Это в темной печке
Уголек слышал.

Все чужие... Бог далек...
Не было б осечки!
Гаснет, гаснет в печке
Красный уголек.

ДИКАЯ ВОЛЯ

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, — за мною пасти,
Я смеюсь — в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги — герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

1909—1910

ГИМНАЗИСТКА

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.

Я — мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть я.
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!

«Он» отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!

За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят...

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе — наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.

1909—1910

ПОКЛОННИК БАЙРОНА

Ему в окно стучатся розы,
Струится вкрадчивый аккорд...
Он не изменит гордой позы,
Поклонник Байрона, — он горд.

В саду из бархата и блесток
Шалит с пастушкой амур.
Не улыбается подросток,
Поклонник Байрона, — он хмур.

Чу! За окном плесканье весел,
На подоконнике букет...
Он задрожал, он книгу бросил.
Прости поклоннику, поэт!

«ОН БЫЛ СИНЕГЛАЗЫЙ И РЫЖИЙ...»

Костюмчик полинялый
Мелькает под горой.
Зовет меня на скалы
Мой маленький герой.

Уж открывает где-то
Зеленый глаз маяк.
Печально ждет ответа
Мой маленький моряк.

Уж в зеркале залива
Холодный серп блеснит.
Вздыхает терпеливо
Мой маленький бандит.

Сердечко просит ласки, —
Тому виною март.
И вытирает глазки
Мой маленький Баярд.

ПОД ДОЖДЕМ

Медленный дождик идет и идет,
Золото мочит кудрей.
Девочка тихо стоит у дверей,
Девочка ждет.

Серые тучи, а думы серей,
Дума: «Придет? Не придет?»
Мальчик, иди же, беги же скорей:
Девочка ждет!

С каждым мгновеньем, летящим вперед,
 Детское сердце мудрей.
 Долго ли, мальчик, у первых дверей
 Девочка ждет?

ТОЛЬКО ДЕВОЧКА

Я только девочка. Мой долг
 До брачного венца
 Не забывать, что всюду — волк
 И помнить: я — овца.

Мечтать о замке золотом,
 Качать, кружить, трести
 Сначала куклу, а потом
 Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
 Не зазвенеть струне.
 Я только девочка, — молчу.
 Ах, если бы и мне,

Взглянув на звезды, зная, что там
 И мне звезда зажглась,
 И улыбаться всем глазам,
 Не опуская глаз!
 1909—1910

ТВЕРСКАЯ

Вот и мир, где сияют витрины,
 Вот Тверская, — мы вечно тоскуем о ней.
 Кто для Аси нужнее Марины?
 Милой Асенки кто мне нужней?

Мы идем, оживленные, рядом,
 Все впивая: закат, фонари, голоса,
 И под чьим-нибудь пристальным взглядом
 Иногда опуская глаза.

Только нам огоньками сверкая,
 Только наш он, московский вечерний
 апрель.
 Взрослым — улица, нам же Тверская —
 Полузрелых сердец колыбель.

Колыбель золотого рассвета,
 Удивления миру, что утром дано...
 Вот окно с бриллиантами Тэта,
 Вот с огнями другое окно...

Все пойдем мы чутьем или верой,
 Всю подзвездную даль и небесную ширь!
 Возвышаясь над площадью серой
 Розовеет Страстной монастырь.

Мы идем, ни на миг не смолкая.
 Все родные — слова, все родные — черты!
 О, апрель незабвенный — Тверская,
 Колыбель нашей юности ты!

МОЛИТВА В СТОЛОВОЙ

Самовар отшумевший заглох;
 Погружается дом в полутьму.
 Мне счастья не надо, — ему
 Отдай мое счастье, Бог!

Зимний сумрак касается роз
 На обоях и ярких углей.
 Пошли ему вечер светлей,
 Теплее, чем мне, Христос!

Я сдержу и улыбку и вздох,
 Я с проклятием рук не сожму,
 Но только — дай счастье ему,
 О, дай ему счастье, Бог!

Мы с тобою лишь два отголоска:
 Ты затихнул, и я замолчу.
 Мы когда-то с покорностью воска
 Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
 Наши души терзало и жгло.
 Оттого тебя чувствовать другом
 Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
 И усталостью станет печаль.
 Жаль не слова, поверь, и не взора, —
 Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
 Я познала сладчайшее зло.
 Оттого тебя чувствовать братом
 Мне порою до слез тяжело.

ЮНГЕ

Сыплот волны, с колесами споря,
 Серебристые брызги вокруг.
 Ни смущения в сердце, ни горя, —
 Будь счастливым, мой маленький друг!

В синеву беспокойного моря
 Выплывает отважный фрегат.
 Ни смущения в сердце, ни горя, —
 Будь счастливым, мой маленький брат!

ОЧАГ МУДРЕЦА

Не поэтом он был: в незнакомом
 Не искал позабытых созвучий,
 Без гнева на звезды и тучи
 Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
 Уступала забвенью измена,
 За окнами пышная пена
 За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь — странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула неожиданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волнением и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, плывя, Нереиды.

ПУТЬ КРЕСТА

Сколько светлых возможностей ты погубил,
не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих
звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений
ждала я,
Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство
любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды от
сердца не скрой:
Я сумела бы, друг, подойти к твоему
изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и
смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных
книг.
Как больное дитя я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый,
и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе
сияющих звезд...
Но во имя твое я без слез — мне свидетели
тени —
Поднимаю свой крест.

ПАМЯТЬЮ СЕРДЦА

Памятью сердца — венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером — нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
«Все заживает», — мне люди сказали...
Вечером — нет.

10 июля 1918

ДОБРЫЙ ПУТЬ!

В мои глаза несмело
Ты хочешь заглянуть.
За лугом солнце село...
Мой мальчик, добрый путь!

Любви при первой встрече
Отдайся и забудь.
Уж на балконе свечи...
Мой мальчик, добрый путь!

Успокоенье — сердцу,
Позволь ему уснуть!
Я распахнула дверь...
Мой мальчик, добрый путь!

ПОБЕДА

Но и у нас есть волшебная чаша,
(В сонные дни вы потянетесь к ней!)
Но и у нас есть улыбка, и наша
Тайна темней.

Тень Эвридики и факел Гекаты, —
Все промелькнет, исчезая в одном.
Наша победа: мы вечно богаты
Новым вином!

В РАЮ

Вспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокоино
Ловить твой взор.

Виденья райские сусмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Вспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг — я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, — нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

НИ ЗДЕСЬ, НИ ТАМ

Опять сияющим крестам
Поют хвалу колокола.
Я вся дрожу, я понимаю,
Они поют: «и здесь и там».

Улыбка просится к устам,
Еще стремительней хвала...
Как ошибиться я могла?
Они поют: «не здесь, а там».

О, пусть сияющим крестам
Поют хвалу колокола...
Я слишком ясно понял:
«Ни здесь, ни там... Ни здесь, ни там»...

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

О, я помню прощальные речи,
Их шептавшие помню уста.
«Только чистым даруются встречи.
Мы увидимся, будь же чиста».

Я учителю молча внимала.
Был он нежность и ласковость весь.
Он о «там» говорил, но как мало
Это «там» заменяло мне «здесь»!

Тишина посылается роком, —
Тем и вечны слова, что тихи.
Говорил он о самом глубоком,
Баратынского вспомнил стихи;

Говорил о игре отражений,
О лучах закатившихся звезд...
Я не помню его выражений,
Но улыбку я помню и жест.

Ни следа от бывшего недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые узрят друг друга, —
Мой любимый, я буду чиста!

НА ЗАРЕ

Их души неведомым счастьем
Баюкал предутренний гул.
Он с тайным и странным участием
В их детские сны заглянул.

И, сладким предчувствием ранен
Каких-то безудержных гроз,
Спросил он, и был им так странен
Его непонятный вопрос.

Оне, притаясь, промолчали
И молча порвали звено...
За миг бесконечной печали
Да будет ему прощено!

* * *

И как прежде оне улыбались,
Обожая изменчивый дым;
И как прежде оне ошибались,
Улыбаясь ошибкам своим;

И как прежде оне безудержно
Отдавались неожиданной волне.
Но по-новому грустно и странно
Вечерами молчали оне.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

«Не уходи», — они шепнули с лаской,
«Будь с нами весь!»
Ты видишь сам, какой неожиданной сказкой
Ты встречен здесь».

«О, подожди», — они просили нежно,
С мольбою рук.
«Смотри, темно на улицах и снежно...
Останься, друг!»

О, не буди! На улицах морозно...
Нам нужен сон!»
Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.

* * *

И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.

Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ
О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.

Улыбка сумерок, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.

Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, — и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!

ДЕКАБРЬСКАЯ СКАЗКА

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить,
Мы слишком стары!

Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир — большой, как ветер — древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отец — волшебник был, седой и злой;
Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;

Олень быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы...
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
Внимали с верой.

Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали...
Ему спалось и было все равно,
Что мы страдали!

Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить —
Мы слишком стары!

ПОД НОВЫЙ ГОД

Встретим пришельца лампадкой,
Тихим и верным огнем.
Только ни вдоха украдкой,
Ни вдоха о нем!

Яркою света не надо,
Лампу совсем привернем.
Только о лучшем ни взгляда,
Ни взгляда о нем!

Пусть в треволненье беспечном
Год нам покажется днем!
Только ни мысли о вечном,
Ни мысли о нем!

Станем «сестричками» снова,
Крепче друг к другу прильнем.
Только о прошлом ни слова,
Ни слова о нем!

ДЕКАБРЬ И ЯНВАРЬ

В декабре на заре было счастье,
Длилось — миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось — час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз!

СЛЕЗЫ

Слезы? Мы плачем о темной передней,
Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;

Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках
В майские дни.

Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой...
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.

Отнято все, — и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.

ÆTERNUM VALE

Æternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения — к победам!

Æternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся — любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

Æternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала — гордость.

ЭПИЛОГ

Очарованье своих же обетов,
Жажда любви и незнание о ней...
Что же осталось от блещущих дней?
Новый портрет в галерее портретов,
Новая тень меж теней.

Несколько строк из любимых поэтов,
Прелесть опасных, иных ступеней...
Вот и разгадка таинственных дней!
Лишний портрет в галерее портретов,
Лишняя тень меж теней.

НЕ В НАШЕЙ ВЛАСТИ

Возвращение в жизнь — не обман, не измена.
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть
дыша,

Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, — ошибается бред!)
Но проходят недели, — мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг — на печаль или
радость —

Мы и душу и сердце, мы все отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

РАСПЯТИЕ

Ты помнишь? Розовый закат
Ласкал дрожащие листья,
Кидая луч на темный скат
И темные кресты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грех,
На тельце нежное Того,
Кто распят был за всех.

Закат погас; в последний раз
Блеснуло золото кудрей,
И так светло взглянул на нас
Малютка Назарей.

Мой друг, незнанием томим,
Ты вдаль шагов не устреми:
Там правды нет! Будь вечно с Ним
И с нежными детьми.

И, если сны тебе велят
Идти к «безвестной красоте»,
Ты вспомни безответный взгляд
Ребенка на кресте.

ПРИВЕТ ИЗ БАШНИ

Скоро вечер: от тьмы не укрыться,
Чья-то тень замелькает в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

В неизвестном, в сияющем свете
Помяни незнакомку добром!
Уж играет изменчивый ветер
Золотым и зеленым пером.

Здесь оконца узорные узки,
Здесь и утром портреты в тени...
На зеленом, на солнечном спуске
Незнакомку добром помяни!

Видит Бог, от судьбы не укрыться.
Чья-то тень замелькала в окне...

Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

РЕЗЕДА И РОЗА

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.

Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. —
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедою мы кончаем все!

ИТОГ ДНЯ

Ах, какая усталость под вечер!
Недовольство собою и миром и всем!
Слишком много я им улыбалась при встрече,
Улыбалась, не зная зачем.

Слишком много вопросов без жажды
За ответ заплатить возлиянием слез.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвестность с собою унес.

Слишком много потупленных взоров,
Слишком много ненужных бесед в терему,
Вышивания бисером слишком ненужных
узоров.
Вот гирлянда, вот ангел... К чему?

Ах, какая усталость! Как слабы
Наши лучшие сны! Как легка в обыденность
ступень!
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы...
Я Христа предавала весь день!

МОЛИТВА ЛОДКИ

В тихую пристань, где зыблются лодки,
И отдыхают от бурь корабли,
Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий,
Мне, утомленной и маленькой лодке,
Мирно приплыть повели.
В тихую пристань, где зыблются лодки,
И, отдыхая, грустят корабли.

ПРИЗРАК ЦАРЕВНЫ

С темной веткою шепчется ветка,
Под ногами ложится трава,
Где-то плачет сова...
Дай мне руку, пугливая детка!

Я с тобою, твой рыцарь и друг,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своих рук,
А плащом их теплее закутай.

Много странствий он видел и чаш,
В нем от пуль неприятельских дыры.
Ты закутайся в плащ:
Здесь туманы ползучие сыры,

Здесь сгоришь на болотном огне!
Беззащитные руки ломаю,
Ты напомнила мне
Ту царевну из дальнего мая,

Ту, любимую слишком давно,
Чьи уста, как рубины горели...
Предо мною окно
И головка в плену ожерелий.

Нежный взор удержать не сумел,
Я, обняв, оторвался жестоко...
Как я мог, как я смел
Погубить эту розу Востока!

С темной веткою шепчется ветка,
Небосклон предрассветный серей.
Дай мне руку скорей
На прощанье, пугливая детка!

ПИСЬМО НА РОЗОВОЙ БУМАГЕ

В какой-то дальней рейнской саге
Печальный юноша-герой
Сжигает позднею порой
Письмо на розовой бумаге.

И я, как рыцарь (без пера,
Увы, без шлема и без шпаги!),
Письмо на розовой бумаге
На канделябре сжег вчера.

Его в поход умчали флаги,
Фанфары смех и боя пыл,
И он, счастливый, позабыл
Письмо на розовой бумаге.

Оно погибло на огне,
Но шелестит при каждом шаге,
Письмо на розовой бумаге
Уж не на мне оно, — во мне!

Пусть забывает в дальней саге
Печальный рыцарь грусть свою, —
Ах, я в груди его таю,
Письмо на розовой бумаге!

ДВА ИСХОДА

1

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, — так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов
Куда-то вдаль спешили мимо.
Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, — так было встарь.
Что было встарь, — не будет снова.

ИЗ СКАЗКИ В ЖИЗНЬ

Хоть в вагоне темном и неловко,
Хорошо под шум колес уснуть!
Добрый путь, Жемчужная Головка,
Добрый путь!

Никому — с участием или гневно —
Не позволю в былое заглянуть.
Добрый путь, погибшая царевна,
Добрый путь!

В ЗЕРКАЛЕ КНИГИ М. Д.-В.

Это сердце — мое! Эти строки — мои!
Ты живешь, ты во мне, Марселина!
Уж испуганный стих не молчит в забыты,
И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем,
Мы, любя, полюбили на муку!
Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем,
И на лбу утомленно-горячем своем
Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копье!
Я, как ты, не нашла властелина!..
Эти строки — мои! Это сердце — мое!
Кто же, ты или я — Марселина?

ЭСТЕТЫ

Наши встречи, — только имишьшим все мы,
Их предчувствие лелея в каждом миге, —
Вы узнаете, разрезав наши книги.
Все, что любим мы и верим — только темы.

Сновидение друг другу подарив, мы
Расстаемся, в жажде новых сновидений,
Для себя и для другого — только тени,
Для читающих об этом — только рифмы.

ОНИ И МЫ

Героини испанских преданий
Умирали, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, —
Все нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»
Мы согнать не сумеем дремоты
И сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

ЕСЛИ СЧАСТЬЕ...

Лидии Александровне Тамбурер

Если счастье стукнет в дверь,
Через годы иль теперь,
Я «войди» ему, поверь,
Не отвечу!
Если счастья я нужна,
Пусть померзнет у окна,
Пусть заслужит (чья вина?)
Эту встречу.

Если счастья голос тих,
Если речь его, как стих
Лаской каплей дождевых
Бьется в крышу, —
Я подумаю: «Не мошь
В этих звуках; это дождь
Прилетел из темных рош».
Не расслышу!

Если счастья голос горд,
Как воинственный аккорд,
Если мошен он и тверд
Властью ада, —
Я скажу ему: «Ты зверь,
Ты на жертву рвешься в дверь!
Этих ужасов, поверь,
Мне не надо!»
(Не окончено).

НА КОНЦЕРТЕ

Странный звук издавала в тот вечер
старинная скрипка:
Человеческим горем — и женским! —
звучал ее плач.
Улыбался скрипач.
Без конца к утомленным губам
возвращалась улыбка.

Странный взгляд посылала к эстраде из
сумрачной ложи
Незнакомая дама в уборе лиловых
камней.
Взгляд картин и теней!
Неразгаданный взгляд, на рыдание
скрипки похожий.

К инструменту летел он
стремительно-властно и прямо.
Стон аккорда, — и вдруг оборвался
томительный плач...
Улыбался скрипач,
Но глядела в партер — безучастно и
весело — дама.

ОБЛАЧКО

Облачко, белое облачко с розовым краем
Выплыло вдруг, розовея последним огнем.
Я поняла, что грущу не о нем,
И закат мне почудился — раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Вспыхнуло вдруг, отдаваясь вечерней судьбе.
Я поняла, что грущу о себе,
И закат мне почудился — раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Кануло вдруг в беспредельность движеньем
крыла.

Плача о нем, я тогда поняла,
Что закат мне — почудился раем.

РОЗОВЫЙ ДОМИК

Меж великанов-соседей, как гномик,
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?

Чуть потемнеет, в закрытые ставни
Тихо стучит волшебство.
Домик смиренный и давний,
Чем ты смутил и кого?

Там засмеются, мы смеху ответим.
Фея откроет Эдем...
Домик, понятный лишь детям,
Чем ты грешил, перед кем?

Лучшие радости с ним погребли мы
Феи нырнули во тьму...
Маленький домик любимый,
Чем ты мешал и кому?

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

До первой звезды (есть ли звезды еще?)
Ведь все изменяет тайком!

Я буду молиться — кому? — горячо,
Безумно молиться — о ком?

Молитва (равно ведь, о ком и кому!)
Растопит и вечные льды.
Я буду молиться в своем терему
До первой, до первой звезды!

БАРАБАН

В майское утро качать колыбель?
Гордую шею в аркан?
Пленнице — прялка, пастушке — свирель,
Мне — барабан.

Женская доля меня не влечет:
Скуки боюсь, а не ран!
Все мне дарует, — и власть и почет
Мой барабан.

Солнышко встало, деревья в цвету...
Сколько невиданных стран!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабан!

Быть барабанщиком! Всех впереди!
Все остальное — обман!
Что покоряет сердца на пути,
Как барабан?

В. Я. БРЮСОВУ

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, —
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.
Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
— Так теперь заведено. —
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

КОШКИ

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла — их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг — они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

МОЛИТВА МОРИЮ

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться
вдвойне.

Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи,
раствори.

Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения — в споре.
Вечное море,
Вмощные воды твои свой беспомощный дух
предаю!

ЖАЖДА

Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и все позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица, —
Все вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умеет.

Вот и юг, — мы томились по зною...
Был он дерзок, — теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

ДУША И ИМЯ

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забить не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

ВОЛШЕБСТВО

Чуть полночь бьют куранты,
Сверкают диаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,
Волшебную картину?)

Заслышав каватину,
Раздвинул паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздываются волшебней
Над клубом серых змей;
Но губки розовой,
Чем алые кораллы.
Под музыку из залы
Румянец бледно-алый
Нахлынул до бровей.

Везде румянец зыбкий,
На потолке улыбки,
Улыбки на стенах...
Откормленный монах
Глядит в бутылку с ромом.
В наречье незнакомом
Беседует с альбомом
Старинный альманах.

Саксонские фигурки
Устраивают жмурки.
«A vous, marquis, veuillez!»
Хохочет chevalier...
Бесшумней силуэты,
Безумней пируэты,
И у Антуанэтты
Срывается колье!

НА ВОЗУ

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег!
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабили
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звезды, — сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!
Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

ВОЖДЯМ

Срок исполнен, вожди! На подмостки
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел — с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!

Всё безумье отдам без раздумья
За весеннее: «Пой, птичка, пой».
1909—1910

ИЮЛЬ — АПРЕЛЮ

Как с задумчивых сосен струится смола,
Так текут ваши слезы в апреле.
В них весеннему дань и прости колыбели
И печаль молодого ствола.

Вы листочку сродни и зеленой коре,
Полудети еще и дриады.
Что деревья шумят, что журчат водопады
Понимали и мы — на заре!

Вам струистые кудри клонить в водоем,
Вам, дриадам, кружить по аллее...
Но и нас, своенравные девочки-феи,
Помяните в апреле своем!

ОКА

1

Волшебство немецкой феерии,
Темный вальс, немецкий и простой...
Алуга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.

Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки...
Меж стволов снуют автомобили, —
Золотые майские жуки.

2

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

3

Все у Боженьки — сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
 Мой утраченный рай в уголке,
 Где веренищею плыли
 Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий, —
 Без конца шелухи под кустом!
 Крупные буквы в тетрадке,
 Поцелуй без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
 Я забвенья найти не могу!
 Раннее детство верни мне
 И березки на тихом лугу.

4

Бежит тропинка с бугорка,
 Как бы под детскими ногами,
 Все так же сонными лугами
 Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
 Спешат удары за ударом,
 И все поют о добром, старом,
 О детском времени они.

О, дни, где утро было рай,
 И полдень рай, и все закаты!
 Где были шпагами лопаты
 И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
 Что между нами пролегло?
 Все так же сонно-тяжело
 Качаются на клумбах мальвы...

5

В светлом платьице, давно-знакомом,
 Улыбнулась я себе из тьмы.
 Старый сад шумит за старым домом...
 Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
 Вензеля на рубчатой коре,
 Заросла крокетная площадка,
 Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
 Целовать не надо у Оки!
 Почему по скошенному лугу
 Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, не легко мне, —
 Невозвратное меня зовет!
 За Окой стучат в каменоломне,
 По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, — не надо поцелуя!
 Уж на клумбах задремал левкой...

Только клумбы пестрые люблю я
 И каменоломню над Окой.

НА РАДОСТЬ

С. Э.

Ждут нас пыльные дороги,
 Шалаша на час
 И звериные берлоги
 И старинные чертоги...
 Милый, милый, мы, как боги:
 Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
 Все зовя своим.
 В шалаше, где чинят сети,
 На сияющем паркете...
 Милый, милый, мы, как дети:
 Целый мир двоим!

Солнце жжет, — на север с юга
 Или на луну!
 Им очаг и бремя плуга,
 Нам простор и зелень луга...
 Милый, милый, друг у друга
 Мы навек в плену!

ГЕРЦОГ РЕЙХШТАДТСКИЙ

Из светлого круга печальных невест
 Не раз долетали призывы.
 Что нежные губы! Вздыхались до звезд
 Его молодые порывы!

Что жалобы скрипок, что ночи, как мед,
 Что мертвые статуи в парке?
 Иному навстречу! Победа не ждет,
 Не ждут триумфальные арки.

Пусть пламенем пестрым кипит
 маскарад,
 Пусть шутит с ним дед благосклонный,
 Пусть кружатся пары, — на Сене парад,
 Парад у Вандомской колонны!

Родному навстречу! Как пламя лицо,
 В груди раскаленная лава.
 И нежно сомкнула, вручая кольцо,
 Глаза ему юная слава.

ЗИМА

Мы вспоминаем тихий снег,
 Когда из блеска летней ночи
 Нам улыбнутся старческие очи
 Под тяжестью усталых век.

Ах, ведь и им, как в наши дни,
 Казались все луга иными.
 По вечерам в волнисто-белом дыме
 Весной тонули и они.

В раю затепленным свечам
Огни земли казались грубы.
С безумной грустью розовые губы
О них шептались по ночам.

Под тихим пологом зимы
Они не плачут об апреле,
Чтобы без слез отчаянья смотрели
В лицо минувшему и мы.

Из них судьба струит на нас
Успокоенье мудрой ночи, —
И мне дороже старческие очи
Открытых небу юных глаз.

РОЗОВАЯ ЮНОСТЬ

С улыбкой на розовых лицах
Стоим у скалы мы во мраке.
Сгорело бы небо в зарницах
При первом решительном знаке,
И рухнула в бездну скала бы
При первом решительном стуке...
— Но, если б вы знали, как слабы
У розовой юности руки.

ПЛНОЧЬ

Снова стрелки обежали целый круг:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается с мольбою сколько рук!
Сколько писем прижимается к груди!

Где-то кормчий наклоняется к рулю,
Кто-то бредит о короне и желе,
Чьи-то губы прошептали: «не люблю»,
Чьи-то локоны запутались в петле.

Где-то свищут, где-то рыщут по кустам,
Где-то пленнику приснились палачи,
Там, в ночи, кого-то душат, там
Зажигаются кому-то три свечи.

Там, над капищем безумья и грехов,
Собирается великая гроза,
И над томиком излюбленных стихов
Чьи-то юные печалются глаза.

НЕРАЗЛУЧНОЙ В ДОРОГУ

Стоишь у двери с сакважомем.
Какая грусть в лице твоём!
Пока не поздно, хочешь, скажем
В последний раз стихи вдвоем.

Пусть повторяет общий голос
Доныне общие слова,
Но сердце на два раскололось.
И общий путь — на разных два.

Пока не поздно, над роялем,
Как встарь, головку опусти.

Двойным улыбок и печалем
Споем последнее прости.

Пора! завязаны картонки,
В ремни давно затянут глел...
Храни Господь твой голос звонкий
И мудрый ум в шестнадцать лет!

Когда над лесом и над полем
Все небеса замрут в звездах,
Две неразлучных к разным долям
Помчатся в разных поездах.

БОНАПАРТИСТЫ

Длинные кудри склонила к земле,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось, — там, на гранитной скале,
Тоже плакучая ива.

Бедная ива казалась сестрой
Царскому пленнику в клетке,
И улыбался плененный герой,
Глядя пушистые ветки.

День Аустерлица — обман, волшебство,
Легкая пена прилива...
«Помните, там на могиле Его
Тоже плакучая ива.

С раннего детства я — сплю и не сплю —
Вижу гранитные глыбы».
«Любите? Знаете?» — «Знаю! Люблю!»
«С Ним в заточенье пошли бы?»

«За Императора — сердце и кровь,
Все — за святыне знамена!»
Так началась роковая любовь
Именем Наполеона.

КОНЬКОБЕЖЦЫ

Асе и Борису

Башлык откинула на плечи:
Смешно кататься в башлыке!
Смеется, — разве на катке
Бывают роковые встречи?

Смеясь над «встречей роковой»,
Светло сверкают два алмаза,
Два широко раскрытых глаза
Из-под опушки меховой.

Все удастся, все фигуры!
Ах, эта музыка и лед!
И как легко ее ведет
Ее товарищ белокурый.

Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.

Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлобья этот взгляд!

.....

Понились узенькие плечи
Ее, что мчалась належке.
Ошиблась, Ася: на катке
Бывают роковые встречи!

ПЕРВЫЙ БАЛ

О, первый бал — самообман!
Как первая глава романа,
Что по ошибке детям дан,
Его просившим слишком рано,

Как радуга в струях фонтана
Ты, первый бал, — самообман.
Ты, как восточный талисман,
Как подвиги в стихах Ростана.

Огни сквозь розовый туман,
Виденья пестрого экрана...
О, первый бал — самообман!
Незаживающая рана!

СТАРУХА

Слово странное — старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем — непонятое всеми,
Кто мгновения экран.
В этом слове дышит время
В раковине — океан.

ДОМИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавишина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пальцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,

Вас заменили уроды, —
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы — их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

«ПРОСТИ» ВОЛШЕБНОМУ ДОМУ

В неосвещенной передней я
Молча присела на ларь.
Темный узор на портъере,
С медными ручками двери...
В эти минуты последние

Все полюбилось, как встарь.
Был заповедными соснами
В темном бору вековым
Прежде наш домик любимый.
Нежно его берегли мы,

Дом с небывалыми веснами,
С дивными зимами дом.
Первые игры и басенки
Быстро сменились другим.
Дом притаился волшебный,

Стали большими царевны.
Но для меня и для Асенки
Был он всегда дорогим.
Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,

Пренебреженье к науке,
Переплетенные руки,
Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.
Возгласы эти и песенки

Чуть раздавался звонок!
Чье-нибудь близко участие?
Господи, может быть, счастье?
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног...

ИЗ СКАЗКИ — В СКАЗКУ

Все твоё: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, —
Но разумности не требуй.
Я до смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаётся помоги мне
Девочкой, хотя женой.

ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОКУРОРАМ

Все таить, чтобы люди забыли,
 Как растаявший снег и свечу?
 Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
 Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
 К одному возвращаюсь опять:
 Навсегда умереть! Для того ли
 Мне судьбою дано все понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
 На лугу паутинную нить,
 Осужденную душу по взгляду...
 Все понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном — сила)
 Все родное на суд отдаю,
 Чтобы молодость вечно хранила
 Беспокойную юность мою.

* * *

Он приблизился, крылатый,
 И сомкнулись веки над сияньем глаз.
 Пламенная — умерла ты
 В самый тусклый час.

Что искупит в этом мире
 Эти две последних, медленных слезы?
 Он задумался. — Четыре
 Выбили часы.

Незамеченный он вышел,
 Слово унося важнейшее из слов.
 Но его никто не слышал —
 Твой предсмертный зов!

Затерялся в море гула
 Крик, тебе с душою разорвавший грудь.
 Розовая, ты тонула
 В утреннюю муть...

В. Я. БРЮСОВУ

Я забыла, что сердце в Вас — только
 ночник,
 Не звезда! Я забыла об этом!
 Что поэзия ваша из книг
 И из зависти — критика. Ранний старик,
 Вы опять мне на миг
 Показались великим поэтом.

Все как не было и все как будет
 И со мною за концом предместья.
 Всё как не было и всё как есть уж
 — Что списавшемуся до недельки
 Лишней! — и куда же еще глядеть-то,
 Приоблокотясь на обод ложи,
 С этого — как не на тот, с того же —
 Как не на многострадальный этот.
 В Беллевию живу. Из гнезд и веток
 Городок. Переглянувшись с гидом:
 Беллевию. Острог с прекрасным видом
 На Париж — чертог химеры галльской —
 На Париж — и на немножко дальше...
 Приоблокотясь на алый обод,
 Как тебе смешны (кому) «должно быть»,
 (Мне ж) должны быть, с высоты без меры,
 Наши Беллевию и Бельдеверы!
 Перебрасываюсь. Частность. Срочность.
 Новый Год в дверях. За что, с кем чокнусь
 Через стол? Чем? Вместо пены — ваты
 Клок. Зачем? Ну, бьет, — а при чем я тут?
 Что мне делать в новогоднем шуме
 С этой внутреннею рифмой: Райнер —
 умер.

Если ты, такое око — смеркось,
 Значит жизнь, не жизнь есть, смерть
 не смерть есть,
 Значит — тмися, допойму при встрече! —
 Нет ни жизни, нет ни смерти, — третье,
 Новое. И за него (соломой
 Застелив седьмой — двадцать шестому
 Отходящему — какое счастье
 Тобой кончиться, тобой начаться!)
 Через стол, необозримый оком,
 Буду чокаться с тобою тихим чоком
 Стекла о стекло? Нет — не кабацким ихним:
 Я и ты, слиясь дающих рифму:
 Третье.
 Через стол гляжу на крест твой:
 Сколько мест — загородных, и места
 За городом! и кому же машет
 Как не нам — куст? Мест — именно наших
 И ничьих других! Весь лист! Вся хвоя!
 Мест твоих со мной (твоих с тобою).
 (Что с тобою бы и на массовку —
 Говорить?) что — мест! а месяцев-то!
 А недель! А дождевых предместий
 Без людей! А утр! А всего вместе
 И не начатого соловьями!

Верно, плохо вижу, ибо в яме,
 Верно, лучше видишь, ибо свыше:
 Ничего у нас с тобой не вышло.
 До того, так чисто и так просто
 Ничего, так по плечу и росту
 Нам — что и перечислять не надо.
 Ничего, кроме — не жди: из ряда
 Выходящего (неправ из такта
 Выходящий!) — а в какой бы, как бы
 Ряд — вошедшего б?

Припев извечный:
 Ничего хоть чем-нибудь на нечто
 Что-нибудь — хоть издали бы — тень хоть
 Тени! Ничего, что: час тот, день тот,
 Дом тот — даже смертнику в колодках
 Памятью дарованное: рот тот!
 Или слишком разбирались в средствах?
 Из всего того один лишь свет тот
 Наш был, как мы сами только ответ
 Нас, — взамен всего сего — весь тот свет.

С незастроеннейшей из окраин —
 С новым местом, Райнер, светом,
 Райнер!
 С доказуемости мысом крайним —
 С новым оком, Райнер, слухом, Райнер.

Всё тебе помехой
 Было: страсть и друг.
 С новым звуком, Эхо!
 С новым эхом, Звук!

Сколько раз на школьном табурете:
 Что за горы там? Какие реки?
 Хороши ландшафты без туристов?
 Не ошиблась, Райнер — рай — гористый,
 Грозовой? Не притязаний вдовьих —
 Не один ведь рай, над ним другой ведь
 Рай? Террасами? Сужу по Татрам —
 Рай не может не амфитеатром
 Быть. (А занавес над кем-то спущен...)
 Не ошиблась, Райнер, Бог — растущий
 Баобаб? Не Золотой Людовик —
 Не один ведь Бог? Над ним другой ведь
 Бог?
 Как пишется на новом месте?
 Впрочем, есть ты — есть стих: сам и есть
 ты —

Стих! Как пишется в хорошей жисти
 Без стола дль локтя, лба для кисти
 (Горсти)?
 — Весточку, привычным шрифтом!
 Райнер, радуешься новым рифмам?
 Ибо правильно толкуя слово
 Рифма — что — как не — целый ряд
 новых

Рифм — Смерть?
 Не куда: язык изучен.
 Целый ряд значений и созвучий
 Новых.
 — До свиданья! До знакомства!
 Свидимся — не знаю, но — споемся!
 С мне-самой неведомой землею —
 С целым морем, Райнер, целой мною!

Не разъехаться — черкни заране.
 С новым звуконачертаньем, Райнер!

В небе — лестница, по ней с Дарами...
 С новым рукоположением, Райнер!

— Чтоб не záлили, держу ладонью. —
 Поверх Роны и поверх Ragogn'a,
 Поверх явной и сплошной разлуки
 Райнеру — Мариа — Рильке — в руки.
Bellevue, 7 февраля 1927

ФЕДРА

ЛИЦА

ФЕДРА
 ТЕЗЕЙ
 ИППОЛИТ
 КОРМИЛИЦА
 СЛУГА
 ДРУЗЬЯ
 ПРИСЛУЖНИЦЫ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Привал

Лес. Ипполит в кругу друзей.

ХОР ЮНОШЕЙ

О, заросль! о, зов!
 О, новых холмов
 Высоты!
 Восславимте лов!
 Что лучше боев?
 Охота!

Хвала Артемиде за жар, за пот,
 За черную заросль, — Аида вход
 Светлее! — за лист, за хвою,
 За жаркие руки в игре ручья, —
 Хвала Артемиде за всё и вся
 Лесное.

Засада. Испуг:
 Что — рок или зук?
 Ветвистый
 Куст — или елень?
 Нет, мчащая тень
 Каллисты!

Хвала Артемиде за брод, за брег,
 За — до задыхания быстрый бег
 Вдоль листовного ущелья.
 Весеннею водобежью шумишь!
 Хвала Артемиде за чувств и мышц
 Веселье.

В глаз давшая ветвь.
 Что — пень или вебрь?
 Змеиный
 Ком? Корни жгутом?

Звериным прыжком —
 В долину!

Хвала Артемиде за взгляд, за чуть,
 Ее не задевши, пушка не сдуть
 С тычкинки. О, нюх: о, зренья
 Чаш! — Знойные губы в игре ручья...
 Еленем становишься, вслед скача
 Еленю!

Лоб льется, рот сух.
 В наставленный нюх —
 Мха, меха
 Дух, рога и мха
 Дух! Грудь — что меха.
 — Хо! — Эхо!

Хвала Артемиде за стыд, за вред,
 За ложную радость, за ложный след,
 Ход ложный, — все муки все!
 Сокрывшийся ужин и ночь во рву!
 Хвала Артемиде за всю игру
 Лесную.

Лов кончен. Жар спал.
 Прохлада. Привал.
 Проверя
 Грудь, бок, в кровь избит,
 Ловец потрошит
 Зверя.

Хвала Артемиде за рог, за клык,
 Последнюю удадь, последний крик
 Охотника, — охнул, ухнул
 Лес. Перевернулся. Корнями в пух!
 Хвала Артемиде за мех, за...

Мух

Звон. Дух вон.

Нам в женах нужды несть!
 И днесь и в будущем
 Восславим дружество!
 Восславим мужество!
 Для жен нет сласти в нас!
 Нам чад не пестовать.
 Восславим братственность!
 Восславим девственность!
 Дом с домочадцами?
 Нет, лес с невиданным!
 Дичь будем зваться мы,
 Рать Артемидина.
 Еленем прядашь,
 Земли не трогаешь!
 Восславим скоробежь,
 Восславим скородышь!
 Не пой, что пряменький!
 Гнут — нежногубы!
 Влюбиться — кланяться:
 Поем безлюбие!
 Иное лакомство —

В смолу горячую.
Жениться — плакаться,
Поем безбрачие!

Лес, лес-зеленец!
Быстрая водица!
Стрелец — не жилец:
Жениться — прижиться!
Ни бед, ни потех —
Тихое убийство.
Гордец — не отец:
Плодиться — дробиться!

Не дано еще — уж отнято!
Краток, краток век охотника.
Миг — цветы ему цвели.
Краткосрочнее стрелы!
Вода льется, беда копится.
За охотником охотятся.
Ночь, дорога, камень, сон —
Всё, и скрытые во всем
Боги. Не к жрецу тшесмудрому
Божество влечется — к удали.
Храбрцу недолго жить.
Сам — намеченная дичь.
Не к высокопарным умыслам, —
Божество влечется — к юности.
Мрамор падок на загар.
Каждый отрок — хлебодар
Бога. Плясовицы ревностней
Божество влечется к бренности.
Больше, нежели они —
Нам, мы — мраморным нужны.

Вот он, лес! Вот он, лук!
Из пещерных грубостью
Артемидиных слуг
Ни один не влюбится.
Вот он, век! Вот он, злат!
Из далеких зреньцем
Артемидиных чад
Ни один не женится!

И присно и ныне,
В горах и в ложбине,
Поемте богиню,
Подругу едину
Нашей доли и нашей удали —
Артемиду зеленокудрую!

И громко и много,
И в баснях и в лицах,
Рассветного бога
Поемте близницу:
Мужеравную, величавую
Артемиду широкошагую.

Вечней водомелен,
Вечней мукомолен,

Как лавр вечно-зелен,
Как Понт вечно-волен —
Так вечно в нашем сердце глиняном
Артемиду высококвийная.

Сто взял, в этот грохнущь.
В час ребер поломки,
Доколе хоть вздох в нас —
Поемте, поемте
Женодругую, сокровенную
Артемиду муженадменную.

Славьте — и громче!
Темью и ранью,
Вот она с гончей,
Вот она с ланью,
В листьях, как в стаях,
Ношно и денно,
С не поспевающей за коленом
Тканью — запястье! — повязка! —
гребень! —

В опережающем тело беге.

Вдоль лабиринтов
Зелени мглистой
Вот она с нимфой
Верной, Каллистой,
Не остывая
В рвенье и в рденье,
С не поспевающей за движеньем
Тенью, теряемой на изломах
Бега. Ведущая без ведомых.

Полное счастье
Может ли зреться?
Вот она в чаше,
Вот она в сердце
Собственном. Стройся,
Лес пестрополюй!

Чтобы стволами, как частоколом,
Окружена — сопрягитесь, стены! —
Водному бегу вручила члены
Загнанные...

Время, сдайся, и пена, кань!
Не догонит колена — ткань.
Посрамленное, сядь на пень.
Не догонит движенья — тень,
Против времени будем гнуть:
Не догонит дыханья — грудь.
Против времени будем гнать:
Не догонит затылка — прядь,
Уха — эхо, поэта — век...
Но догонит оленя — бег
Артемидин.

В травах и в листьях — славьте ее!
Частые листья — кудри ее.
В ветках и в сучьях — славьте ее!

Ветви? нет, руки, ноги ее.
 Все, что из круга тшится — ее!
 В каждой натуге — мышцы ее!
 Друга, и в дерне чтите ее!
 Черные корни — воля ее.
 Неколебимо сердце ее —
 Голые глыбы — сердце ее!

Зверь воя, лес вея,
 И розно, и разом,
 Поемте лилею,
 Риз белых ни разу
 Не мрачившу любовной скверною:
 Артемиду каменносердную.

В срок нужный — срази нас,
 Стрела без преемниц!
 Поемте невинность,
 Поемте надменность
 Плоти, ведомой только озеру!
 Артемиду трепетоноздрую.

Но диво — сквозь листья!
 Но диво — как в дымке...
 И в песнях и в мыслях
 Своих — утвердите
 Мужегрозной богини около —
 Ипполита оленьеокого
 С ртом негоупругим,
 С ртом — луком неломким!
 Богинина друга
 Поемте. Поемте
 Артемидина друга горнего —
 Ипполита женоупорного.

Нос — острое нюхал,
 Лоб — трудное сдвинул.
 Эгеева внука,
 Тезеева сына,
 Ненавистника рода женского —
 Ипполита поем трезенского.

Тучи сгоним, чаши сдвинем,
 В словословье углубимся
 Целомудренной богини
 Нелюдимого любимца.
 Нелюдима ее любимого —
 Ипполита неуловимого —

Дивен слух чей, чуден взгляд чей.
 Под кустом, где сон валит,
 Кто всех чутче, кто всех глядче?
 Ипполит! Ипполит!
 Еще дани никто не взымывал —
 С Ипполита неуловимого.

Вепри, шертьесь! лани, плачьте!
 Глазомером именит —
 Кто всех метче, кто всех хватче?
 Ипполит! Ипполит!

Легче скока никто не имывал —
 Ипполита необгонимого.

Кустолаз-то наш разгарчив!
 Погляди, в часы молитв,
 Кто всех стойче, кто всех жарче?
 Ипполит! Ипполит!
 Никогда не срамящий имени
 Ипполита неутомимого.

Жены встали, солнце вышло,
 Окружен, женоувит —
 Кто всех диче, кто всех тише?
 Ипполит! Ипполит!
 Безоглядней никто не минывал —
 Ипполита неумолимого.

Кабана в один присест.
 Винограда жаждет пот.
 Ипполит один не ест,
 Ипполит один не пьет.
 Почему, венчавши лов,
 Чудо-вепря низложив,
 Ипполит один суров?
 Ипполит один брезглив?
 Дева ль встретила в лесу?
 Лань за деву приняла лев?
 Или — вепря за лису —
 Принимает нас за дев?
 Жир и влага — лей и режь!
 Время драго — пей и ставь!
 Женоборец, пей и ешь!
 Вепревержец, пей и славь
 С нами мчащуюся — мчимую —
 Юность невозвратимую!
 Пьян виноград.
 Вепрь нарасхват.
 Долго ли млад?
 Вспомни!

ИППОЛИТ

Вепрю не рад,
 Лесу не рад,
 Веку не рад.
 Сон мне
 Снился. Тмящая мне всех жен
 Суших — мать посетила сон
 Мой. Живущая в мне одном
 Госпожа посетила дом
 Свой. Се — урна ее золе!
 Дом единственный на земле.
 Не приметил, а ночь светла,
 Как входила и как вошла.
 Поседею, скажу, как днесь:
 Входа не было, было: «здесь!
 Есмь!» Ладью из-за волны,
 Представание из земли —
 Плиты — сроки — запреты — чрез.
 Лица не было. Был очес
 Взгляд. Не звезды и не лучи,

Всего тела и всей души
 Взгляд, — ну, ланий на ланенят
 Взгляд, ну — матери как глядят
 Мертвые.
 По краям зеркал
 Взгляд обличем обростал.
 Камня брошенного круги!
 Переносица. В две дуги
 Брови ровные. Под губой
 Воля каменная — дугой.
 Дуновением губ: — Реки!
 Речи не было. Был руки
 Знак. Молчания полный гром.
 Был руки восковой — подъем
 Неуклонный. Покров разверст.
 Сыну — рану явивший перст!
 Растопилося. Поплыло.
 Други милые, какво
 Грудь и рану узреть зараз?!
 Речи не было. Кровь лилась
 Наземь, на руки мне — без сил
 Распростертому — перст же плыл,
 Выше, выше парил — пока,
 Ставши, не запечатал рта —
 Материнским словам? моим?
 Дальше не было. Было — дым,
 Там... В кругу десяти перстов
 Плоти не было. Был покров,
 Пар! Пар емлю! Простой. Пустой.
 Пара таянье под рукой
 Чающей...

ДРУЗЬЯ
 Сон!
 ИППОЛИТ

Знающей...

ДРУЗЬЯ
 Бред!
 — Грезой смушен!
 — Думой задет!
 — Мало ли чар?
 — Басен не чтим!
 — Именно — пар!
 — Именно — дым
 Умственный. — В нас
 Суть. Что не мы —
 Мареву. — Сглаз!
 — Полной луны
 Глаз. — Лунных стрел
 Яд. — Друг наш мил!
 Лишнее съел!
 — Лишнее влил
 С вечера. — Яр
 Вах в час игры.
 Даже не пар
 Лунный — пары
 Винные. Чад!
 Хмель-мозгокрут!

— Мертвые спят!
 — Смертные ж пуют.
 (Хором.)

Нáзло бредням и нáзло чарам —
 Пей и смейся, пока не лыс!

СЛУГА

Мать из гроба не встанет даром:
 Господине мой, берегись!

Явление Федры.

ФЕДРА

Благородным стрелкам — привет.
 Дикой зарослью шед и шед,
 Неприметно — от травки к травке —
 Всех служанок порастерявши,
 О возвратном пути пекусь.
 Укажите мне путь и спуск —
 Вспять. Из сей вероломной гущи
 Где дорога, в Трезен ведущая?
 Не раскаетесь, услужа
 Мне.

ИППОЛИТ

Высокая госпожа!

В месте страхов головокружительных,
 На высотах, ничто не служит,
 Кроме — женского ль? — *мочь и смель*.
 Вместе с добрым советом впредь
 Обивать не кусты, а прялку —
 Вот опора тебе вдоль валких
 Троп, убийственных для ноги
 Женской.

(Слуге)

Знающий, низведи

Госпожу.

ФЕДРА

Об одном дозволю мне
 Знать: что делаешь в мире дольном?
 Ибо — царственные черты!

ИППОЛИТ

Артемиде служу. А ты?
 По наречию — чужестранка?

ФЕДРА

Афродите служу — критянка.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Дознание

Больная Федра в кругу своих прислуж-
 ниц.

ОДНА ИЗ ПРИСЛУЖНИЦ

Различаю шаг кормилицы.

КОРМИЛИЦА

(входя)

Спит?

ПРИСЛУЖНИЦЫ

(одна за другой)

— Как будто позабылася.
 — Хворь невемая. — Заморская.
 Не спала. — Но и не бодрствовала.
 Говорить начнет — мудренное.
 Дашь горячего — студеного.
 Охладишь — давай горячего.
 Пар — головку отворачивает.
 — То ж с оде́жою — измучишься!
 Так — морозите — сяк — душите.
 Знай — натягивать, знай, сдергивать!
 На огонь глядит — «ой, дом горит!»
 Заслонишь — «ой, тьма колодезна!»
 Свет — глаза болят, мрак — боязно.
 — А глаза какие — сказу нет!
 Пуще рученок жаль глазынек.
 Две руки ломать да скручивать —
 Пуще глазынек жаль рученок.
 Знай выламывать, знай стискивать!
 Шепотком начнешь: «Ай при смерти?»
 Говорком — ладони на уши.
 Не своя уж, не она уже.
 Все конями да трущобами
 Бред.

КОРМИЛИЦА

Хворобу знать — врачобу знать.

А не выпытать — не вылечить.
 Корешок-несу-травиночку,
 Три горы, иша, обрыскала.

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Все коня просила быстрого.
 Пышет, пышет жар от щек!
 Так и рвет запястья с рук!

ФЕДРА

Слышу, слышу конский скок!

КОРМИЛИЦА

Собственного сердца стук.

Спи, млецо мое, спи, всё мое!
 Из Афин плыла веселая,
 Похвалами да восторгам —
 Корабельщиков подстегивала, —
 Чуть волны не принял парусник!
 Лес завидела: «Ох, заросли!»
 Прыжки козьи, скачки заячья!
 По кустам за ней гоняючись,
 Задохнулся, с ног сбились.
 Не своя вернулась из лесу.

ФЕДРА

Говорю тебе: высок
 Миртовый зеленый сук.
 Слышу, слышу конский скок!

КОРМИЛИЦА

Собственного сердца стук.

Допросить, да нету смелости:
 Что в лесу дремучем встретелся?
 Кабы люди нехорошие?
 Ожерельице целешенько.
 Кабы зверь лесной, зверь с клычьями —
 Одеьянице бы ключьями.
 Ничего — кольцо? сыскали бы! —
 В лесу темном не оставила,
 Кроме щек румяных. Душу лишь.

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Шепотов лесных наслушалась
 Листвяной зеленой мелочи.
 — А по мне, плодов наелася,
 Не предписанных науками.
 — А по мне, цветов нанюхалась
 Лихорадочных, незнаемых.
 — А по мне — без уст намаялась
 Царских.

ФЕДРА

Молотом в висок!
 Кипятком бежит вдоль щек!
 Остудите кипятки!
 Остановите молоток!

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Все-то мечется! Все мучится!
 И рубахи против участи
 Не скроишь — как ни выкраивай.
 Для приезда время крайнее
 Царского. Душа: везде болит!
 Царя кличет, царя требует.
 Едет, будет — боги милостивы! —
 Царь из-за моря.

ФЕДРА

Нет, из лесу.
 Ближе, ближе, конский скок!
 Ниже, ниже, страшный сук!
 Треши, кожа! Теки, сок!

КОРМИЛИЦА

Порченого сердца стук.
 Конь-то, бедная, меж ребрами
 Твой. Знать, в час недобрый отбыли
 Из Афин. В Трезен, где три беды
 Нам, — знать, в час недобрый прибыли.
 До чужих богов и ладаном
 Не достать. Какая надоба
 К чужим лбам, к своим спинами —
 Нам — в Трезен? Сынка в Афины бы
 На гостьбу благою, долгую
 Звал. Здесь три беды, там полбеды.
 Молока хоть тоже птичьего.
 Нет — да боги-то привычные.

ФЕДРА

Во лесу высокий сук,
 На суку тяжелый плод.
 Бьется плод, гнется сук.

КОРМИЛИЦА

Порченого сердца ход.

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Хворь заморская.

КОРМИЛИЦА

Древесная,
Сук да скок в уме. Не треснул бы
Сук. А плод каков? Дум собственных
Плод. А скок каков? Да вовсе нет.

ФЕДРА

Пролетишь на всем скаку,
Поклонюсь тебе с сука.
Тяжел плод тому суку,
Тяжел плод суку — тоска.

КОРМИЛИЦА

В собственном мозгу задорина —
Сук. Кровь с разумом повздорили —
Половина с половиною.
Ствол с большою сердцевиною.
Стара песня, стара басенка...

ОДНА ИЗ ПРИСЛУЖНИЦ

Не оповестить ли пасынка?

ДРУГИЕ

— Больно строг!
— Сердцем скуп!

ФЕДРА

Кончен скок!
Треснул сук!

Почему вокруг такое
Вижу? Где я? Кто я? Что я?
Почему на всем — такая
Чара? Кто я? Что я? Чья я?
Почему простоволоса?

КОРМИЛИЦА

Не спалося — расплелось.

ФЕДРА

Почему полуодета?

КОРМИЛИЦА

Горба нету — стыда нету.

ФЕДРА

Но лица на вас, сестрицы,
Нету!

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Всю ночь протряслися
Над твоей, краса, трясся
Жизнью, — всю ночь протряслися!

ФЕДРА

Лихорадка говорлива —
Ничего не говорила?

КОРМИЛИЦА

Пустякового немало.

ФЕДРА

Никого не называла?

(Прислужницам.)

С каких пор сороки немые?

ПРИСЛУЖНИЦЫ

Говорила, да не вемо...
Темна дума, темна яма...
Называла, да незнамо.
Вода льется, поди взвесь-ка!
Да невесть кого, невесть что...
Хворь-то новая.

КОРМИЛИЦА

Нет, древняя.

Раньше нас с тобой. Двухдневные —
Мы. С царями не меняется.
Раньше жизни начинается.
Родовое, не сиротское
Горе, без него б и род людской
Вымер, в час один — весь начисто б!
Никогда бы и не начался...
Кабы некая не грянула
Сила с неба.

(Прислужницам.)

Впрочем, рано вам
Знать. Гуляйте, пока глупые!
Я ж царицу побаяюкаю.
Баем-причетом,
Дном-ракушкой.
Так ли, дитятко?

ФЕДРА

Так, матушка.

Прислужницы выходят.

КОРМИЛИЦА

Издали, издавна поведу:
Горькие женщины в вашем роду, —
Так и слава вам будет в будущем!
Пасифая любила чудище.
Разонравился царь, мил зверь.
Дщерь ты ей иль не дщерь?
Материнская зла кровиночка!
Ариадну супруг твой нынешний
Богу продал во время сна.
Ариадне — сестра.
Дважды: лоном и ложем свадебным.
Только с богом не больно сладили:
Не понравился бог, мил прах:
Там-то страсть, а тут страх.

ФЕДРА

С богоравною сестрой
Мне равняться мудрено.

КОРМИЛИЦА

Дети матери одной,
Жены мужа одного —
Пасифайны дщери горькие.
Ариадна с твоим погодками
Были. Было бы ей — ай вру? —

Ну-кошь? — сколько царю? —
Каб не бог ее неба на середь...

ФЕДРА

Видно, за́ сорок.

КОРМИЛИЦА

Сильно за́ сорок:

На пятидесяти стоит.
А с царем-то — с лица старик! —
Не закрашивай, не замасливай. —
Федра — счастлива ль?

ФЕДРА

Пастырь может без овцы,
Что без пастыря — овца?

КОРМИЛИЦА

Федра, он тебе в отцы!
Вотчим мужем назвался!

ФЕДРА

Без плюща крепчает дуб:
Смерть — плющевому стеблю!

КОРМИЛИЦА

Федра, он тебе не люб!

ФЕДРА

Няня, я его люблю.

КОРМИЛИЦА

Ну и вспаивай, ну и вскармливай
Вас! Красотка — находка — старого
Любит. Дичь для ушей и глушь!

ФЕДРА

Муж мне или не муж?

КОРМИЛИЦА

Распадись, мои кости нойкие!
Муж, красотка, да не одной тебе:
Ариаднин — загни в ладонь —
Антиопин, нонь
Федрин, завтра жас... Вот и вспаивай
Вас! Кровь черная Пасифаина
Нераскаянная — водой
Обернулась! Свой
Муж-то, думаешь? Нет, наследственный.
Что за радость — добро бы в сестрином
Муже, Федра, а то — вдовце!

Скажут всяк и все:
В неутешном вдовце богинином!
Ибо, Федра, ее поныне он,
Ариаднин. Владыку снов
Допроси — все вдов.
С голубком в лесную глушь
Не сажал, кабы нужна.
Федра, он тебе не муж!

ФЕДРА

Няня, я ему жена.
И оставь свои речи глупые!

КОРМИЛИЦА

Усладительно мне люблю твое!
И служанка хранит очаг.
Что — люблю? Вот — как
Любишь! За десять лет супружества
Ясно: как уж там, почему, за что
Любишь. Ну-ка?

ФЕДРА

Во-первых, — храбр.

КОРМИЛИЦА

Птиц без крыл, рыб без жабр —
Не бывает мужей без храбрости.
Дальше?

ФЕДРА

С каждым прохожим запросто
Говорит.

КОРМИЛИЦА

Говорлив? Знай с кем!
Во-вторых. Затем,
В-третьих?

ФЕДРА

Щедр.

КОРМИЛИЦА

Не супруг — сокровище!
Храбр-де, добр, говоришь — и что еще?
То же возле лежит, ей-ей!
Только чуточку поновой.
Дальше?

ФЕДРА

Дальнего чтит. Да мало ли
Что, за что, почему!

КОРМИЛИЦА

Промалывай
Мельче. Мошь с простотой — нищё
Для любви. Еще
Что, за что?

ФЕДРА

Седина ль Тезеева
Не мудра?

КОРМИЛИЦА

Говорю, просеивай
Чаще. Дрянь твоё решето!
Мудр — и что
Еще?

ФЕДРА

На побежденных с кротостью
Зрит.

КОРМИЛИЦА

Еще ль чего нет?

ФЕДРА

Да попросту

Муж мне.

КОРМИЛИЦА

Славное — рот — словцо

Выжал... Всё —
 Что ль? Соловушке все б нащелкивать
 Во садочке! А ну — еще ль чего
 Нет? — Так я скажу. Мой удар
 По Тезею: стар.
 С пауком тебя, Федра, спарили!
 Что б ни вздумала, что б ни... Старому
 Мстишь. Ничем ему не грешна.
 В мужнин дом вошла
 Женою поздною, женой третьєю.
 Две жены молодую встретили
 На пороге. Не сей земли
 Жены — в дом ввели
 Молодую. «Живи, мол, радуйся».
 Две жены молодую за руки
 Водят, ночи твои и дни,
 Федра, в их тени,
 А ложница темна — их облако.
 Две жены тебе, третья, под руку
 Шепчут. Блюды из рук летят, —
 Амазонкин взгляд
 Зоркий, — и не гляди за занавес!
 Целый двор, целый дом глазами их
 Смотрит. Огнь в очаге заглох —
 Ариаднин вздох.
 Сердце люто их, место свято их!
 Две жены молодую сватают
 Стиксу. Чашу к устам несешь —
 Ариаднин ковш
 Тяжкий... Грозди да виноградины?
 Антиопины, Ариаднины
 Слезы. Чашу несешь от уст, —
 Амазонкин вкус
 Горький, — он же и рта Тезеева.
 Огорченного — что содеяла —
 Взял? Елей в ночнике иссяк —
 Ариаднин знак
 Тайный. Душные стены, затхлые.
 Две жены молодое заклили
 Лоно. Той же встаешь с одра,
 Что на одр легла:
 Женой скудною, женой праздною.
 Две змеи родовое сглазили
 Ложе... Смех в дому не звенит —
 Ариаднин взрыд
 По ребенку — души б любезнее!
 Две жены, говорю? нет, две змеи,
 Федра! Пояс досель не туг —
 Амазонских рук
 Дело. На бережку болотистом
 Утвердилась! Остывшим оттиском
 Леденящим — их плеч, их бедр
 Зачарован одр
 Брачный. — Не хоронись в ладоночки!
 Блуд, не брак, скажу, без ребеночка!

ФЕДРА

Был бы — радовалась бы. Нет —
 Не печальюсь.

КОРМИЛИЦА

Нег

Не дающий — ни их, ни дитятка
 Не достоин. Любя плодится —
 Вот закон вам и мера вся.
 Мать да чтит отца —
 Мало — для поколенья красного!
 Женой праздною и напрасною...

ФЕДРА

Слышала! И прошу...

КОРМИЛИЦА

Права!
 Уж давно пора
 Мне — услышать. Как будто краденый —
 Мужа любишь, откуда ж впадины
 На щеках?

ФЕДРА

Оттого что...

КОРМИЛИЦА

Ложь!

Оттого что лжешь
 Мне, себе, ему и людям.
 Я тебя вскормила грудью.
 Между нами речи лишни:
 Знаю, чую, вижу, слышу
 Все — всех бед твоих всю залежь! —
 То есть впятеро, чем знаешь,
 Чуешь, видишь, слышишь, хочешь
 Знать.

ФЕДРА

Червем, старуха, точишь.

КОРМИЛИЦА

Хочешь, жаждешь, смеешь, можешь
 Знать.

ФЕДРА

Живьем, старуха, гложешь.

КОРМИЛИЦА

Истомилася
 Ждать. — Скажи. — Выскажи!
 Все кормилица
 Я, все выкормыш —
 Ты... Слова, что первый труден
 Слог! Меж ртом твоим и грудью
 Сей, меж грудью — щедрой — бедной —
 И губами — тайне негде —
 Где б? Меж грудью и устами.
 Выкормленными страстями.
 Грудь кормилицы трепещет.
 Тайны, скорби, беды — с плеч их
 Сбрось! Мне — на сердце! Все грусти!
 Грудь не знает перегрузки.
 Без извилистых

Троп, клятв приторных —
 Все кормилица
 Я, все выкормыш —
 Ты! Ведь мать тебе, ведь дочь мне!
 Кроме кровного — молочный
 Голос — млеку покормимся! —
 Есть: второе материнство.
 Два над жизнью человека
 Рока: крови голос, млека
 Голос. Бьющее из сердца
 Материнство, уст дочерство
 Пьющих. Яд течет по жилам —
 Я — в ответе, я — вскормила.
 Как могила сильна
 Связь. — *Дни-то* где ж?
 Все кормилица
 Я, все выкормыш —
 Ты. Всем ночь бедна, не мыслю.
 Мудростью моей кормися,
 Как тогда — часов тех милость! —
 Молоком моим кормилась,
 Афродитиной белее
 Пены. — Младостью моею!
 Ткань ткешь, видимую мне лишь.
 ФЕДРА
 Пустоту, старуха, мелешь!
 КОРМИЛИЦА
 Сны зришь — виданные ль в семьях?
 ФЕДРА
 Клевету, старуха, сеешь!
 КОРМИЛИЦА
 Не мои ль, краса,
 Грехи творишь?
 Все — кормилицыны!
 Ты? Выкормыш
 Лишь. Врача спроси над язвой:
 Режет чисто — режет сразу.
 Мясника спроси над плахой:
 Рубит чисто — рубит с маху.
 Не царя, царица, нежишь!
 ФЕДРА
 Няня, по живому режешь!
 КОРМИЛИЦА
 Не царя, царица, любишь!
 ФЕДРА
 Няня, по живому рубишь!
 Всеми муками моими —
 Няня, сроку!
 КОРМИЛИЦА
 Федра, имя!
 Истошились слова
 Молитв моих.
 Не кормилица —
 Я, не выкормыш —
 Мне. Зря млеко мое: в земь прыскано!

...Али рода такого низкого,
 Что назвать — поднять легче сто пудов?

ФЕДРА

Он-то низкого? Нет, высокого,
 Высочайшего.

КОРМИЛИЦА

Гм. Аль в пролежнях?
 Люди в бой идут, он с женой лежит
 Что пройца какой без пояса?

ФЕДРА

Юн — жениться, хорош — покоиться.
 На войну вструбят — первый выставит
 Грудь.

КОРМИЛИЦА

Не трус, говоришь — страм истинный б —
 И не раб, говоришь: не с бойни бык
 Ум твой сушат — так бог какой-нибудь?
 Кто бы ни был — ни зла, ни страху нет,
 Коль не сын тебе кровный.

ФЕДРА

Пасынок.
 Сын царев. — Конец. — Нет тайны.
 Только имени не дай мне...
 Звука не перенесу!

КОРМИЛИЦА

Буквы не произнесу.
 От вернейшей из кормилиц,
 Милая, чего ж таилась?
 Дивен, дивен сей союз!

ФЕДРА

От самой себя таюсь.

КОРМИЛИЦА

Небожителем на зависть,
 Милому — давно ль призналась?

ФЕДРА

Приложив горящий трут,
 Вместе с Федрою сожгут
 Тайну.

КОРМИЛИЦА

Ручкой заслонися!

ФЕДРА

Стыд, которого не мыслю!
 Раз от слов одних — чело
 Кровью залило...

КОРМИЛИЦА

Чего
 Проще? Час возьми, все тмящий:
 Лоб — и стыд на нем, час — чашу,
 Гущу. Зарослям ночным
 Не впервой скрывать...

ФЕДРА

Я — с ним?

В чашах?

КОРМИЛИЦА

Путь, скажу, всех ближе.

ФЕДРА

Путь, которого не вижу!

Шаг — и черные круги,

Шаг — и замертво.

КОРМИЛИЦА

Смоги!

Справься! Час возьми, всех тише...

ФЕДРА

Звук, которого не слышу!

Звук, немислимый из уст

Чистых.

КОРМИЛИЦА

Любишь — мало чувств

Чистых. Час возьми, всех глуше...

ФЕДРА

Бред, которого не слушай,

Сердце!

КОРМИЛИЦА

Опытный, за нас

Знающий, всех позже — час

Наш! Единственный не лгущий

В сутках. Куст возьми, всех гуще,

Спуск, всех заспанней...

ФЕДРА

Трава,

Лист не вынесут!

КОРМИЛИЦА

Нова

В деле! Выправишься! Люб же

Мальчик! Вдох возьми, всех глубже:

Вровень полному ковшу —

Вдох.

ФЕДРА

Да вовсе не дышу!

Сил нет! Жил нет! Рук нет! Ног нет!

Рот не вымолвит! Грудь лопнет!

Слог — и Тартара на дно!

Нет и слов таких!

КОРМИЛИЦА

Одно.

Все в нем, а оно всех проще.

ФЕДРА

Хуже нежел смерти хощешь —

Низости моей?

КОРМИЛИЦА

В кустах

Миртовых — уст на устах!

Да! немедля ж! да сегодня ж!

Федра!

ФЕДРА

Ведьма!

КОРМИЛИЦА

Федра!

ФЕДРА

Сводня!

О-сво-бо-дите меня!

КОРМИЛИЦА

Я тебя выкормила!

ФЕДРА

Гордой и чистой была!

КОРМИЛИЦА

Я тебя выстрадала!

ФЕДРА

Стыд, которого не емлю!

КОРМИЛИЦА

Скроем, вроем, втопчем в землю!

Скроем, вроем, втопчем стыд!

ФЕДРА

Дерево оповестит!

КОРМИЛИЦА

Сдернем, срежем, свяжем листья!

ФЕДРА

Няня! Женоненавистник

Он. Волос одних вдоль плеч

Вид...

КОРМИЛИЦА

Тем чаще будет плесть

Их, заплетши, расплетать их...

ФЕДРА

Не отлепится от братьев

По трудам и по пирам

Юношеским!

КОРМИЛИЦА

Им день, нам —

Ночь. Стрелочков не обидим.

ФЕДРА

Но ревнитель Артемидин

Он — как не было и несть

Их!

КОРМИЛИЦА

Тем выше будет честь:

Не в простом бою отбитый!

ФЕДРА

Но хулитель Афродитин,

Он — как где еще, когда,

Кто?

КОРМИЛИЦА

Тем тяжче будет мзда.

Не пробудишься, не спавши!

ФЕДРА

На десятилетье старше

Быть! Волне речной не течь

Вспять.

КОРМИЛИЦА

Тем чище будет жечь!
Все года твои — соломой!

ФЕДРА

Мать — ему, и, по-людскому —
Сын...

КОРМИЛИЦА

И страсть в тебе и мать
Чтя, тем мягче будет стлать.
Что ладьею, ложем править —
Ты.

ФЕДРА

Но замужем! Жена ведь!
Муж!

КОРМИЛИЦА

Не мой, скажи, а наш
Муж! За скорбь ему воздашь
Сестрину, весл малодушных
Всплеск.

ФЕДРА

Но царь не только муж мне —
И отец ему.

КОРМИЛИЦА

Стыдись
Льнуть? Тем крепче будет связь.
Тем незыблеее верность.

ФЕДРА

Если ж он меня отвергнет?

КОРМИЛИЦА

Кто? Царь, что ль?

ФЕДРА

Царь — что!

КОРМИЛИЦА

Кто ж? Тогда

ФЕДРА

Да тот, о ком...

КОРМИЛИЦА

Тебя?

Он? Вся кровь моя трясется!
То оставим, что красotka
Ты, на каждую красу
Краше есть. Богиня, всю
Взяв, велела поделиться.
То оставим, что царица
Ты. Не тем тебя привлек:
Тем, что в плечиках широк,
А не тем, что родом славен.
И разумницу оставим
Тож. На острое словцо
Есть двуострое. На все
Крайнее: мощь, разум, сладость —
Пушице: сласть, разум, мощь.

С ней и царства не осталось.
Что до разума... В уме?
Нет, всё без ума встречала
Любящих!

ФЕДРА

Так что ж во мне
Доброго осталось?

КОРМИЛИЦА

Чары

Афродитины. Твой — весь,
Бросит — принимай по счету! —
Женоненавистник — спесь
Детскую, стрелок — охоту,
Вызов братству и родству —
Сын и друг, молельщик — плиты.
Артемиду — то есть всю
Душу — ради Афродиты!
Афродитиной рабы.
Так люби ж себе, люби
Своего стрелка безуса.
Юностью твоей кормлюся,
Как тогда — часов тех милость! —
Юностью *моей* — кормилась.
Чтобы млеко не скудело,
За двоих пила и ела.
Чтоб напиться-мне-наесться —
За двоих грехи и нежся,
Тешся, мучься.
Чуть что — тут же —
Всё мне — всю мне —
Душу. Струнной
Нет доски такой по звуку —
Как грудь любящая. — Руку!
Люб ведь?

ФЕДРА

Тише...

КОРМИЛИЦА

Чем люб?

ФЕДРА

Ближе...

КОРМИЛИЦА

Словом?

ФЕДРА

Слышу ль?

КОРМИЛИЦА

Видом?

ФЕДРА

Вижу ль?

Веки — зноем...

Федрой — звали...

КОРМИЛИЦА

Девством?

ФЕДРА

Стою ль?

КОРМИЛИЦА

Сердцем?

ФЕДРА

Знаю ль?

Знала б — в бездну б!

Знала б — в землю б!

Всем люб, всем люб,

Всем люб, всем люб!

В ту жизнь, в эту,

В сей век, в будущ...

КОРМИЛИЦА

Дальше?

ФЕДРА

Нету.

КОРМИЛИЦА

Значит — любишь.

Прийтись, понравиться

Стрелочку юному —

Во что нарядишься?

ФЕДРА

О том не думала.

КОРМИЛИЦА

Как бы не выдала

Лбом — ночь безумная!

ФЕДРА

О том не думала.

Потом не думала.

Земля незнамая

Любовь — что по лесу.

КОРМИЛИЦА

Друг здесь, царь за морем,

Час дорог: пользуйся!

Всё, всё, за робостью

Твоей — прегладко бы

Ему...

ФЕДРА

Не то, боюсь,

Шепнешь, не так, боюсь.

И царства крошатся

В руках неопытных...

КОРМИЛИЦА

Так на ушко шепни!

ФЕДРА

Да и на шепот нет

Духа! потуплюся,

Словцо — и замертво...

КОРМИЛИЦА

Каб не дружку писать —

К чему б и грамота?

Не птиц бы ягодам

Учить — да ладно уж!

Письмо то я отдам,
Уста — сама отдашь.

ФЕДРА

Ни весла, ни берега!

Разом отнесло!

КОРМИЛИЦА

На утесе дерево

Высокое росло.

ФЕДРА

Ввериться? Довериться?

КОРМИЛИЦА

Лавр-орех-миндаль!

На хорошем дереве

Повеситься не жаль!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Признание

Логово Ипполита. Ипполит и слуга.

СЛУГА

Стрела свистнула, кровь брызнула.

Вот и все тебе.

ИППОЛИТ

Так сызнава

Начинай. — Ну?

СЛУГА

Ряды сдвинули,

Стрелу вынули, кровь хлынула...

И не стало сыну матери.

Вот и все тебе, и вся тебе

Антиопа, древцо зелено,

Непоклонливо, Тезеева

Жена хмурая, мать сирая

Ипполитова. Вздох — мирови,

Красу — прахови, зрак — светови,

Вот и всё тебе — и всё тебе

Уста красные...

Отжаждал —

Отжил — а все вижу, дважды

Семилетия сквозь облак,

Как с отцом твоим бок о бок

Билась! Амазонка — против

Племени, — плоть против плоти

Собственной, тьмы мужевражьей

Дщерь — сама против себя же!

Безымянного с середним —

Спор. Так в первый и в последний —

Серединного с ладонью

Спор! — за три года юдоли

Женской — тьмы жестокомысой —

Дщерь в доспехи облеклася

Бранные — очам на слепость

Всем! И каждая рассеклась

Грудь, и больше чем любви

Вздох прошел, один в обоих

Станах.

Ну жарня ж! ну сеча ж!
 Говорю тебе, по сей час
 Вдоль спины ледочек знобок —
 Как с отцом твоим бок о бок
 Билась, не свою жель — воли
 Женской! — жилу тетивую
 Натянув на лук, столь чуден
 Взбегом, что богам и людям
 Мнился повторенной грудью
 Женскою, отображенной
 В воздухе. Волна об лодку!
 Мало — оком, мало — локтем,
 Каждой жилкой, бьющей через,
 Целым (целясь) телом целясь,
 Мужеравная, нет, бого-
 Равная, с колчаном, рога
 Изобилья неизбывней,
 Осиянная под ливнем
 Вражеским стоит, нет нужды!
 Тетиву в еще-упруже
 Тетивы: грудь скудомясы
 Отводя и так слиясь
 Слуком, так его о перси,
 Что не с тетивы — из сердца
 Мнятся! Стрел гибелострастных
 Ряд столь быстрый, ряд столь частый,
 Что — сраженье или пражя? —
 Чудится: стрела все та же
 С тетивы. Бок о бок с лютой
 Лев? нет — бог влихом бою том
 Будь — и бог помнился б робок!
 Так с отцом твоим бок о бок
 — Стрелам — перси, негам — спину —
 Билась.

ИППОЛИТ

За отца?

СЛУГА

За сына.

За птенца дралась наседка,
 За сыновнее наследство.
 За сынка легла, красотка,
 За сыновнее господство.
 Против рода — ради сына
 За сыновние Афины
 Пала — материнства жертва
 Чистая.

ИППОЛИТ

Умру бездетным,
 Не впервые о том скорблю.
 Ни Тезеева не продлю
 Рода славного, на основе
 Дел ветвящейся родословной,
 Ни царицной сыновьям
 Силы — жилы — не передам.
 Даром — сила, и даром — жила!
 Колыбели не дав, могила

Есмь и матери и отцу.
 Но тягчайшую скорбь к концу
 Приберег: не страна, а соты
 Женской кровью и отчим потом
 Мне доставшиеся, — чьему
 Сыну — в руки переложу?
 На бездетного плюнь, безотчий!
 Проходимец, такого ж рождши.
 От заезженной из кляч —
 Бог! как их не имущий — мяч
 Перекатный!

СЛУГА

Стара погудка!

Сгоряча и младенец грудки
 Не берет, а уж взял, взялся —
 Не оттянешь! Пьяней мальчика
 Присосеешься — не первый хаешь!
 Все хулили — и ты похвалишь,
 Нынче дыбом, а завтра в лежь,
 Все плевали — и ты глотнешь —
 Не отстанешь... На грудке нежной
 Все наладится!

ИППОЛИТ

Нет надежды!

Ибо кольцеволосых змей
 Ненавижу, как та — мужей!
 Все — душевательницы, все — кошки
 Над мышами!

СЛУГА

А сам-то кто ж ты,

Как не женщины сын?

ИППОЛИТ

Взгляни

Ввысь! Орлицы, а не жены
 Тяжкозадой. Ужель не внятно?
 Женоненависть, лик обратный
 Мужененависти, — пропал
 Род! — тебя с молоком всосал.

КОРМИЛИЦА

Прав, разумничек! (Прав, калека!)
 Мних ли, бражник ли — все от млека,
 Все от белого. Те? Оно
 Миром властвует. Всем — одно —
 Всем оно одно миром целым!
 А засим, господине, дело
 До ушей твоих — мышья да щель —
 До твоих, говорю, ушей
 И ничьих еще. Мало б пары,
 О пяти бы рождались. Старым
 Дедам речь моя ни на что.

Слуга выходит.

Наклони, господин, ушко:
 Спела ягодка, срок ей крайний...
 (Вручает Ипполиту письмо.)

ИППОЛИТ

(взглядывая)

«Ипполиту — Тезееву сыну — тайно».

Отвратительно ушам

Слово. Тайна? Зевесов храм

Явно строится. Что не яд —

Явно варится. Даже клад,

Отлежавшись часок-другой,

Звоном явствует под ногой.

Неповинное ищет дня.

— На охотнике западня

Не захлопнется! — Брачный одр

Явно стелется. Враг, коль добр, —

Явно целится. Что не спрут —

Явно селится. Что не блуд —

Явно деется. Белым днем

Обойденный, слепец — бельмом,

Мыком явствует глухонем.

Недра — корнем, а корень — всем

Древом явствует. «Чаша, скрой»...

Неповинная кровь листвою

Проговаривается.

— Се! —

Что бы ни было в сем письме —

Руку даром трудил, писец!

Потайному письму не чтец

Ипполит. Не только доску

Разбиваю! Вместе с воском,

Воском смуты, воском розни, —

Все наветы, тайны, козни,

Все, что — пар, да не водица —

Варится и не дымится,

Все, что — губы за решеткой —

Шепчется, а не речется,

Все, что липко, ползко, вязко, —

Тайна, вот твоя огласка!

(Бросает доску.)

Так — не знающий да слышит! —

Ипполит ответы пишет.

Явление Федры.

ФЕДРА

(палец к губам)

Ш-ш...

ИППОЛИТ

В горячке или что я?

Женщина в моем покое!

Ноги босы, косы сбиты...

Кто ты — гроба или събыта

Ждущая? Иди, дороже

Спрашивай, — ошиблась ложем!

Не ложница, а берлога!

ФЕДРА

На два слова, на два слога!

ИППОЛИТ

Не сладница, а засада!

ФЕДРА

На пол-звука, на пол-взгляда,

Четверть-звука, отклик эха...

На лишь ока взгляд, лишь века

Взмах! Во имя Белопенной

Взглянь: ужель тебе ничем не

Ведома, и так уж ново

Все, ужель тебе ничто во

Мне... Глаза мои...

ИППОЛИТ

Тревожишь,
Тень!

ФЕДРА

Ужели до того уж

Вышвели? А впрочем — знала! —

На меня глядел так мало —

Слепо — неисповедимо...

На меня глядел так — мимо!

Красота моя! Как губкой

Выпита, но черт-то, губ-то

Горе не перекривило.

Взглянь! ужель меня впервые

Видишь?

ИППОЛИТ

Клятвенно! Как смыто!

ФЕДРА

С острова, зовется Критом,

Не меня ль отец твой вдовый...

ИППОЛИТ

Мачеха! Жена царева!

Наваждение! Бред грубый!

Мне ль Тезееву супругу

Оскорбить или обидеть?

Так забыть!

ФЕДРА

Так не увидеть

Вовсе, ни вблизи, ни возле!

ИППОЛИТ

Вид твой новый, час сей поздний...

Без прически — без повязки...

Без привычки...

ФЕДРА

По подсказке

Узнанная!

ИППОЛИТ

Чем заглажу

Грех? Но в час, когда и стража...

Вряд ли без нужды особой

В Ипполитову трущобу

Шагом тени, с видом...

ФЕДРА

Пьяной!

ИППОЛИТ

Что тебя приводит?

ФЕДРА
 Рана
 Смертная. Коль в недомыслье
 Каешься своим, клянись мне
 Всем, с чем ныне порываю,
 Выслушать, не прерывая.
 ИППОЛИТ
 Слово сына!
 ФЕДРА
 К делу ближе:
 Слово мужа!
 ИППОЛИТ
 Не жены же!
 ФЕДРА
 Не доламывай маслины:
 Слово мужа!
 ИППОЛИТ
 Слово сына
 Амазонкина.
 ФЕДРА
 Вы — свыше —
 Слышали?
 ИППОЛИТ
 Царица, слышал —
 Я. В почтенье и в молчанье
 Слушаю тебя.
 ФЕДРА
 Началом
 Взгляд был. На путях без спуска
 Шаг был. Ошибаюсь: куст был
 Миртовый — как школьник в буквах
 Путаюсь! — началом звук был
 Рога, перешедший — чаш звук —
 В чаш звук! Но меднозвучащих
 Что — звук перед тем, с незримых
 Уст! Куст был. Хруст был. Раздвинув
 Куст, — как пьяница беспутный
 Путаюсь! — началом стук был
 Сердца, *до куста, до рога,*
 До всего — стук, точно бога
 Встретила, стук, точно глыбу...
 — Сдвинула! — началом ты был,
 В звуке рога, в звуке меди,
 В шуме леса...
 ИППОЛИТ
 Коль не бредишь...
 ФЕДРА
 Ты — сквозь ветви, ты — сквозь вежды,
 Ты — сквозь жертвы...
 ИППОЛИТ
 ...Ты — так брежу
 Я.

ФЕДРА
 Смертельного не пишут
 В письмах, — шепчут!
 ИППОЛИТ
 То ли слышу?
 ФЕДРА
 Для тебя меня растили
 Дебри Крита!
 ИППОЛИТ
 То ли... ты ли...
 ФЕДРА
 Неприступная — с другими!
 То, любимый, я, любимый!
 Тише жемчуга несомый
 В створках сердца...
 ИППОЛИТ
 Каб не слово!
 ФЕДРА
 Слаще первенца носимый
 В тайнах лона...
 ИППОЛИТ
 Каб не сына
 Слово!
 ФЕДРА
 Мертвая, — нет сраму!
 Эти звезды!
 ИППОЛИТ
 Эти ямы!
 ФЕДРА
 Деревцо мое! Утес мой!
 Эти кудри!
 ИППОЛИТ
 Эти космы!
 ФЕДРА
 Вразуми меня, дурную!
 К шкуркам ланичим ревную,
 Устилающим пещеру.
 Деревцо стояло, щедрой
 Тенью путников поило.
 Это я его спалила
 Исступлением, тоскою.
 Каждый вздох листочка стоил
 Бедному, — румян: не смыслишь!
 Сколько вздохов — столько листьев.
 Не листва-нова — жизнь сохнет!
 Сколько листьев — столько вздохов:
 Задыханий, удушений...
Лучезарная? Да тени ж
 Тень! Вся краска на постели
 Ипполитовой. Не целил,
 А попал. Ребятам на смех
 Малым: не стрелял, а насмерть.

Но под брачным покрывалом
 Сна с тобой мне было б мало.
 Кратка ночка, вставай-ёжся!
 Что за сон, когда проснешься
 Завтра ж, и опять день-буден.
 О другом, о непробудном
 Сне — уж послано, где лечь нам —
 Грежу, не ночном, а вечном,
 Нескончаемом, — пусть плачут! —
 Где ни пасынков, ни мачех,
 Ни грехов, живущих в детях,
 Ни мужей седых, ни третьих
 Жен...

Лишь раз один! Ждав — обуглилась!
 Пока руки есть! Пока губы есть!
 Будет — молчано! Будет — глядено!
 Слово! Слово одно лишь!

ИППОЛИТ

Гадина.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Деревце

КОРМИЛИЦА

(над телом Федры)

Где спящая? Пуст
 Одр. Шепот с высот:
 Дал миртовый куст
 Неведомый плод
 С глазами — ой, сок!
 С зубами — ой, плод!
 Подул ветерок —
 Плод взад и вперед,
 Все взад и вперед,
 Все вспять и опять.
 Кто с дерева плод
 Отважится снять?
 Желанный для мух
 И страшный для пчел.
 Неслыханный слух:
 Мирт — телом расцвел!
 Неслыханный вид!
 Плода зеленой
 Царица висит,
 И птицы над ней
 Кружат. Не пушу
 К открытым глазам!
 Шу, коршуны, шу!
 Глаз в пишу не дам
 Агатových. Смолк
 Рог, смолк громозвон.
 Все думала — толк —
 То в нем раз-одном —
 Ан глянть — в пояске!
 Висит, в волосах,
 Что птица в силке,
 Что рыба в сетях,
 Запуталась. «Срежь!»

Ночь целую жду
 Садовника. Где же
 Садовник — плоду?»
 Стар за морем, рог
 Задрав, через ров —
 Юнец. Невдомек
 Взглянуть на улов
 Чудной — обождет
 Часок — недосуг!
 Чуть держится плод,
 Чуть держится сук.
 Ох, вор-женохул!
 Скупец-сухожил!
 Кто с красных вспорхнул,
 Кто в карих проплыл,
 Застыл и завяз —
 Молчите, кусты!
 Нежба не далась —
 Хоть славу спасти!

Куст миртовый, скрой!
 Ни пню, ни шмелю.
 Того чернотой
 Тебя обелю.
 Кем встарь была — той
 И будешь царю.
 Твоей чернотой
 Того очерню.

Кого боги погубить —
 — Эх! — лишают разума!
 Недотроге полюбить
 Глупого, безглазого.
 Чем с царицею сам-друг —
 По кустам да с сукою!
 Свищи, ветер, трещи, сук!

...Дикого, безрукого!
 Так и зверя не свежат —
 Как с душой беседовал.
 Голубица-госпожа —
 Скорняка бессердого!
 Кто из нас с тобой — ай сплю? —
 Да из двух — кто ж спящий-то?
 Из-за глупого в петлю
 Пасынка? Нет, пашенка!
 Заруби, темны леса,
 На суку, — ох, весело ж!
 Как царица из-за пса
 На суку повесилась!
 Да и я сама — невесть
 Что слалось, вздумалось!
 Нашла старая с кем свесть!
 С дубом-то, с безгубым-то!
 Ай не видела, что глуп,
 Дуб? Глух — пень? Что падалью —
 Ай не чуяла? Где ж нох,
 Где ж толк был? Глаза были?
 На безусости лица,
 На кудрей на светлости,

На рте розовом — лица
 Старая осеклася.
 Но утеха не далась —
 Еще честь осталася!
 Берегись, пес-женомраз:
 Без очей писалося!
 А не видено — вор прав
 В темноте! — не деяно,
 Берегись, пес-женодав!
 Очесам Тезевым
 Клянусь ее телом,
 Что черное — белым,
 Клянусь ее дерном,
 Что белое — черным,
 Явь — ложью, ложь — явью
 Предстанет, представлю.
 Чтoб впредь на деревьях
 Глаз карих...

ПРИСЛУЖНИЦА

Царь едет!

КОРМИЛИЦА

Уст красных не вешал!

ПРИСЛУЖНИЦЫ

(одна за другой)

— Рвом едет! — В двор въехал!
 — Кто ж грозному стремя
 Поддержит? — Кто встренет?
 — Ни душеньки — пустошь!
 — Кто ж примет? — Кто ж впустит?
 — Кто ж сможет? — Кто ж скажет?

КОРМИЛИЦА

Я. Сгорбилась в сказах.
 Клянусь ее славою,
 Что левая — правой,
 Клянусь ее древом,
 Что правая...

ТЕЗЕЙ

(входя)

Брежу?

Ни шума, ни дыма.
 Двор вымер, дом вымер.
 Враг в доме? Бог в доме?
 Мор грянул? Сын помер,
 Чтоль? Что здесь творится?

КОРМИЛИЦА

Рок, старче.

(Указывая.)

Царица.

— Се. —

Но не от мора —
 Глаз дерзкого взора,
 Царь! И не от сглазу, —
 Уст дерзкого сказа,
 Стен смертного шату,
 Рук дерзкого хвату,
 Царь! Куды ни ступит —
 Он, дерзкий! Уж тут как

Тут! Куды ни сядет —
 Льнет, плечики гладит
 Вор, куды ни глянет —
 Он, он все! Ни сна, нет,
 Ни дня нет: «чай, родич!»
 Спать — около бродит,
 Пить — около цедит,
 Есть — с хлебом в рот лезет,
 В глот. Мрой по суставам.
 Пить-есть перестала.
 — Се. — Но не на ложе
 Мир бедной положен
 Был. Сук в лесу стукал,
 Звал. Так на суку том
 Да на пояске том
 С любезным со светом
 Простилась. Царь, свято:
 Мною тканном, им смятом
 Иль снятом...

Ой, пава!

Знать, дня милей — слава
 Была (сучок ближний!),
 Знать, честь — милей жизни
 Была, милей дыма
 Очажного...

ТЕЗЕЙ

Имя!

КОРМИЛИЦА

Ой, царь! Тех и букв нет!
 Назвать — чертог рухнет,
 Лес вспыхнет, гром грянет,
 Плоть Федрина встанет
 С одра... Не налетчик!
 Сев топчет — свой топчет!
 Ешь вместе, спишь вместе,
 Весь вздох твой и весь твой
 Свет, вся твоя слава.
 Как перст руки правой
 Развемый, разнымый...

ТЕЗЕЙ

Сын?

КОРМИЛИЦА

Назвал.

ТЕЗЕЙ

Он?

КОРМИЛИЦА

Самый.

ТЕЗЕЙ

Кто сыном был: где он?
 Кто псом стал. Ждем.
 Вот рук его дело:
 Она. Где ж — он?

КОРМИЛИЦА

Что — конюх? Ай в нянях
 У волка? Здра — ав!

Чай, новых гоняет,
Твою загнав!

ТЕЗЕЙ

Отче Посейдон!
Старче Океан!
В черном, аки дерн,
В скорбном, аки вран,
Старце — а хорош
Был в Тезея дни! —
Львенка узнаешь
Там, на площади?

Сам бы не признал?
Княже мохнобров,
Откати свой вал
На тридцать годов!
Времени сквозь гул:
— Кликни и спасу! —
Вспомяни посул
Бога — храбрецу.

Отче Посейдон!
Старче дальнозрак!
Лучшая из жен...
Попранный очаг...
Попранный честь, —
Больше чем убил!
Еще часу несть
Гад мне сыном был!

Княже велетих,
Страше велиглот!
Пресных и морских
Хлябей верховод!
Сильного — устой!
Мой — в Тезея дни!
Под его стопой
Землю всколыбни!

Глыбой поперек!
Сворой по пятам
Пашенковым: в бок
Вор — а вал уж там.
Бездною в упор!
Прорвою в затыл
Скачущему! Скор
Вор, а вал уж смысл...

Пусть в беге — грудь лопнет!
Будь заклят, будь проклят!
Пусть члены псы треплют!
Будь проклят! Будь треклят!

ХОР ПОДРУГ

Кто мертвая рек? спящая!
Наряжена, умашена...
Кто горькая рек? сладкая!
Весь лес к тебе, весь сад к тебе
На одр, весь цвет, весь лист тебе
Снесли, кусточки чистые,

Одни шипы оставлены.
Не сирая спишь, славная.

Вот выпшишься, как с бережку
В ручей — две ножки свесятся...
Над висельницей с деревца
Снята, его же цветиком
Снята. Подружки, спутали!
Не клясть, а славить нужно бы:
Честь ветке той, суку тому, —
Не блуднева спишь — мужнина.

Станьте, станьте древа вкруг!
Славьте, славьте Федрин сук!
Федры — повесть,
Федры — совесть,
Федрин пояс, Федрин сук.

Станьте, станьте древа под!
Славьте, славьте страшный плод!
Федры — робость,
Федры — доблесть,
Федрин подвиг, Федрин пот.
Две вечности, две зелени:
Лавр. Мирт. Родства не предали!
Как ты «женой Тезеевой»,
Так он «супругом Федриным»
Пребудете, два первенства,
Два главенства, часть равная.
Меч храбрости, сук верности,
Лист миртовый, лист лавровый,

Благословимте ж дерево
Любви, посаду делову!
Как ты женой *Тезеевой*.
Так он супругом *Федриным*. —
Доколе только мир стоит,
И утро есть, и вечер есть...
Честь веточке, честь миртовой!
Не смертная спишь, — вечная.

Вкруг сука, который спас,
Утвердимте новый пляс
Федре в память.
Да не канет
Федры — танец, Федры — пляс!
Вы, плодные, вы, праздные!

К Трезена древу доброму
Пусть каждая хоть раз один
С одра встает по образу
Без трепету, без шороху
И одр и жизнь оставившей...
Стань плясом, плачь! Стань хором —
хор —
Не плакальщиц, а славильщиц!

Двадцатая ль, тридцатая ль
Весна, жена ли, девица ль —
Пусть каждая, пусть всякая,

Дары забрав, под деревце
 Спешит победу праздновать
Лба женского — *дном* чашечным!
 Стань плясом, плач! Стань градом —
 град —

Не плачущих, а пляшущих!
 Видели с вышек,
 Видели с сучьев:
 Пасынок пышет,
 Мачеха тушит.
 Видели кони,
 Видел и конюх:
 Пасынок стонет,
 Мачеха гонит.
 — Страсть мое право!
 — Честь мой допех!
 Мачехе — слава,
 Пасынку — смех.

В царских покоях
 Лесть с прямодушьем...
 — Пасынок строит,
 Мачеха рушит —
 Борются. Щечек
 Мелом — румянец.
 Пасынок точит,
 Мачеха вянет.
 — Чем не по нраву?
 — Сгинь, ненасыт! —
 Мачехе — слава,
 Пасынку — стыд.
 «Всё — мои слезы!
 Срок моим бедам!»
 Мачеха с ложа,
 Пасынок следом.
 И каб не третьим
 Ствол между ними...
 Мачеха в петлю,
 Пасынок — мимо...
 Нет с тобой сладу,
 Женская честь!
 Мачехе — слава,
 Пасынку...

ВЕСТНИК

Весть
 Страшная! Крепится,
 Царь! По воле волн
 Новый кипарис
 В дом, и новый холм.
 Мертв — тобой рожден!
 В прах твой века!
 Конному в обгон
 Вал с лицом быка.
 Конному в обскок.
 Паром по пятам
 Всадниковым. В бок
 Скор, а вал уж там.
 В тыл, а бык уж свях
 Шлет, за комом ком
 Пены. Кони в страх,

В храп, а бык уж с дом,
 Ду неба! Гора!
 Скот, да не рога,
 Вал, да не вода,
 Кони... Повода...
 Лучший из возниц
 Возжи из горстей,
 Очи из глазниц,
 Спицы из осей...
 Бык или невесть...

ТЕЗЕЙ

Княже-Посейдон-
 Милостивец!

ВЕСТНИК

Несть

Храброго.

ТЕЗЕЙ

Отмшен.

ХОР ДРУЗЕЙ

Скажем или скроем?
 В дреме или въяве?
 Лежа, а не стоя,
 Лежа, а не правя,
 Всею поясницей
 Вскачь и каждой жилкой —
 Кто на колеснице
 Отбыл, на носилках
 Едет, старец аще...
 — Пьяный или сонный?
 Только что летящий,
 Вот уже — несомый.

Молния! Двуколка!
 Путь лишь робким узок!
 Бич, которым шелкал,
 Спицы, оси, кузов —
 Где? Проспал, возница,
 Воз! В щепы, в опилки!
 Кто на колеснице
 Отбыл, на носилках
 Едет, царства стержень
 Свеж — в обитель нижню.
 Только что несдержный,
 Вот уже недвижимый.

Так, как он вас хохлил, —
 Люди жен не нежут!
 Кони, кони, кони,
 Что же побережье
 Целое — возницы
 Вытерли затылком?
 Кто на колеснице
 Отбыл — на носилках
 Едет — тыл ли вьющий,
 Ваххово ль точило?
 Только что ведущий,
 Вот уже — влачимый.
 Знали же, что ноги
 Жжет, чем жилы бьются!

Боги, боги, боги,
 Что же боголюбца
 Юного с землицы-
 Ржи к безлицым в ссылку?
 Кто на колеснице
 Отбыл — на носилках
 Едет, с кем? Да не с кем!
Есть, да млады лечь с ним!
 Только что ровесный,
 Вот уже навечный.

Чище не увидим
 Лба — что мрамор в плитах!
 Дева-Артемиды,
 Так-то Ипполита
 Юного, Близница
 Фебова, за пылкость!
 Кто на колеснице
 Отбыл — на носилках...

ТЕЗЕЙ

(заграждая дорогу телу)

Несущие, стойте!
 Ни с места, хор!
 Не сына несете!
 С которых пор
 Отрава колодцев,
 Ехидны тварь,
 Гад — сыном зовется?

ХОР

С которых, царь,
 Сын — гадом?

ТЕЗЕЙ

И гадом

Назвавши, льстим.
 Прочь, псиня падаль!
 За праг! за тын!
 О, лучше бы *пролил*
 Родную кровь!
 Смесителей крови
 Не кроет кров.

ХОР

Кров богопротивный
 Минем или внидем?
 Громом, а не ливнем,
 Гневом, а не взрыдом.
 — Минем или сложим
 Прах? Но небо взропшет!
 Щербнем, а не ложем
 Юных: рук двух отчим
 Ложем... Львицей вскормлен,
 Что ль? И лев бы плакал?
 Ядом, а не кормом
 Мертвых: нардом, маком...
 — Уж как плавно, плавно
 Спящего несли мы! —
 Срамом, а не лавром
 Царь встречает сына.
 Ужто ль недостоин
 Погребальных тканей

Спящий, над красою
 Чьєю даже камни... —
 Смилоствовали ведь!
 Глянь, в кудре височной
 Жимолости листик
 Цел, хотя и смочен.
 Так и он: твой стволлик,
 Свеж, дичок дворцовый! —
 Жимолостью цел ведь
 Вкруг ствола отцова!

С прямостью столь милой
 Черт — видал ли гадин?
 Камни пощадили,
 А отец небаден?
 На же, обограй же
 Щеки, плечи, члены.
 Что богов добрее
 Камни — дело вемо,
 Знамо. Меньше реют
 Те, чем розы топчут!
 Пусть богов добрее,
 Но не сердца ж отча?

СЛУГА

Досаждающему прости.
 Но разрозненные куски
 В целом — *целое* могут дать,
 Поучительное, как знать?
(Подает осколки.)

Не нечаянность и не страх,
 Нечто брошенное в сердцах,
 В гневе, в судорожности висков.
 По разбросанности ж кусков,
 Куска — дальности — от куска
 Видно: сброшено свысока
 Чести, высшей из крепостей.

(Указывая на тело Ипполита.)

Тот не вымолвит, скажет сей
 Воск.
 Читай же.
 Спящим — вредно.

ТЕЗЕЙ

Надпись: «тайно».
 Подпись: «Федра».
 Знаки, жжетесь!
 Вижу ль? Брежу ль?
 Надпись. Подпись.
 То ж, что между...

Наваждение! Честен! Чист!
 Ипполита похвальный лист!
 Федры собственная рука!
 Золотая его доска!
 Добродетели торжество!
 Боги, кони, жена, за что?
 Горе, горе, венец честной
 Добродетели — суд над той!
 Млат, не падай, и жнец, не жни!
 Слава сына — позор жены.
 Снег и деготь, смола и соль.

Снег любимого — милой смоль.
 Высотою его низка!
 Вострым по сердцу! Воск? Доска?
 Грудь — расколота пополам!
 Честь любимого — милой срам.
 Чистотою его черна!
 Наваждение! Сын! Жена!
 Чернотою ее... О, что ж,
 Боги думали, в тот же ковш
 Намешавши смолу и мед:
 Хлад любимого — Федры пот
 Блудный... Ненависти персты
 Афродитиной! Сын, прости
 Старцу! Ненависти камыш
 Афродитиной.

(К Федре.)

Та же... ты ж,

Вся не стоящая перста
 Ипполитова!

КОРМИЛИЦА

Царь, чиста!

Бык и сук,
 Труп и труп —
 Дело рук,
 Дело губ
 Сих. — Сие.
 Сей. Сия —
 Всей семье
 Яма — я.

«Строен, рдян,
 Стан, сутул...»
 Мой заман!
 Мой посул!
 Мой прицел!
 «Сы — но — вя?»
 Прав, кто смел!»
 Я, всё я.

«Молод: мед!
 Молод: мех».
 Старче, вот
 Федрин грех.
 Федрин блуд.
 Федра? Зря!
 Федра — жгут:
 Руки — я.

На уш — ко
 Ре — мес — сло.
 Федра — что?
 Сводня — всё!
 Люб? За хвост
 Соловья?
 Федра — воск.
 Руки — я.
 Ничего, кроме мужа старого,
 Красота не желала, не чаяла.
 Ничего про сторонку левую

Простота не гадала, не ведала:
 То ли слева стучит, то справа ли?..
 Ложа стылого, мужа старого,
 Вдовчьих навыков, отчих обыков,
 И были бы так, и сгнили бы так...
 Никогда на гвоздичку рдяную
 Красота и глазком не глянула б,

Ничего, кроме миски глиняной...
 Так и минуло б, так и сгнуло б...
 Каб не нуды мои, не зуды мои,
 Не подспуды мои, не гуды мои.
 Куды с лысостью? куды с ветошью?
 Косы вылезли, спросу нетути.
 Шелудивец — и тот не требует!
 Зубы выпали, блюда пребыли:
 Губы-губы-уста, сладсть любая!
 Зубы выпали — слюнки убыли?
 Неизбывная память, пустая пасть!
 Хоть чужими зубами кусок угрызть!
 Неизбывная память, пустая пасть!
 Хоть чужими грудями к грудям припасть!

«Мой век — весь!
 Всласть хоть ты!»
 Тяжче — несть.
 Старче, мсти!
 Мой век — весь!
 Но, бия,
 Знай, что здесь
 Боги — я.

ТЕЗЕЙ

Безумная, стой!

КОРМИЛИЦА

Ни пню, ни шмелю...
 Своей чернотою
 Тебя обелю.
 Спи, милая. Вей,
 Мирт! Басней моей
 Я — сажи черней.
 Ты — славы белей
 Остались.

Бей,
 Царь! — Нежуся!

ТЕЗЕЙ

Ведьма, не за что! Сводня, не за что!
 Ты — над хрипами? Ты — над трупами?
 Образумься, старуха глупая!

В мире горы есть и долины есть,
 В мире хоры есть и низины есть,
 В мире моры есть и лавины есть,
 В мире боги есть и богини есть.

Ипполитовы кони и Федрин сук —
 Не старухины козни, а старый стук
 Рока. Горы сдвигать — людям ли?
 Те орудуют. Ты? Орудие.

Ипполитова пена и Федрин пот —
 Не старухины шашни, а старый счет,
 Пря заведомая, старинная.
 Нет виновного. Все невинные.
 И очес не жги, и волос не рви, —
 Ибо Федриной роковой любви
 — Бедной женщины к беднудитятку —
 Имя — ненависть Афродитина
 Ко мне, за Наксосу разоренный сад.
 В новом образе и на новый лад —

Но все та же вина покарана.
 Молнья новая, туча старая.

Там, где мирт шумит, ее стоном полн,
 Возведите им двуединый холм.
 Пусть хоть там обовьет — мир бедным
 им! —

Ипполитову кость — кость Федрина.

1927

ТВОЯ СМЕРТЬ

Каждая смерть, даже из самого ряда выхождения выходящая, — о твоей говорю, Райнер, неизменно оказывается в ряду других смертей, между последней до и первой после.

Никто никогда не стоял над гробом без примысла: «Над кем последним так стоял, над кем первым встану?» Таким путем создается между твоими умершими, личными умершими, известная связь, существующая только в данном сознании, в каждом данном разная. Так, в моем сознании ты предстал Неведомому между А и В, в сознании другого, тебя потерявшего, между С и D и т. д. Сумма наших осознаний и есть твое окружение.

Теперь о роде этой связи. В худшем, в частом случае, связь внешняя, местная, порядковая, чтобы все сказать — житейская, чтобы еще все сказать — кладбищенская, по случайности соседства номеров и могил. Связь бессмысленная, посему не связь.

Пример. Между и У при жизни не было никакой. Нет и в смерти, если не считать самой смерти, как тогда — жизни. Для породнения и того и другого мало. Такой гроб из нашего могильного ряда выпадет, ряд сомкнется на двух, значащих для нас могилах. Таким отбором и создается ряд наших смертей и наша смерть. Только об этих, и слагающих нашу собственную смерть, смертях и буду говорить, говоря о связи.

Каждая смерть возвращает нас в каждую. Каждый умерший возвращает нам всех до него и нас — им. Не умирали бы последующие, мы бы, рано или поздно, забыли первых. Так от гроба к гробу — круговая порука нашей верности мертвым. Некое посмертное сосуществование в памяти: ряде своих могил. Ибо все наши умершие, лежи они в Москве, на Новодевичьем, или в Тунисе, или еще где, для нас, для каждого из нас, лежат на одном кладбище — в нас, со временем в одной братской могиле. Нашей. Многие в одной и один во многих похоронен. Там, где сходятся твоя первая могила и последняя — на твоём собственном камне, — ряд смыкается в круг. Не только земля (жизнь), но и смерть круга.

Через наши уста, целующие, рождаются, подаются друг другу руки, целуемые. Через их руки, целуемые, рождаются, тянутся друг к другу уста, целующие. Круговая порука бессмертия.

Так, Райнер, ты породнил меня со всеми, тебя потерявшими, как я, в ответ породнила тебя со всеми, когда-либо мною потерянными, и ближе всех — с двумя.

Как по волнам несет нас смерть по холмам могил — в Жизнь.

Твоя смерть, Райнер, в моей жизни растроилась, расслоилась на три. Одна твою во мне готовила, другая заключала. Одна предзвучие, другая позвучие. Несколько отступив во времени — трезвучие. Твоя смерть, Райнер, — говорю уже из будущего — дана была мне, как триединство.

MADAMOISELLE JEANNE ROBERT¹

— Ну, Аля, как было у французенки?

— Мама! Чудно! А самое чудное, что мы пришли, потому что если бы мы не пришли, было бы из всех детей только двое, две девочки — одна взрослая, а другая азбучная. И она бы даром готовилась и готовила. А Вы знаете — я так была удивлена — у нее чудная квартира: лестница мраморная, в коврах, с полированными перилами, с мед-

¹ Мадемуазель Жанна Робер (*фр.*).

ными звонками какими-то... По такой лестнице и ходить приятно, но, конечно, не ей, потому что седьмой французский этаж, а ей, наверное, уже семьдесят.

Внутри чудно: картины, зеркала, и на каминах, всюду — воспоминания: плетеные, вязаные, всякие, и все с надписями. От учеников и учениц. А книг, мама! Целые стены! И все больше о Роланде, *Quatre fils d'Aymor*¹ — такие. А самое чудное: два рояля, в одной комнате. Именно потому, что она такая бедная — чудно. Потому что если бы у богатого, ясно. Просто всего помногу: салфеток, ножей... Вот взял и купил себе сразу два рояля, и еще два куплю. А у мадмуазель совершенно непонятно. И совершенно ясно: от любви. (Мама, у меня сейчас странная мысль: а вдруг она по ночам вырастает в огромную, и одна, без всякого труда, на двух роялях? Одна — на двух роялях — в четыре руки?)

И страшный холод. Два камина горят, а точно на улице.

— Ты Расскажи все по порядку. С самого начала, как только пришли.

— Как только пришли, нас с Леликом сразу засадили за огромную старинную книгу о Париже. Потом начались звонки и стали прибывать разные прежние ученицы в меховых шубах, от семнадцати до сорока лет. И некоторые матери. У мадмуазель был вид встревоженный, и она все время бегала с чашками на кухню, и я ей немножко помогала. Да! мама, как чудно, что я все-таки не обменяла той коробки — помните. Вы говорили: важны конфеты, а не коробка. Нет, мама, и коробка важна — на Рождество. Конфеты в коробке — подарок, просто-конфеты — просто конфеты. И коробка всегда же останется — для писем, ленточек, всякого. Она так обрадовалась и уж хотела было ее подавать, но я упростила оставить на дорогу, потому что она завтра едет в деревню к сестрам. А Лелик ей привез апельсины и яблоки, причем тщето в лавке пытался ей купить сюсюток. Он говорил, что на десять франков выйдет очень много. Но его мама не позволила. Апельсины она подала, а яблоки оставила — тоже сестрам, наверное. Вот и поедет с подарками.

Мама, она, наверное, очень бедная, еще беднее, чем мы думали, наверное, все уходит на квартиру и на сестер, — потому что кроме пти-беров из угощения ничего не было. И какао и чай на выбор. Ей помогала какая-то молодая кузина, тоже в меховом. А сама она была в своем вечном черном, с той же бархаткой на шее, а на бархатке иконка с Жанной д'Арк, серебряная — знаете? Она, наверное, как Вы, считает, что неудобно хозяйке быть нарядной, раз ее дом, а может быть, ничего другого и нету, я, по крайней мере, никогда ничего кроме того черного на ней...

— Ну, а потом как было?

— Потом к нам присоединилось какое-то толстое существо, которое я, было, приняла за девочку, но девочка оказалась с напудренным лицом и накрашенными губами, и я уже не знала, что думать. На всякий случай, мы решили его (существо) развлечь игрой в мнения и развлекли так, что через пять минут оно исчезло, наверное, потому, что маленькая девочка — азбучная — один раз сказала про нее: *boule de graisse*, а другой: *boule de viande*² — да и мы не отставали. А потом сделалось темно, и мадмуазель нам показала Эйфелеву башню, такую же далекую или близкую, как от нас. Как всегда отовсюду.

Мама, мне страшно хотелось есть, но я удерживалась и съела всего один пти-бер. И Лелик один. А та маленькая девочка — все остальные.

Потом мы стали собираться домой, но мадмуазель ни за что не пускала, потому что еще не танцевали. Мы с Леликом думали, что будем смотреть, но оказалось, что сами должны танцевать.

— Как же ты танцевала?

— А так, как мне показывали. Мадмуазель очень хорошо танцует, очень легко, но, конечно, те танцы, прежние. А Лелик, увидев, что танцуют не венгерку, напустился и объявил, что у него кружится голова. Но она с ним все-таки протанцевала. Она со всеми танцевала и страшно устала. Да! самое главное. Над диваном, в гостиной, она — молодая. Она лежит в траве и читает книгу, а рядом с ней яблоки. В розовом платье, оборчатом, — очень хорошенькая. И тоже худая, только сейчас от старости, а тогда от молодости. И нос вырос. — Это ее сестра писала — не та, сумасшедшая, а другая — тронутая, которая не любит, чтобы сор выносили из комнаты. Сметет и бережет. Но картина чудная.

— Как почувались?

¹ «Четыре сына Эймора» (фр.).

² Кусок сала... кусок мяса (фр.).

— О, хорошо, подробно. И целовались, и я благодарила, и она. Вашей книжке очень обрадовалась, но мне кажется, она не разглядела надписи — что это ей, просто думала, почитать. А зато, когда завтра в вагоне увидит, еще больше обрадуется. На прощание еще раз пригласила ее на нашу елку, и она сказала, что непременно придет. Что же мы ей подарим — перчатки или бумагу?

Перчатки или бумагу? А денег, как на грех, не было, как всегда — на всегдашний! — на последний подарок.

А может быть, записную книжку? Есть совсем дешевые. А может быть, — так не хочется и не может сейчас, в последнюю предельночную минуту, идти, — ничего? Просто — позвали на елку. Где же, вообще, дарят? Ведь это только детям дарят... По грубости самоуговоров и заемности доводов — ясно: подарок нужен. Только вот: перчатки или бумагу?

Перчатки, оказалось, были уже куплены матерью мальчика: «теплые, прочные, а то у нее, бедной, совсем рваные. После того, как я у нее побывала — в этом холоде — мне все время хочется для нее чего-нибудь теплого. Авось, не обидится». (От русских — обида! Все равно, что нищий подал.)

Наличие перчаток установило бумагу. «От пяти до шести франков, не дороже семи-восьми, в крайнем случае десять. Что-нибудь неяркое, для пожилой дамы»...

(«Пожилой» — когда вот-вот рассыпется, и «дамь», когда — Mlle Jeanne Robert!)

Très distingué — parfaitement distingué — tout ce qu'il y a de plus distingué — on ne peut plus distingué... (6 frs... 9 frs cinquante... 12 frs cinquante... 18 frs).¹

Коробки, с легким картонным громом, громятся. Одно — видно, другое — скудно, третье — нудно, четвертое — дорого, пятое — дорого, шестое — дорого. И, как всегда, с возгласом: «Ah, il y en a encore une que j'oublie!»² — последняя — та самая. (Как бы проверка точности нашего вкуса, легкий искус его — приказчиком...)

Голубая. Полотняная. С голубыми же цветочками на крышке, до того простыми, что не смешными. Без зубцов и якобы английской шероховатости краев... Много. Сходно.

— Rien de plus pratique et de plus distingué. Et pas cher du tout, Madame, quarante feuilles et quarante enveloppes. Un bon cas de profiter.³

Дома, еще в дверях:

— Аля! Есть подарок мадмуазель.

A Mademoiselle Jeanne Robert pour notre Noël russe — Ariane⁴ — не магазинная, ибо не безымянная уже, коробка лежит под елкой, рядом с розовым свертком — d'Olègue (от Лелика). Скоро елка, скоро мадмуазель. Она была в России, но с тех пор (пятьдесят лет назад) была ли на русской елке? Кстати, озабоченные достачей елки — в последнюю минуту в цветочном магазине у станции — не удосужились освежить приглашения, и идет она не на елку, а на обычный четверговый урок, первый после ее (французских) каникул. Идет на урок, а попадет на елку. — И знаешь, Лелик, ничего не говорить, просто ввести. — Или сказать, что нынче занимаемся внизу. — Потому что наверху не топлено. Словом, мадмуазель на елке детям затмевает елку. (Так праведник ждущим ангелам должен застилать небо, на которое вовсе не знает, что попадет.)

— Сейчас, должно быть, будет. Без десяти? О, еще целых десять минут.

— Сейчас должна быть. Который час? Она никогда не опаздывает.

— Может быть, только сегодня приехала и потому запаздывает? А ты точно знаешь (дети друг другу), что именно сегодня первый урок?

— Она сказала 5-го.

— Но 5-е вчера, почему же она вчера не пришла? Мне она сказала в четверг.

— А мне 5-го. Но четверг сегодня и значит она сейчас придет. Только ее два подарка и остались под елкой.

¹ Очень изящное, безукоризненно изящное, все самое изысканное, что ни на есть самое изысканное... 6 франков, 9 франков пятьдесят... 12 франков пятьдесят... 18 франков... (фр.).

² А, есть еще одна, которую я забыла (фр.).

³ Ничего нет удобнее и изящнее. И совсем не дорого, мадам, сорок листов и сорок конвертов. Хорошо и выгодно (фр.).

⁴ Мадмуазель Жанне Робер в день русского Рождества — Ариадна (фр.).

Дни шли, мадмуазель не шла. Сначала это тревожило, потом привыкли — к тревоге. Неприход мадмуазель, а не приходила она раз за разом, постепенно становился для всех обитателей павильона, больших и маленьких, припевом дня, то есть вещь с разом от разу утрачиваемым содержанием. (Самостоятельная, вне-смысловая жизнь припева.) Как сначала удивлялись, что мадмуазель не идет, так сейчас бы удивились, что мадмуазель — пришла. Удивление просто переменяло исходную точку на точку приложения. Оттуда удивлялось. (Так, Райнер, мы все удивлялись, как такой может жить, теперь — умереть.)

Люди мало внимательны к глагольным формам, — *font du sort sans le savoir*¹. От личных, перво — второ — третье — разовых, числящихся «мадмуазель не пришла» до хронического «мадмуазель не приходит» — какая работа и дорога. Мадмуазель просто поселилась в отсутствии, в которое (для нас) сначала случайно попала. Не было обеда или ужина, чтобы кто-нибудь из больших и маленьких, между тарелкой и тарелкой, тоном отстоявшегося уже удивления, не устанавливал: «А мадмуазель не идет». — И сразу, точно только того и ждали, по проторенным же дорогам отзвук, хоровое. Может быть, заболела? Но тогда бы написала. Может быть, сестра заболела? Но тогда бы тоже написала. Может быть, до того одна, что и написать некому? Но тогда ведь и подать некому. Может быть...

Мадмуазель, где-то болевшая, набаливала.

Люди были все трезвые — (бабушка, тетка, дядя и мать мальчика, отец и мать девочки), люди, выдавшие виды — кто в Советской России, кто в Армии, те и другие в эмиграции, люди — и это главное — с той кровотокашей гордостью, по которой и узнают изгнанников, люди, замесившие себя детьми, свое сорвавшееся или надорвавшееся сегодня их — о, каким! — завтра, люди времени (вечного недохвата его) и посему — по всему — нещадные к детскому, люди, взявшие детское время на учет. А это время — кровное, детское — шло, дети, не без некоторого смущения, ибо хорошие дети — праздновались, условно, конечно, — особенно для девочки, нянчившей младшего брата и уроки воспринимавшей, как отдых. Уроки повторялись и вновь забывались, книги выкладывались и вновь вдвигались. Мадмуазель не шла.

Дом как-то расслаб, размяк, никто — в пределах дома — никуда не торопился. — Молоко поставить, потому что сейчас мадмуазель придет... Столовую убрать, потому что сейчас мадмуазель придет... Голову помыть, да вот сейчас мадмуазель придет... За углями в подвал, а то мадмуазель придет...

Павильон был холодный, топленных комнат — две, и мадмуазель, приходами, все перемешала. Раз классная здесь, то столовая там-то, то швейная еще где-то и т. д. Прошло и кочевье.

Постепенно выяснилось, что маленькая, неслышная и невидимая мадмуазель (приходила с черного хода — тихо — и, как часто: «была мадмуазель?» — «да, уже ушла») — была двигателем и костяком этого большого, усложненного сожительство двух семей, волевого — ибо русского — павильона.

Что же делали эти люди со ставкой на детей? Шестеро взрослых счетом. Ничего никто. — Надо написать мадмуазель. — Сначала утвердительно, потом все вопросительнее и заведомо-несвершимее. Бесполезнее. Безнадежнее. Мадмуазель не уехала, она заехала. Не заехала, а исчезла.

Первой, кажется, сказала мать девочки, но — загадкой. Было так. Мать девочки брала в буфете нож (один из двух) и стояла спиной к тетке мальчика, над большим столовым столом лягавшей ножницами. Поэтому последующий вопрос пришелся в спину.

— Так никто и не поехал к француженке?

— К француженке ехать — далеко!

— Ей не далеко, а нам — далеко? — в тоне тетки ехидство тетки покрывалось торжеством остроумца.

— Ей не далеко, а нам далеко, — подтвердила мать девочки, холодея от формулы.

— А все-таки надо бы, следовало бы, — пилила тетка, огорченная непопадением остроты и мало, на мой взгляд, ошеломленная неслыханной (в таком толковании) грубостью ответа.

— А все-таки надо бы, следовало бы...

— Когда-нибудь да... — но эти слова ею не были услышаны, ибо произнесены были во рту.

¹ Делают, не ведая того, ошибки такого сорта (*фр.*).

Так что первой все-таки сказала бабушка.

— Или она очень больна, или ее уже нет, — со спокойной грустью наперед и назад покорного такому — старого человека.

— Но «её уже нет» все-таки не есть «она»... — И первой все-таки сказала мать мальчика, в вечер того же дня, за французским обедом — русским ужином.

— Если она до сих пор молчит, она или очень больна — или она умерла.

И — дом проснулся.

Резонанс смерти. Райнер, думал об этом? В доме, где после долгой, требовательной, с ног сбивающей болезни, наконец, уснул. Теперь бы, кажется, тишине, и когда ж, как не теперь, тишине? Какое! Тут только и начинается!

Дом, где умирает, тих. Дом, где умер, громок. Первый мертвой водой полит по всем закоулкам, спит. Смерть в каждой щели.

В каждой выемке пола — ямкой. Один мертвой — полит, другой — живой — взбрызнут. Склянка с живой водой вдребезги, в каждом осколке, пусть ранищем — жизнь. В доме умирающего не плачут, а плачут — прячут. В доме, где умер, навзрыд. Первый шум — слезный.

Lebenstrieb¹ смерти, Райнер, думал об этом? Тогда с ног сбились, теперь полны руки дела, но из двух, рук и ног, ведь руки тихи, а ноги громки. И что тише — двух рук, с водой, например? Но сама полнота их — как, чем, откуда? Ведь он именно сегодня в 5 ч. вечера вконец обезнужден, «от всякое скорби, гнева и нужды», — наконец, домолился! Мне ответят (не ты, Райнер, другие): ему — нет, телу его — да. Полно! Разве каждый остающийся в тайне не знает, что священник, гробовщик, фотограф — только повод к нашим чешущимся по делу рукам, наше утвержденное, облагороженное: есмь! наше полное согласие жить. Мы не за умершего, мы за гробовщика цепляемся! В нашей торопливости снять умершего меньше желания сохранить его, чем желания подменить его — живые черты — снимком (живо терзание — воспоминанье о нем), чем уверенности, рано или поздно, забыть. Фотографический отгиск — наша подписка в забвении. Сохранить? Схоронить!

Отмежевыванье. Охаживанье. Что-то поправить, подвинуть. Перекраиванье, заботой, на прежний лад. Дикарство этой заботы. Почти что перед лицом alles geschehen — nichts geschehen². И мои слова к тебе, Райнер, но по-иному. Nichts kann dem geschehen, der geschah. По-русски же: со свершившимся не случается.

Приручение неведомого. Одомашнение смерти, как тогда — любви. Обычное попадание в тон. Наша, до смертного часа, кослопость в любви.

...Есть этому посмертному взрыву язычества еще одно объяснение, проще. Смерть в доме умирающего, в доме умершего смерти нет. Смерть из дому уходит раньше тела, раньше врача и даже раньше души. Смерть из дому выходит первая. Отсюда, несмотря на горе, вздох облегчения: «Наконец-то!» Что? Не человек же, которого любили, — смерть. Отсюда — торжествовать ее уход, у тех, что попроще — тризна: объядение и опивание на поминках («не ест-не пьет» — так будем же есть и пить!), у нас, позжих, объядение и опивание хочется сказать — воспоминанное, передача и повторение — до отупения — до незвучания — до протерения — последних подробностей. Там заедание, здесь — заговаривание мертвого. Гро-могласие дома после смерти. О нем говорю.

И настоящая первая тишина (это нескончаемое полдневное июльское шумелиное з—з—з — в ушах) раздается в доме только после выноса. Когда уж не над чем шуметь. Остаются, впрочем, поездки на кладбище.

А пока мы ходим по дорожкам, читаем надписи, препоручаем сторожу могилу и облюбовываем будущую собственную, смерть, пользуясь отсутствием...

Так прежние домовладельцы, прослышав, что новые на даче, приходят постоять, а то и побродить кругом да около...

Итак, дом проснулся. Из того, что он явно проснулся, стало ясно, что он спал: бабушкой, дядей, теткой, матерью мальчика, отцом и матерью девочки, самой девочкой, самим мальчиком, в течение целых трех недель всеми своими обитателями спал как заколдованный.

По тому, как дом ожил, стало ясно: она умерла.

— Мама, я нынче пишу французженке.

¹ Жизненный инстинкт (нем.).

² Все случилось — ничего не случилось (нем.).

ПИСЬМО

Chère Mademoiselle,

C'est en vain que nous attendons depuis longtemps. Chaque lundi et mercredi, jeudi et samedi nous vous attendons et vous ne venez jamais. Mes leçons sont écrites et apprises, celles d'Olégue aussi. Avez-vous oublié notre invitation pour l'arbre de Noël? Je crois que oui, parce que vous n'êtes pas venue chez nous l'avant-avant dernier jeudi quand nous avions notre fête. J'ai reçu beaucoup de livres: Poèmes de Ronsard, Oeuvre de Marot, Fabliaux, Le Roman du Renard, le Roman de la Rose, et surtout la Chanson de Roland. Deux cadeaux vous attendent, d'Olégue et de moi.

Ecrivez-nous, chère Mademoiselle, quand vous pourrez venir chez nous. Nous vous embrassons.

Ariane¹.

— В тот вечер она была такая усталая, такая усталая. Все время хотелось сказать ей: «Да зачем Вы все это затеали? И еще эти танцы... Отпустите нас всех, сядьте в кресло к огню, погрейтесь, отдохните». Ведь ни за что не хотела отпустить без танцев, книжки с картинками, угощение, танцы, — чтобы уж вся программа. И еще эти дамы в шубах, неизвестно зачем поналезшие, заходившие ей всю квартиру — уж такую, такую холодную. Вы не знаете, что это был за холод. У нас холодно, но та — ам. Я весь вечер не могла согреться...

Мы медленно подымались по «мраморной полированной», мать мальчика и я. Лестница медленно подавала нас от площадки к площадке. На самом верху у большой черной двери — встали. Стало ясно, что дальше некуда. Дверей было две — правая и левая. Француженка жила за правой. Помолчав, постучали. Помолчав, постучали еще. Еще помолчали. Еще постучали. Стуки редели, промежутки между стуками росли. Сам же стук оставался на поверхности двери, не проникая по ту сторону ее, или, проникнув, поглощался тем, что за дверью, всей за-дверной пустотой (потусторонностью). Дверь не отвечала. Дверь отмалчивалась.

— Пойдем к консьержке — так ведь час можно простоять — спросим, может быть, — она что-нибудь знает? — не шепотом (как всякая странность — будит), а тем положенным вполголоса, каким спокойно говорят над спящими и другими.

— А может быть, сюда постучать? — Левая сразу отозвалась, подалась, выявляя сначала керосиновую лампу, потом пожилое лицо женщины.

— Простите, сударыня, но не знаете ли Вы чего-нибудь о Mlle Jeanne Robert? Мы стучали, но там не отвечают. Очевидно, никого нет. Наши дети у нее учатся.

— Входите, входите, я так рада поговорить о ней. Двадцать восемь лет соседства.

Лампа отступила и, повернувшись вокруг самой себя, повела. Лампа, долженствующая es an den Tag bringen². Старая женщина и мы, две, следовали.

— Да сядьте, сядьте, пожалуйста. Я не совсем понимаю, вы говорите — ваши дети?..

— Да, наши дети у нее учатся. Мы иностранки. Наши дети у нее учатся французскому и всему. Мы живем в Bellevue.

— Ах, вот оно что. Je sais qu'elle prenait toujours le petit tram de Meudon³. Значит — к вам ездила? Чудесное место — Bellevue, мы там бываем каждое воскресенье.

— Да. И вот уже месяц, как мы ничего о ней не знаем. Она должна была быть на нашей русской елке, потому что наша русская елка после вашей. Тринадцать дней разницы... Были приготовлены подарки... — точно заклиная и забывая неведомое — достоверностями.

¹ Дорогая мадмуазель,

Мы напрасно ждем вас так долго. Каждый понедельник и каждую среду, четверг и субботу мы ждем вас, но вы все не приходите.

Мои уроки написаны и выучены, уроки Олега — тоже. Вы забыли наше приглашение на Рождественскую елку? Я думаю, что да, потому что вы не пришли к нам в поза-позапрошлый четверг, когда у нас был праздник. Я получила много книг: Поэмы Ронсара, сочинения Маро, Фаблю, роман о Лисе, роман о Розе и еще Песнь о Роланде. Вас ждут два подарка, от Олега и от меня.

Пишите нам, дорогая мадмуазель, когда вы сможете приехать к нам. Целуем вас.

Ариадна (фр.).

² Пролить свет на это (нем.).

³ Я знаю, что она всегда ездит на маленьком медонском трамвайчике (фр.).

— Так она была приглашена на вашу елку? Как это мило с вашей стороны.

— Да, и не приехала, и мы ждем ее уже две недели. Моя дочь ей писала (совершенно упуская из виду, что письмо, написанное нынче утром, ни в каком, даже самом живом случае, не могло рассчитывать на ответ, — так это утром отстояло от сейчас) — моя дочь ей писала и не получила ответа. Что с ней, собственно?

— Mais elle est morte! — Et vous ne l'avez pas su?¹

— 23-го, l'avant-veille de Noël. Накануне она так много бегала, вверх и вниз, rien que son petit châle sur les épaules. «Mais vous allez prendre froid, Jeanne voyons!» et je lui tirais les manches sur les mains². Все что-то покупала. На другой день ведь она должна была ехать к сестрам.

— Но накануне, 22-го, наши дети и вот эта дама, мать мальчика, были у нее в гостях. Да, да, именно 22-го. Она пригласила всех учеников, танцевала...

— Я об этом ничего не знала. Когда, в котором часу?

— Около четырех, а ушли около семи. Была очень оживлена. Ни за что не хотела отпустить без танцев. На другой день? Ничего не понимаю.

— Да, 23-го утром. От грижи, — такая злокачественная опухоль. Ведь она никогда не хотела носить бандаж, потому что нужен был бы врач, а она — вы меня понимаете — не хотела. Давнишняя грижа. Так вы, идя сюда, ничего не знали? Простите тогда — de vous l'avoir annoncé si brutalement³.

— Так уже месяц, как она умерла?

— Месяц. Как раз сегодня. Вы говорите — она танцевала? Но, может быть, именно это-то ей и повредило. Танцы — при гриже — без бандаж...

— Но как же она умерла? Был кто-нибудь с ней?

— Никого, совсем одна. В третьем часу к ней зашла кузина — она иногда помогала ей dans son petit mé page⁴, и Жанна накануне передала ей ключ — постучала, никто не ответил, вошла, увидела. Поперек кровати, совсем одетая, в шляпе и в перчатках, очевидно, готовая идти на урок — у нее ведь еще один урок был до отъезда, последний — Cette pauvre Jeanne! 64 года — ce n'est pourtant pas vieux. 28 лет соседства. On était amis, on se disait Jeanne, Suzanne...⁵ И все эти несчастья.. Вы, может быть, знаете? Сестра ее...

— Нервно-больная?

— Да, и это так сразу случилось, никто не ждал. И Жанне пришлось — une fille si intelligente, si courageuse — зарабатывать не только на двоих, — на троих, потому что третья сестра с той, больной, в деревне — c'est elle qui la garde, — а что в деревне заработаешь, особенно художнице, потому что третья сестра — художница, хорошая художница. Cela a été le grand coup de sa vie. Elle aurait pu se marier, être heureuse, mais...⁶

Но все же были и у нас... on a eu de beaux jours ensemble! On faisait la fête⁷. Мой муж и зять музыканты, Жанна тоже музыкантша. Вы ведь видели два рояля в ее комнате? Один для нее, другой для учеников. Она ведь, собственно, учительница музыки. И вот, устраивались музыкальные вечера, Жанна — рояль, муж — скрипку, зять — на флейте. Между прочим, нет ли у вас знакомых, желающих учиться музыке? Я, на всякий случай, передам Вам карточку.

Такой-то

— Violon et flûte —

Professeur á l'Opéra⁸

Mlle Jeanne Robert, ездившая к русской девочке Але, не спрашивая, на Вилетт или в Беллевию, Mlle Jeanne Robert, не знавшая ни грязи, ни дождя, Mlle Jeanne Robert, брав-

¹ Но она умерла! — И вы не знали этого?? (фр.).

² За два дня до Рождества... на плечах только маленькая шаль. «Но вы простудитесь, Жанна!» — и я натягивала рукава ей на руки... (фр.).

³ Что я сообщила вам об этом так грубо (фр.).

⁴ В ее маленьком хозяйстве (фр.).

⁵ Бедная Жанна!.. совсем не старая... Были друзья, называли друг друга Жанна, Сюзанна... (фр.).

⁶ Девушке такой умной, такой мужественной — ...это она за ней присматривает... Это было большим ударом в ее жизни. Она могла выйти замуж, быть счастливой... но... (фр.).

⁷ Прекрасные дни вместе! Это был праздник (фр.).

⁸ Скрипка и флейта — Профессор Опера (фр.).

шая за часовой урок, длившийся два, в 1926 г., как в 1925 г., — 7 фр., считаясь не с «падением франка», а с его, франка, на нас, *intelligence russe*¹, падением, *Mlle Jeanne Robert*, от ежесекундного конверта с деньгами — отшатывавшаяся: «Может быть, Вам сейчас нужно?» — и:

«*Cela ne presse pas*»²... *Mlle Jeanne Robert*, ездившая не поездом, а трамваем, и не до Беллеву, а до Медона, для того, чтобы нам, *intelligence russe*, сберець четыре раза в неделю по 1 фр. 60 с., *Mlle Jeanne Robert*, при виде чашки кофе, с куском хлеба — пугавшаяся: «О, зачем? зачем?» и неизменно эту чашку выпивавшая, хлеб же, по нищенскому кодексу чести — оставившая, *Mlle Jeanne Robert*, певшая годовалому сыну эмигранта:

«*V siélé novom Vanka jál*»... —

чтобы не забывал России, и ведшая имя Мур от *Amour*. *Mlle Jeanne Robert*, в прошлом году на мой русский вечер не только приходшая, но приходшая на него первая —

«*Un moment j'ai cru entendre une marche. Etait-ce peut-être une poésie sur la guerre? On croyait entendre marcher les troupes, sonner les trompettes, galoper les chevaux... — C'est que je suis musicienne, moi... C'était beau, beau!*»³

Mlle Jeanne Robert, впервые перепутавшая день урока: одному в среду (5-го), другому 6-го (в четверг),

Mlle Jeanne Robert, так и не дождавшаяся новых перчаток — Райнер-Мария Рильке, доволен — Жанною Робер?

И, обращая к тебе слова, когда-то направленные тобою к другому —
denn Dir liegt nichts an den Fragenden,
sanften Gesichtes
siehst Du den Tragenden zu⁴.

Р. С. Случайно узнала, что последняя книга, тобою читанная, называлась *L'Ame et la Danse*⁵.

То есть, вся последняя *Jeanne Robert*.

ВАНЯ

Умер русский мальчик Ваня. Впервые об этом мальчике я услышала этим летом, у моря, от его сестры. Я сидела на песке и играла со своим полугодовалым сыном.

— А у меня есть брат, — неожиданно сказала моя знакомая, — почти такого же развития, как Ваш сын. Папа, мама, дядя, спасибо, пожалуйста... — Сколько лет? — Тринадцать. — Недоразвитый? — Да, и очень хороший мальчик, очень добрый. Ваня — зовут.

— Хорошее имя, самое русское и самое редкое, сейчас никто так не зовет, — сказала я, ограничивая отзыв именем.

Вторично о Ване я услышала от близкого мне лица, с сестрой Вани зашедшего в тот вечер к Ваниной матери.

— Я, когда шел, побаивался: как с таким обращаться? Играть? Странно как-то, что-то от ложного положения. Но он меня сразу успокоил: как только увидел — заулыбался, обрадовался: «Дядя, дядя!»

— А роста?

— Роста большого, как нужно. И совсем уж не так ничего не соображает, как я боялся. Няня стала собирать ужинать. «Ванечка, накрой на стол», — и накрыл, только тарелки перепутал, маленькие вместо больших. А няня, с укором: «Да что с тобой, Ванечка? Нешто эти тарелки? Ты сумасшедший, что ли?» Няня замечательная, всю жизнь ему отдала. Так и живут, мать, няня, он. Им живут.

Разговариваю о чем-то с его матерью, вдруг: «Дядя! дядя!» — оглядываюсь: зашел потихоньку сзади и глядит. И такая добрая, добрая улыбка. Я прекрасно понимаю, что он может быть радостью. От него, действительно, свет.

¹ Русских интеллигентов (*фр.*).

² Это не к спеху (*фр.*).

³ Один момент мне послышался марш. Может быть, это была поэзия войны? Послышалось, что идут войска, звучат трубы, скачут кони... Это потому, что я музыкант. Это было прекрасно, прекрасно! (*фр.*).

⁴ Ведь тебе до вопрошающих нет дела, мягким взором глядишь ты на обремененных (*нем.*).

⁵ Душа и танец (*фр.*).

Прошел какой-то срок. И вот, в какой-то день, прошел слух, что Ваня заболел. Воспалением легких.

Слух поселился. Из Медона дуло. Дуновение шло из красного кирпичного дома, который я неопределенно знала, как Ванин. Шло по двум направлениям — к сестре, в Кламар, ко мне, в Беллевию. Болезнь осела. Ваня, прикованный к постели, путешествовал.

Дни шли. Из Медона продолжало дуть. Вскоре болезнь невиданного Вани сделалась привычной, полагающейся, в порядке — нарушающих порядок — вещей.

— Как ваш брат?

— Да плох, температура держится, все время на камфаре... — Камфару я знала по последним минутам отца и для меня она называлась — смерть.

— Посидите еще...

— Да нет, нужно к маме, брат очень плох. — О матери и няне я думала не с состраданием, замещающим, а с страданием, незаместимым. Но думала отрывочно.

Поглощенная твоей смертью, Райнер, то есть приобшая к ней все, мною до сих пор претерпенные: гордую смерть матери, высокоумилительную отца, другие, многие, разные, — приобшая или противуставляя? — я, естественно, насторожилась в сторону Ваниной камфары.

Две комнаты с кухней. Кроватка. (Пусть большая, но раз «дядя» — все маленькая!) Упорядоченное, бытовой заботой и церковностью, отчаяние няни. (Какое — матери?! Ужас того, что это Медон, а не Москва (В Москве бы...). Ужас недозволенных, произвольных мыслей о чужбинном кладбище... Завезли в Медон... Если бы не Медон... Если бы в тот день не взяли его в лавку... Если бы...

— Как брат?..

— Кроткий, хороший, лежит в кроватке совсем как маленький, — такой трогательный...

Последнее, что я знаю из жизни Вани — что он ел икру.

— А я сегодня ела икру. Брату давали, он не доел, я доела. Ничего не хотел есть, а икра вдруг понравилась... Мы все так обрадовались...

Икра мне напомнила предсмертное материнское шампанское, — ничего не хотела, шампанскому обрадовалась. Икра тоже называлась смерть.

— Завтра будете там-то?

— Да, не знаю, если не останусь с мамой. Брат очень плох, можно ждать всего...

Дня через два после икры, одна из обитательниц нашего павильона, входя с улицы:

— Все-таки умер гучковский мальчик.

«Две комнаты с кухней». Кроватки не видно, ничего не видно, кроме спин. Панихида идет без света. Стою на пороге прихожей и первой комнаты. Гроб точно за тысячу верст, недосягаем.

Звонки, все новые и новые провожатые.

Выход священника, создающего вокруг себя пустоту. Ту священническую, священную. Круг пустоты, создаваемый нечеловеческим. Передвигающийся круг. Никому не было места, стало — всем. Растяжимость сосуда или сжимаемость содержания? Отказ от насущного во имя того, излишка. Отказ от себя и всех во имя того, одного. И всем просторно. Только отказаться — всего много станет.

— Так я вам советую таких-то певчих... (говорит — священник).

— А почему не..?

— Лучше таких-то...

— Что, поют лучше?

В вопрошающем голосе настойчивость, которой страшусь, ибо не хочу слышать ответа.

— ...А я, наоборот, слышала, что эти лучше...

— Поют-то хорошо, да... (Вот! Вот оно!)... Неприступны очень, а эти...

Целуюсь в полутьме с проходящими матерью и няней.

— Вы, ведь, пешком пришли? Устали? Посидите...

Без слез, с добротой.

(О русская прекрасная степенность горя!)

Почему не подошла? Ложный стыд, ложный страх слез над впервые видимым. Страх стыда и стыд этого страха. Хочется, чтобы все ушли, чтобы тут же, над ним, рассказать им двум о тебе, Райнер, о всем, что знаю через тебя. Знаю, что в эту минуту я,

оставшаяся, им, остающимся, незаменима. Что место мое — незаместимо. И мало-душно, как по-писаному, простившись, выхожу.

— Милый Ваня!

— так звучит не слышимое, а оглашаемое, так когда-то, на мое внутри-ротное, внутреннее: «Седое утро» — блоковское: «Седое утро» —

— Милый Ваня!

Если бы ты сейчас мог увидеть нас всех здесь собравшихся, весь этот переполненный храм, ты бы, наверное, спросил: «Какой сегодня праздник?» И мы бы ответили: «Твой, Ваня, праздник. Тебя празднуем».

Да, Ваня, ради тебя собрались мы сегодня в этом храме, в котором ты занимал самое скромное место. Твое место в нем сегодня главное. Как сейчас вижу тебя — вот здесь, слева, в уголку — твое скромное место было постоянным. Вижу тебя молящимся и крестящимся, вижу твое светлое лицо, с улыбкой... Ты был постоянным и верным посетителем храма, я не помню службы, на которой бы я бы тебя не видела. Правда, ты не всегда молился словами молитв, иногда ты забывал их, тогда ты молился своими словами, одним только словом: Боженька! Боженька!

И как ты любил этого Боженьку, как в него верил!

Когда тебе стало худо, ты попросил меня придти. Мне сказали, что в дом я пришел по твоему собственному зову. И вот, никогда не забуду, как ты, перед тем, как приступить к исповеди, чуть приподнявшись, слабой рукой своей подал знак, чтобы все присутствующие удалились. Вокруг тебя были только близкие — и какие уж такие были твои грехи? Но ты знал, что таинство исповеди происходит наедине, и чутким сердцем своим и здесь оказался верным сыном церкви. Немного ты мне и сказал, зато, по отпущении грехов, с каким счастьем, с каким сиянием на лице снова поднял руку, на этот раз призывая близких в комнату.

Милый Ваня, если бы ты сейчас со своей высоты мог видеть — да ты и видишь со своей высоты — нас всех, окруживших твой маленький гроб — видя наши слезы, наше горе, что бы ты, Ваня, сказал нам, захотел ли бы снова вернуться сюда? Нет, Ваня, ни ты, никто из узревших ту красоту уже не захочет на землю, и единственные слова, которые бы ты сказал нам, были бы словами благодарности. Благодарности родителям, окружившим тебя такою любовью, и особенной же — няне, с которой ты, так сказать, составлял одно целое:

— Спасибо тебе, скорбная старлица-няня.

.....
Помолись за нас.

Мать стояла в головах и — или чудится мне? — каждый раз приоткрывала лицо сына, что-то над ним приподымала, затем опускавшееся. Каждому заново. Зачем? Не проше ли...

Дело не в простоте, дело в том, что мать, явившая в мир — всем, в последний раз являла — каждому отдельно. После:

«глядите, еще не видели» рождения — «глядите, больше не увидите» погребения. Явив, скрывала (лицо в себе), вновь явив, вновь скрывала — все глубже и глубже — пока не скрyla, от всех, под крышкой гроба, пока не скрyla — от всей земли — в земле.

Мать брала сына обратно в лоно.

Была в этом жесте еще и простая материнская причастность.

Другое. Не плоть, не камень, не воск, не металл — другое. Из всего виданного — невиданное. Лица, которое передо мной, никогда не было. То, что здесь есть, не бывает. Из другого вещества.

Отличительные черты: неуподобляемость и невозможность привыкнуть. Не отворачиваться. Не притерпеться. Чисто внешняя (оттуда и смысловая) непроницаемость. Неделимость. Неразложимость. Ножом не разрежешь, топором не разрубишь. Лицо мертвого не слепок, а слиток.

Все концы со всеми концами сошлись. Средоточие.

Раз навсегда.

Ближе всего, конечно, воск, но куда — воску.

Что в ответ на здесь лежащее? Отказ.

Глажу на руку и знаю — не поднять. Сколько жизнь весит — мы знаем, но это не жизнь, а смерть. Рука не свинцом налита, а смертью. Чистый вес смерти. Всей смерти в каждом пальце. Нужно поднять всю смерть. Потому и не поднять.

Это — глазами, под губами же:

Первое: не процелуешься. Не губы (жизнь) в лоб (смерть), а лоб (смерть) в губы (жизнь). Не я горячу, он холодит. Непроницаемость? Теплоупорность. Теплоупорность? Холодоизлучение. Буду стоять и греть, а он лежать и холоdit. Такого холода в природе нет. В иной природе.

Прогреваемы: металл, воск, камень, все. Все отзывается.

Теплеет.

Лоб — отказывает.

Ваня Гучков — восстанавливаю обратно в жизнь.

Первое: узость. Узкие скулы, узкие губы, узкие плечи, узкие руки. От того, что узко — не тесно. От того, что не тесно — радостно.

Светлота волос на лбу и, минувя все присущее не сущему — нежное, строгое отроческое лицо, которое в данную минуту читаю вспяты: в жизнь.

Вот и все, Райнер. Что же о твоей смерти?

На это скажу тебе (себе), что ее в моей жизни вовсе не было, ибо в моей жизни, Райнер, вопреки Савоие, L'Auberge des Trois Rois и пр., и тебя не было. Было: будет, оно пребыло. — Ob ich an die Savoye glaub? Ja, wie an Himmelreich, nicht minder, doch nicht anders¹. Это-то ты, наверное, помнишь?

Еще скажу тебе, что ни одной секунды не ощутила тебя мертвым — себя живой. (Ни одной секунды не ощутила тебя секунднo.) Если ты мертвый — я тоже мертвая, если я живая — ты тоже живой, — и не все ли равно, как это называется!

Но еще одно скажу тебе, Райнер, — тебя не только в моей жизни, тебя вообще в жизни не было. Да, Райнер, несмотря на тебя и жизнь: тебя — книги, тебя — страны, тебя — местную пустоту во всех точках земного шара, всеместное твое отсутствие, полкарты пустующие тобой — тебя в жизни никогда не было.

Было — и это в моих устах величайший titre de noblesse² (не тебе говорю, всем) — призрак, то есть величайшее снисхождение души к глазам (нашей жажде яви). Длительный, непрерывный, терпеливый призрак, дававший нам, живым, жизнь и кровь. Мы хотели тебя видеть — и видели. Мы хотели твоих книг — ты писал их. Мы хотели тебя — ты был. Он, я, другой, все мы, вся земля, все наше смутное время, которому ты был необходим. «В дни Рильке»...

Духовидец? Нет. Ты сам был дух. Духовидцами были мы.

Если бы ты вошел в мою комнату год назад, я бы так же обмерла, как если бы вошел — нынче, больше скажу, нынче — меньше, чем год назад, потому что такой твой вход был бы... естественнее.

Три стены, потолок и пол, —

Все, как будто?

Теперь — являйся!

Это я тебе еще летом писала. Не от лица ли всех? Волей нашей, то есть всем трагическим недостатком ее, всем безволием, всей мольбой о всей твоей, закликали мы тебя на землю — и продержали на ней — до поры.

Ты был волей и совестью нашего времени, его — вопреки Эдисону, Ленину, пр., от Эдисона, Ленина, пр. — единственным вождем. Не ответственным монархом, а монархом Ответственности. (Так мы (время) когда-то передали себя, все свои вопросы, Гёте, сделали его — хотел или не хотел — своим ответом. Тебя — ответственностью. Потому и отдали: Гёте — свет, ты — кровь.)

«Und Körper nur noch aus Galanterie, um das Unsichtbare nicht zu erschrecken»³ — так сказал ты о последних годах (оказалось — днях) своего тела. Больного или не больного — чьи это слова? не человека же!

¹ Верю ли я в Савою? Да, как в царство небесное, не меньше, но не иначе (нем.).

² Титул благодарности (фр.).

³ И тело — всего лишь из галантности, чтобы не испугать невидимое (нем.).

Вспомни своего Мальте, как все, те, по всем улицам Парижа за ним ходили, почти что шпаялись, вымаливая у него не все, а всего его. Так и мы за тобой — до поры. Вспомни Мальте, передававшего через стену, соседу, волю, соседу, которого в глаза не видал. Сосед ведь тоже не просил. Но Мальте-то вопль — слышал!

«Wer ist dein Nächster? Der dich am nothwendigsten braucht?»¹ — толкование ближнего на протестантском уроке Закона Божьего, пребывшее для меня предельным.

Мы все были твои ближние.

Признаниями, исповедями, покаяниями, вопросами, чаяньями, припаденьями, принижениями мы тебя залюбили — до язв на руках. Через них ушла вся кровь.

Кровь. Слово сказано.

Твоя Blutzersetzung (разложение крови) — которую я сначала не поняла — как! он, впервые после Ветхого Завета сказавший кровь, так сказавший кровь, просто — сказавший кровь! — не статья и доказывать не стану — именно он от Blutzersetzung — разложения, обнищания ее. Какая ирония! Не ирония вовсе, а моя первая, сгоряча, недалёковидность.

Истек хорошей кровью для спасения нашей, дурной. Просто — перелил в нас свою кровь.

Остановка.

Знаю, что медицинская болезнь, от которой ты умер, лечится переливанием крови, то есть близкое лицо, хотящее спасти, отдает свою. Тогда болезнь — кончается. Твоя болезнь — началась с переливания крови — твоей — в всех нас. Больным был мир, близким лицом его — ты. Что когда спасет перелившего!

Поэзия ни при чем. «Только лишняя порча крови», «что зря кровь портить», — так говорит быт. Предел этого «зря» и «лишнего» — окончательная порча крови, то есть смерть. Твоя смерть.

Не прощая жизни оскорбительной приблизительности даты ее — 29-го декабря вместо 31-го, кануна, да еще твоего любимого тысяча девятьсот двадцать седьмого, благодарю ее, жизнь, за точность формы и наименования...

Райнер Мария Рильке, и это подтвердит каждый врач, умер от разложения крови.

— Перелив свою. —

И все-таки, Райнер, несмотря на великолепие твоей смерти, твоими справа — и слева-кочными соседями во мне есть и пребудут:

Mlle Jeanne Robert, учительница французского языка,

и Ваня Гучков, кем-то обиженный русский мальчик,

и — отменяя фамилии и даже первые буквы их — просто

Жанна — (вся та Франция)

и

Ваня — (вся Россия).

Ни имен, предельных, ни соседств, совершенных, я не выбирала.

Райнер Мария Рильке, покоящийся на скале Rarogne

над Роной — без соседей —

во мне, его русской любящей, покоится:

между Жанной и Ваней — Иоанной и Иоанном.

Bellevue, 27 февраля 1927

¹ Кто твой ближний? Кому ты нужнее всего? (нем.).

ПОЭМА ВОЗДУХА

Ну, вот и двестишь
Начальное.
Первый гвоздь.
Дверь явно затихла,
Как дверь, за которой гость.
Стоявший — так хвоя
У входа, спросите вдов —
Был полон покоя,
Как гость, за которым зов
Хозяина, бденье
Хозяйское. Скажем так:
Был полон терпенья,
Как гость, за которым знак
Хозяйки — всей тьмы знак! —
Та молния поверх слуг!
Живой или призрак —
Как гость, за которым стук
Сплошной, не по средствам
Ничьим — оттого и мрем —
Хозяйкина сердца:
Березы под топором.
(Расколотый ящик
Пандорин, ларец забот!)
Без счету — входящих,
Но кто же без стука — ждет?
Уверенность в слухе
И в сроке. Припав к стене,
Уверенность в ухе
Ответном. (Твоя — во мне.)
Заведомость входа.
Та сладкая (игры в страх!)
Особого рода
Отяжка — с ключом в руках.
Презрение к чувствам,
Над миром мужей и жен —
Та Оптина пустынь,
Отдавшая — даже звон.
Душа без прослойки
Чувств. Голая, как феллах.
Дверь делала стойку.
Не то же ли об ушах?
Как фавновы рожки
Вставали. Как ро — та... пли!
Еще бы немножко —
Да просто сошла б с петли
От силы присутствия
Заспинного. В час страстей
Так жилы трясутся,
Натянутые сверх всей
Возможности. Стука
Не следовало.
Пол — плыл.
Дверь кинулась в руку.
Мрак — чуточку отступил.

Полная естественность.
Свойственность. Застой.
Лестница, как лестница,
Час, как час (ночной).

Вдоль стены распластанность
Чья-то. Одышав
Садом, кто-то явственно
Уступал мне шаг —
В полную божественность
Ночи, в полный рост
Неба. (Точно лиственниц
Шум, пены о мост...) —
В полную неведомость
Часа и страны.
В полную невидимость
Даже на тени.
(Не черным-черна уже
Ночь, черна — черным!
Оболочки радужной
Киноварь, кармин —
Расцедив сетчаткою
Мир на сей и твой —
Больше не запачкаю
Ока — красотой.)
Сон? Но, в лучшем случае —
Слог. А в нем? под ним?
Чудится? Дай вслушаюсь:
Мы, а шаг один!
И не парный, слаженный,
Тот, сиротство двух.
Одиночный — каждого
Шаг — пока не дух:
Мой. (Не то, что дыры в них —
Стыд, а вот — платать!)
Что-то нужно выравнять:
Либо ты на пядь
Снизься, на мыслителей
Всех — державу всю!
Либо — и услышана:
Больше не звучу.

Полная срифмованность.
Ритм, впервые мой!
Как Колумб здороваюсь
С новою землей —
Воздухом. Ходячие
Истины забудь!
С сильною отдачею
Грунт, как будто грудь
Женщины под стоптанным
Вое-сапогом.
(Матери под стопками
Детскими...) —
В тугом
Шаг. Противу — мнения:
Не удобохож
Путь. Сопротивлением
Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду —
Рис, — тобой, Китай!
Словно моря противу
(Противу: читай —
По сердцу!) сплечением
Толп. — Гераклом бьюсь!

— Землеизлучение.
Первый воздух — густ.

Сню тебя иль снюсь тебе,
— Сушь, вопрос седин
Лекторских. Дай, вчувствуюсь:
Мы, а вздох один!
И не парный, спаренный,
Тот, удушье двух, —
Одиночной камеры
Вздох: еще не вздох
Днепр? Еврея с цитрою
Взрыд: ужель оглох?
Что-то нужно выправить:
Либо ты на вздох
Сдайся, на всесущие
Все, — страшась прошу —
Либо — и отпущена:
Больше не дышу.
Времечко осадное,
То, сыпняк в Москве!
Кончено. Отстрадаю
В каменном мешке
Легкого! Исследуйте
Слизь! Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Прорвана черта.

Мать! Недаром чаяла:
Цел воздухобор!
Но сплошное аэро —
Сам — зачем прибор?
Твердь, стелись под лодкою
Леткою — угла!
Но — сплошное легкое —
Сам — зачем петля
Мертвая? Полощется...
Плещется... И вот —
Не жалейте летчика!
Тут-то и полет!
Не рядите в саваны
Косточки его.
Курс воздухоплавания
Смерть, и ничего
Нового в ней. (Розысков
Дичь... Щепы?... Винты?..)
Ахиллесы воздуха
— Всё — хотя б и ты,
Не дышите славою,
Воздухом низов.
Курс воздухоплавания
Смерть, где всё с азоз,
Заново...

Слава тебе, допустившему бреши:
Больше не вешу.
Слава тебе, обвалившему крышу:
Больше не слышу.
Солнцепричастная, больше не шурюсь
Дух: не дышу уж!

Твердое тело есть мертвое тело:
Оттяготела.
Легче, легче лодок
На слюде прибрежий.
О, как воздух легок:
Реже — реже — реже...
Баловливых рыбок
Скользь — форель за кончик...
О, как воздух ливок,
Ливок! Ливче гончей
Сквозь овсы, а скользкок!
Волоски — а вееск! —
Тех, что только ползаты
Стали — ливче лееск!
Что я — скользче лыка
Свежего, и лука.
Па́годо-музыкой
Бусин и бамбука, —
Пагодо-завесой...
Плещь! Всё шли б и шли бы...
Для чего Гермесу —
Крыльца? Плавнички бы —
Пловче! Да ведь ливмя
Льет! Ирида! Ирис!
Не твоим ли ливнем
Шемахинским или ж
Кашмирским...
Танец —
Ввысь! Таков от клиник
Путь: сперва не тянет
Персть, потом не примет
Ног. Без дна, а твёрже
Льдов! Закон отсутствий
Всех: сперва не держит
Твердь, потом не пустит
В вес. Найда? Пэри?
Баба с огорода!
Старая потеря
Тела через воду
(Водо-сомущения
Плеск. Песчаный спуск...)
— Землеотпущение.
Третий воздух — пуст.

Седью, как сквозь невод
Дедов, как сквозь косу
Бабкину, — а редок!
Редок, реже проса
В засуху. (Облезут
Всё, верхи бесхлебны.)
О, как воздух резок,
Резок, реже гребня
Песьего, для пёсьих
Курч. Счастливых засек
Редью. Как сквозь про'сып
Первый (нам-то — засып!)
Бредоперездов
Редь, связать-неможность.
О, как воздух резок,
Резок, резче ножниц.

Нет, резца... Как жальцем
 В боль — уже на убыль.
 Редью, как сквозь пальцы...
 Сердца, как сквозь зубы
 Довода — на Credo¹
 Уст полураскрытых.
 О, как воздух целодок,
 Цедок, цедче сита
 Творческого (влажен
 Ил, бессмертье — сухо).
 Цедок, цедче глаза
 Гётевского, слуха
 Рильковского... (Шепчет
 Бог, своей — страшася
 Моши...)
 А не цедче
 Разве только часа
 Судного...
 В ломóту
 Жатв — зачем рождаем?
 ...Всемирноумолотом,
 Всемирноурожаем
 Верха... По расщелинам
 Сим — ни вол ни плуг.
 — Землеотлучение:
 Пятый воздух — звук.

Голубиных грудок
 Гром — отсюда родом!
 О, как воздух гудок,
 Гудок, гудче года
 Нового! Порубок
 Гуд, дубов под корень.
 О, как воздух гудок,
 Гудок, гудче горя
 Нового, спасибо
 Царского... Под градом
 Жести, гудче глыбы —
 В деле, гудче клада —
 В песне, в большеротой
 Памяти народной.
 Соловьиных глоток
 Гром — отсюда родом!
 Рыдью, медью, гудью,
 Вьюго-Богослова
 Гудью — точно грудью
 Певчей — небосвода
 Небом или лоном
 Лиро-черепахи?
 Гудок, гудче Дона
 В битву, гудче плахи
 В жатву... По загибам,
 Погрознее горных,
 Звука, как по глыбам
 Фив нерукотворных.
 Семь — пласты и зыби!²
 Семь — heilige Sieben!

Семь в основе лиры,
 Семь в основе мира.
 Раз основа лиры —
 Семь, основа мира —
 Лирика. Так глыбы
 Фив по звуку лиры...
 О, еще в котельной
 Тела — «легче пуха!»
 Старая потеря
 Тела через ухо.
 Ухом — чистым духом
 Быть. Оставьте буквы —
 Веку.
 Чистым слухом
 Или чистым звуком
 Движемся? Предnota
 Сна. Предзноб блаженства.
 Гудок, гудче грота
 В бури равноденствия.
 Темени — в падучке,
 Голода — утробой
 Гудче... А не гудче
 Разве только гроба
 В Пасху...
 И гудче гудкого —
 Паузами, промежутками
 Мóчи, и движче движкого —
 Паузами, передышками
 Паровика за мучкою...
 Чередованьем лучшего
 Из мановений божеских:
 Воздуха с — лучше-воздуха!
 И — не скажу, чтоб сладкими —
 Паузами: пересадками
 С местного в межпространственный —
 Паузами, полустанками
 Сердца, когда от легкого —
 Ох! — полуостановками
 Вздоха — мытарства рыбного
 Паузами, перерывами
 Тока, паров на убыли
 Паузами, перерубами
 Пульса, — невнятно сказано:
 Паузами — ложь, раз спазмами
 Вздоха... Дыра бездонная
 Легкого, пораженного
 Вечностью...
 Не всё ее —
 Так. Иные — смерть.
 — Землеотсечение.
 Кончен воздух. Твердь.

Музыка надсадная!
 Вздох, всегда вотще!
 Конечно! Отстрадаю
 В газовом мешке
 Воздуха. Без компаса

¹ Верую (лат.).

² Священная семерка (нем.).

Ввысь! Дитя — в отца!
 Час, когда потомственность
 Ска — зы — ва — ет — ся.
 Твердь! Голов бестормозных —
 Трахт! И как отсечь:
 Полная оторванность
 Темени от плеч —
 Сброшенных! Беспочвенных —
 Грунт! Гермес — свои!
 Полное и точное
 Чувство головы
 С крыльями. Двух способов
 Нет — один и прям.
 Так, пространством всосанный,
 Шпиль роняет храм —

Дням. Не в день, а исподволь
 Бог сквозь дичь и глушь
 Чувств. Из лука — выстрелом —
 Ввысь! Не в царство душ —
 В полное владычество
 Лба. Предел? — Осиль:
 В час, когда готический
 Храм нагонит шпиль
 Собственный — и вычислив
 Всё, — когорты числ!
 В час, когда готический
 Шпиль нагонит смысл
 Собственный...

Медон, в дни Линдберга

* * *

Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!
 Круг — вкруг головы.
 Но и под мехом — неги, под пухом
 Гаги — дрогнете вы!

Даже богиней тысячерукой
 — В гнезд, в звезд черноте —
 Как ни кружи вас, как ни баюкай
 — Ах! — бодрствуете...

Вас и на ложе неверья гложет
 Червь (бедные мы!).
 Не народился еще, кто вложит
 Перст — в рану Фомы.
 7 января 1940

* * *

Ушел — не ем:
 Пуст — хлеба вкус.
 Всё — мел.
 За чем ни потянусь.

...Мне хлебом был,
 И снегом был.
 И снег не бел,
 И хлеб не мил.
 23 января 1940

* * *

— Пора! для этого огня —
 Стара!
 — Любовь — старей меня!

— Пятидесяти январей
 Гора!
 — Любовь — еще старей:
 Стара, как хвощ, стара, как змей,
 Старей ливонских янтарей,
 Всех привиденских кораблей
 Старей! — камней, старей — морей...
 Но боль, которая в груди,
 Старей любви, старей любви.
 23 января 1940

* * *

— Годы твои — гора,
 Время твоё — царей.
 Дура! любить — стара.
 — Други! любовь — старей:

Чудиш старей, корней,
 Каменны ей
 Критских старей, старей
 Старших богатырей...
 29 января 1940

* * *

Не знаю, какая столица:
 Любая, где людям — не жить.
 Девчонка, раскинувшись птицей,
 Детеньша учит ходить.

А где-то зеленые Альпы,
 Альпийских бубенчиков звон...
 Ребенок растет на асфальте
 И будет жестоким — как он.
 1 июля 1940

* * *

Так ясно сиявшие
 До самой зари —
 Кого провожаете,
 Мои фонари?

Кого охраняете,
 Кого одобряете,
 Кого озаряете,
 Мои фонари?

* * *

...Небесные персики
 Садов Гесперид...
 Декабрь 1940

* * *

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Надверный...

Февраль 1941

* * *

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О — ни души не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:

— Ты, стол накрывший на шесть — душ,
Меня не посадивший — с краю.

6 марта 1941

* * *

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что — стол
Дал, стойкий, врагам на страх
Стол — на четырех ногах

Упорства. Скорей — скалу
Своротись! И лоб — к столу
Подстатный, и локоть под —
Чтоб лоб свой держать, как свод.

— А прочего дал в обрез?
А прочный, во весь мой вес,
Просторный, — во весь мой бег,
Стол — вечный — на весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За доску — во весь мой дар,
За ножки — прочней химер
Парижских, за вещь — в размер.

* * *

Месяц высокий над городом лег,
Грели старые зданья...
Голос ваш был безучастно далек:
— «Хочется спать. До свиданья».
Были друзья мы или были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло, — знакомая грусть,
— Старой тоски переливы...
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть, в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть, Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны, —
В этом тумане так смутно видна
Цель, а дороги так разны!
С нами отраднo страдание гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы, —
Бури — герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

ХРОНОЛОГИЯ БУРИ

Когда мне рассказали о концепции этого издания, я — по контрасту — вспомнил о привычных для нас собраниях сочинений советской эпохи.

В те времена книгоиздатели особенно трогательно заботились о том, чтобы литературное меню современника было составлено если и не слишком разнообразно, то, во всяком случае, правильно и самой структурой своей облегчало процесс потребления духовной пищи. Тогда не годилось, например, смешивать в одном томе стихи автора и его же прозу, как не рекомендовалось и объединять прозу с драматургией под общей обложкой. Собрания сочинений представляли собой чередование стерильных в жанровом отношении томов, структура которых, скорее, отражала титаническую работу коллектива составителей над соответствующим корпусом текстов, чем творческий путь автора, при жизни то и дело без предупреждения переходившего от стихов к эссе, от эссе к драме, снова к стихам, а от них — к роману или поэме.

Первоочередную свою задачу составители видели тогда в упорядочении литературного наследия — воспринимавшегося ими, вероятнее всего, не иначе как чудовищный хаос, в котором читателю без их помощи ни в коем случае не разобраться... Все следовало расставить по своим местам, выбросить ненужное, убрать повторяющееся — раз и навсегда, таким образом, наведя порядок в том безобразном целом, которое обычно представляет собой творческая биография любого мало-мальски заслуживающего уважения писателя.

В те достославные годы однотомник, подобный этому, был бы просто невозможен. Ведь цель его даже не в том, чтобы предложить читателю весь корпус известных на сегодня произведений Марины Цветаевой: совокупными усилиями издателей корпус такой, видимо, уже составлен. Цель в том, чтобы дать читателю возможность рука об руку с Мариной Цветаевой пройти ее творческий путь — строка за строкой, в той последовательности, в которой строки рождались. Иными словами — прожить ее жизнь: жизнь едва ли не самой трагической литературной фигуры минувшего века. И если угодно — на время чтения стать Мариной Цветаевой, подчинившись хронологии поэтических событий, которые осознавались поэтом как единственно подлинными. А другой хронологии в этой жизни, пожалуй, и не было.

Погрузиться в «поэтическую повседневность» Марины Цветаевой значит прежде всего не пойти на поводу у совокупности внешних обстоятельств, не попасть в рабство ни к календарю, который она презирала («...вздор, календарная ложь»), ни к маятнику, который — ненавидела («...маятников маята»). У нее были свои измерительные приборы и свои отношения со временем. Как с тем, в которое ее забросила судьба, — «ибо мимо родились / Времени...», так и с другим, Временем вообще.

Победа над временем осознавалась Мариной Цветаевой не столько как творческая, сколько как жизненная необходимость, ибо ощущение вытесненности за пределы хроноса, выброшенности из списков живущих постоянно поддерживалось в ней извне — современниками. По Цветаевой, победить время отнюдь не значило повергнуть его, ибо повергнуть можно лишь честного противника. Честным противником время для Цветаевой не было — вспомним: «Время, ты меня обманешь!», «Время, ты меня предашь!» — пророчество, которому суждено было сбыться во всей своей страшной конкретности. И потому победа над временем осознавалась ею как уход от него — и из него: «Время, я тебя миную!» Ибо миновать время — не только не потворствуя ему, но и игнорируя его присутствие в мире — как раз и значит получить свободу и в настоящем, и в будущем: «пройти, чтоб не оставить следа, / пройти, чтобы не встревожить тени / Летейской», «выплеснуться из зеркала».

Она, у кого были свои отношения со временем, имела с ним и свои счета. Педантично датируя стихотворения земными днями, если не часами, Марина Цветаева тем самым как бы отдавала кесарю кесарево. Для Бога у нее имелись другие дары — и другие единицы времени: «час души, как час грозы», «глубокий час души и ночи, нечислящийся на часах», «час ученичества», «час одиночества», «час последнего беспамятства», «час последнего прозрения», «час последнего слияния», «час, когда мой милый

брат миновал последний вяз», «час безземельных братств», «час мировых сиротств», «час обнажающихся верховий» и даже — «час, когда в души идешь — как в руки», «час, когда вверху цари и дары друг к другу едут»...

Согласно этой хронологии и кроилась Мариной Цветаевой ее собственная судьба, где господствовали «развеянные звенья причинности» и где единицы личного времени постоянно шли вразрез с общепринятым «летоисчислением». Если бы кто-нибудь взял на себя труд сравнить поэтические состояния Марины Цветаевой, определявшие два случайно взятых соседних дня, нам могли бы открыться перепады такой амплитуды, на которую у других поэтов уходили месяцы, если не годы. Бросаясь из одной бездны в другую, исповедуя «взрыв и взлом» как норму повседневного поведения, Марина Цветаева сопрягала крайности:

От высокаторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную — от:
Дыхание мое — до: не дыши! —

и жила, скорее, на стыках дней, чем в пространстве каждого из них. Потому-то поиски отголосков так называемых реальных событий (да и что — реальность?) в ее стихах выглядят занятием не просто бессмысленным — безнадежным. И даже цветаявская автобиографическая проза невидимым образом играет с «фактом», то растягивая гномическое настоящее до вечности, то стягивая века — в миг:

«Оттого так долго идут по такой лестнице гости, а хозяева — так долго ждут.

Верх. Тот самый, дальше которого нельзя, ибо дальше нет. Переводя на время — конец четырехсот лет, которые стоит этот дом, то есть нынешнее число — 9-е ноября 1928 года — крайний час и миг этого дня. На данную секунду — конец истории» («Наталья Гончарова»).

Есть поэты Времени: их творчество организовано горизонтально и служит выражению континуальности — длительности бытия. Их время безгранично, их пространство свернуто в «здесь». Такова Ахматова, таков Мандельштам. Цветаева — поэт Пространства, вертикали, взлета и падения. Ее пространство безгранично, ее время свернуто в «сейчас». И потому хронология ее — хронология взрыва, хронология бури:

...Мчись
Над метрическими — мертвыми —
Лжесвидетельствами — свист!

Подчиниться цветаявской хронологии для читателя этой книги означает прожить жизнь как один день и день — как целую жизнь. С полной отдачей сил. С полным растворением в каждом очередном событии, с полной потерей чувства времени. На головокругооборотной скорости, близкой к скорости света, ибо, как известно из физики, именно при такой скорости время протекновения процессов в телах замедляется... не с тем ли, чтобы остановиться совсем?

Ответ на этот вопрос знает только Поэт —

Тот, чьи следы — всегда простыли,
Тот поезд, на который все
Опаздывают...

*Евгений Клюев,
Копенгаген, сентябрь 2007*

КРАТКАЯ ХРОНИКА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

1892

26 сентября (8 октября) в Москве, в семье профессора Московского университета (позже — основателя Музея изобразительных искусств) Ивана Владимировича Цветаева и его жены Марии Александровны, урожденной Мейн, родилась дочь Марина, а спустя два года — Анастасия.

Детство проходило в Москве, а летние месяцы, до 1902 г., — в Тарусе на Оке. Писать стихи Марина Цветаева, по ее словам, начала с семи лет.

С 1902 г., когда М. А. Мейн заболела чахоткой, семья вынуждена была жить за границей: в Италии, Швейцарии, Германии.

1905

Семья приехала в Крым.

1906

Лето. Мария Александровна скончалась в Тарусе.

1908—1910

Марина Цветаева переменяла несколько гимназий, не задержавшись ни в одной. Писала стихи, собирала книгу.

1910

В Москве вышла первая книга стихов Марины Цветаевой «Вечерний альбом», получившая одобрительную рецензию М. А. Волошина. С того момента возникла ее дружба с М. Волошиным. На-

писала первую критическую статью «Волшебство в стихах Брюсова».

1911

5 мая. Цветаева приехала к М. Волошину в Коктебель, где встретила со своим будущим мужем — Сергеем Яковлевичем Эфроном.

Лето. Они едут лечить Сергея кумысом в Уфимскую губернию: у него туберкулез.

1912

27 января. Состоялось венчание Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Февраль. Выходит в свет вторая книга стихов Марины Цветаевой «Волшебный фонарь».

29 февраля. Новобрачные уехали в свадебное путешествие: Италия, Франция, Германия.

31 мая. Открытие Музея Александра III (он же — Музей изящных искусств, потом — музей изобразительных искусств).

5 (18 сентября). У М. Цветаевой родилась дочь Ариадна.

1913

Февраль. Выходит третий сборник М. Цветаевой «Из двух книг». М. Цветаева работает над новой книгой «Юношеские стихи» 1912—1915 гг. (издана не была).

Апрель — август. М. Цветаева с семьей живет в коктебельском доме М. Волошина.

30 августа. В Москве скончался И. В. Цветаев.

Сентябрь — декабрь. Семья Цветаевой живет в Крыму: Ялта, Феодосия.
Ноябрь — декабрь. Выступления на литературных вечерах.

1914

Март — апрель. Переписка с В. В. Розановым.
15 февраля — 15 марта. Работа над поэмой «Чародей» (вошла в «Юношеские стихи»).
Осень. М. Цветаева нашла наконец «волшебный дом» в Борисоглебском переулке. Осенью же состоялся переезд.
Осень — зима. Написан цикл лирических стихов, вдохновленных встречей с поэтессой С.Я. Парнок.

1915

11 февраля. Написано первое стихотворение, обращенное к Анне Ахматовой («Узкий, нерусский стан...»)
Март. Сергей Эфрон начинает ездить на фронт с санитарным поездом.
Весна, лето. Поездка с С. Парнок в Коктебель и Малороссию. Встреча в Коктебеле с О. Мандельштамом.
Август. Возвращение в Москву.
Декабрь. Поездка с С. Парнок в Петроград.

1916

Новый год М. Цветаева встретила в Петрограде. Встреча на вечере с Мих. Кузминым. Вторая встреча с О. Мандельштамом.
20 января. Возвращение в Москву.
22 января. Выступление на вечере поэтов в Политехническом музее.
М. Цветаева печатается почти в каждом номере петроградского журнала «Северные записки».
Конец января — начало февраля. Приезд в Москву О. Мандельштама; М. Цветаева пишет стихи, которые посвящает ему, а также стихи о Москве.
Март. Знакомство с Тихоном Чурилыным и стихи к нему.
Апрель — май. Поток стихов к Александру Блоку.

«Александровское лето». Поездка М. Цветаевой в г. Александров Владимирской губернии. Написан цикл стихов к А. Ахматовой.

Вторая половина года. М. Цветаева пишет романтические стихотворения; многие стихи 1916 г. составят впоследствии книгу «Версты I», 1922 г. В этом же году М. Цветаева перевела французский роман Анны де Ноай «Новое упование» (напечатан в «Северных записках»).

1917

Январь — март. Написано несколько лирических стихотворений, в том числе — на Февральскую революцию: «Пал без славы Орел двуглавый. — Царь! — Вы были неправы».
13 апреля. Рождение дочери Ирины.
Сентябрь — октябрь. М. Цветаева живет в Феодосии.
Ноябрь. После Октябрьского переворота, воспринятого М. Цветаевой как неоправданная катастрофа, она приезжает в Москву и чудом застаёт там мужа. Трагические стихи о конце, гибели, муках.
Декабрь. Знакомство с поэтом П. Г. Антокольским, актером, учеником Е. Б. Вахтангова.

1918

Январь. П. Г. Антокольский познакомил М. Цветаеву с учеником Е. Б. Вахтангова, актером Ю. А. Завадским. Сергей Эфрон тайно появился на несколько дней в Москве, а затем уехал в Ростов, где формировалась Добровольческая армия.
18 января. М. Цветаева видела мужа в последний раз перед более чем четырехлетней разлукой.
Весна — лето. Написано множество лирических, а также гражданских стихотворений, которые войдут впоследствии в книгу «Лебединый Стан» (при жизни М. Цветаевой издана не была).
Сентябрь — декабрь. Написаны романтические пьесы «Червонный Валет», «Метель». Почти окончено «Приключение».
Ноябрь. Недолгая «служба» М. Цветаевой в Наркомнаце.

Знакомство с С. Е. Голлидэй — прототипом героини цветаевских пьес.

1919

Январь. Завершена пьеса «Приключение».

Январь — февраль. Написана пьеса «Фортуна».

Апрель — октябрь. Снова недолгая «служба» М. Цветаевой: в должности регистратора статистическо-справочного отдела по учету русских военнопленных.

Июнь — июль. Написана пьеса «Каменный Ангел».

Июль — август. Написана пьеса «Феникс». Голод, холод, разруха.

27 ноября. М. Цветаева по чьему-то совету отправила Алю и Ирину в Кунцевский приют.

1920

Тяжелобольную Алю М. Цветаева забрала из приюта.

15 (или 16) февраля. В приюте умерла Ирина.

Апрель. М. Цветаева пишет большой лирический цикл.

9 мая. М. Цветаева впервые увидела А. Блока на его выступлении в Политехническом; подойти познакомиться не решилась.

27 мая. Присутствовала во Дворце Искусств на юбилейном вечере К. Бальмонта.

С 14 июля по 17 сентября. Написана поэма-сказка «Царь-Девница».

11 декабря. М. Цветаева выступала в Политехническом музее на вечере поэтов.

1921

Январь. Работа над поэмой «На Красном Коне».

Конец января — февраль. Работа над поэмой «Егорушка».

Февраль — март. Знакомство с князем С. М. Волконским. Цикл стихов «Ученик», обращенных к нему. Написано много лирических стихотворений: циклы «Марина», «Разлука», «Георгий» (обращенный к мужу).

14 июля. М. Цветаева узнала, что муж жив, находится в Константинополе и ему предстоит долгий путь в Чехию.

7 августа. Умер Александр Блок.

М. Цветаева откликнулась несколькими стихотворениями.

25 августа. Расстрелян Николай Гумилев. М. Цветаева пишет большое письмо Анне Ахматовой.

Осень. Пишет стихи. Собирается ехать к мужу.

Конец ноября. М. Цветаева завершает стихотворный реквием А. Блоку.

В 1921 г., после восьмилетнего перерыва, в частном издательстве «Костры» вышла небольшая книжка М. Цветаевой «Версты» — всего 35 стихотворений, написанных с января 1917 по декабрь 1920 г.

1922

Январь — май. М. Цветаева продолжает писать прощальные стихи. Написала поэму «Переулочки» — прощание с Москвой.

3 — 10 мая. М. Цветаева получила необходимые документы для выезда с дочерью за границу.

11 мая. Отъезд Марины Цветаевой.

Заграница:

15 мая, понедельник. Марина Цветаева с дочерью прибыли в Берлин. К тому моменту в Берлине уже вышли две ее книжки: «Разлука» и «Стихи к Блоку» (чтобы окупить дорогу).

16 мая. «Разлуку» прочитал Андрей Белый и высоко отозвался о книге. Недолгая берлинская дружба с А. Белым.

7 июня. М. Цветаева встретила накопец с приехавшим из Праги мужем.

Июнь — июль. Поток лирических стихотворений.

Июль. Написан очерк «Световой ливень» — о книге Б. Пастернака «Сестра моя — жизнь».

31 июля. Отъезд из Берлина в Чехию.

5 августа. Приезд в Прагу.

В Чехии Марина Цветаева пробыла с августа 1922 по октябрь 1925 г. включительно и почти не жила в Праге: только в деревнях, с их изнурительным, примитивным бытом, почти в нищете.

19 ноября. М. Цветаева пишет большое письмо Б. Пастернаку, положившее начало их знаменитой переписке. До конца года ее произведения часто появляются в эмигрантских журналах и альманахах.

Декабрь. М. Цветаева завершала работу над большой поэмой-сказкой «Молодец», начатой еще в Москве.

В течение второй половины 1922 г. вышли следующие книги М. Цветаевой: «Конец Казановы» (третье действие). М., «Созвездие»; «Версты». М., ГИЗ. Вып. I; «Царь-Девница». М., ГИЗ, 1922; «Царь-Девница». Берлин, «Эпоха», 1922.

1923

Январь. «Кедр» — очерк о книге С.М. Волконского «Родина».

Февраль. Выход книги М. Цветаевой «Ремесло», позже — «Психея».

Февраль — март. Интенсивная переписка с Б. Пастернаком. Написано много лирических стихотворений.

Апрель. Знакомство с К. Б. Родзевичем.

Осень. Разгар романа с К. Родзевичем, стихи к нему.

Октябрь. Начало работы над трагедией «Тезей».

1924

1 января — 1 февраля. Написана «Поэма Горы».

1 февраля — 8 июня. Написана «Поэма Конца».

7 октября. Закончена первая часть трилогии «Гнев Афродиты» — «Ариадна» (первоначально — «Тезей»). Из трилогии были написаны лишь две части.

1925

1 февраля. Рождение сына Георгия.

1 марта. М. Цветаева начала работать над поэмой «Крысолов».

Весна. Отдельным изданием вышла поэма «Молодец» — спустя два года после написания.

Август. Написан очерк-воспоминание «Герой труда (Записи о Валерии Брюсове)».

Осень. Продолжая работать над «Крысоловом», М. Цветаева уже начала готовиться к переезду во Францию.

1 ноября. Семья М. Цветаевой прибыла в Париж. М. Цветаева жила в Париже очень мало, в основном, по причине все той же бедности, — в парижских пригородах.

Декабрь. Завершение поэмы «Крысолов».

1926

6 февраля. Триумфальный литературный вечер М. Цветаевой.

Февраль — март. Статьи «Поэт о критике» и «Цветник», где М. Цветаева беспощадно высмеяла поэта и критика Г. Адамовича.

10—26 марта. Поездка в Лондон. Работа там над очерком «Мой ответ Осипу Мандельштаму».

17 апреля. М. Цветаева выступила на концерте-вечере в Союзе молодых поэтов.

24 апреля. М. Цветаева с детьми приехала в Сен-Жиль (Вандея).

Май — август. Романтическая переписка М. Цветаевой, Б. Пастернака и Р. Рильке.

Май. Написана поэма «С моря», обращенная к Б. Пастернаку.

Июнь. Написана поэма «Попытка комнаты», обращенная к Р. Рильке и к Б. Пастернаку.

Июль. Написана «Поэма Лестницы».

7 ноября. Записка М. Цветаевой к Р. Рильке, на которую ответа получено не было.

29 декабря. Умер Р.М. Рильке.

1927

7 февраля. Написано «Новогоднее» — посмертное письмо к Р.М. Рильке.

27 февраля. М. Цветаева завершила очерк-реквием в прозе «Твоя смерть», посвященный памяти Рильке.

Май. Цветаева завершила работу над книгой стихов «После России».

Конец мая. Написана «Поэма Воздуха», посвященная перелету американского авиатора Чарльза Линдберга через Ат-

лантический океан — из Нью-Йорка в Париж.
Лето. Работа над трагедией «Федра». *Сентябрь.* Вся семья, кроме Сергея Эфрона, переболела скарлатиной. В это время к М. Цветаевой в Медон приехала ее сестра Анастасия (гостившая у М. Горького в Сорренто). *Конец года.* Почти завершена работа над трагедией «Федра».

1928

Январь. Временный возврат к поэме «Егорушка».
Январь — февраль. Знакомство с молодым поэтом Н. П. Гронским. Вышла последняя прижизненная книга стихов М. Цветаевой «После России».
15 июня. Участие М. Цветаевой в первом собрании молодых литераторов под названием «Кочевье».
1 августа. Начало работы над поэмой «Перекоп».
Лето, осень. Дружба с Н. Гронским.
7 ноября. Встреча с В. В. Маяковским в кафе «Вольтер» на его вечере.
24 ноября. Газета «Евразия» поместила обращение М. Цветаевой к В. Маяковскому, несколько испортившее ее литературную судьбу (по ее словам, ее перестала печатать газета «Последние новости»)
3 декабря. В день отъезда В. Маяковского М. Цветаева передала ему письмо, кончающееся словами: «Люблю Вас», которое он сохранил.

1929

Февраль. Перевела несколько писем Р.М. Рильке.
Февраль — март. Написала большой очерк о художнице Н. С. Гончаровой. *До середины мая.* Работа над поэмой «Перекоп». Начинает собирать материалы к будущей «Поэме о Царской семье».
Октябрь. Поездка на несколько дней в Брюссель с литературными чтениями.
26 ноября. Выступала на «Собеседовании русских и французских писателей».

18 декабря. Выступала на прениях по теме «Достоевский в представлении наших современников».

1930

Начало года. Работа над «Поэмой о Царской семье».
Март. Работа над переводом поэмы «Молодец» на французский, точнее — написание поэмы заново. Иллюстрации сделала Н. С. Гончарова. Поэма, за исключением первой главы, не увидела свет.
26 и 29 апреля. Марина Цветаева приняла участие в «Вечере романтики» и в «Собеседовании русских зарубежных писателей с их французскими собратьями».
Август. Написала реквием В. Маяковскому из семи стихотворений.

1931

28 февраля. Письмо Игорю Северянину после его вечера в Париже 27 февраля (не отослала).
Апрель — май. Написан очерк об О. Мандельштаме «История одного посвящения».
Июнь. Сергей Эфрон, исподволь начавший помогать Советской России, подал прошение о советском гражданстве.
Июнь — июль. Работа над циклом «Стихи к Пушкину».
Осень. Работа над трактатом о творчестве «Искусство при свете совести».
19 декабря. Состоялся литературный вечер М. Цветаевой, не принесший материального «дохода».

1932

27 января. Прочитала на вечере доклад «Поэт и время».
26 мая. Прочитала доклад «Искусство при свете совести».
Сентябрь. Работа над очерком «Живое о живом», посвященным памяти М. А. Волошина.
13 октября. Чтение очерка о М. Волошине на литературном вечере.

17 — 18 октября. Написан стихотворный цикл «Ici-haut» («Здесь, в поднебесье»), посвященный памяти М. Волошина.
 Ноябрь — декабрь. Написан по-французски лирико-философский трактат «Письмо к амазонке» (окончательный беловик не сохранился), обращенный к писательнице Натали Клиффорд Барни. При жизни М. Цветаевой напечатан не был.
 Декабрь. Написана небольшая статья «О новой русской детской книге». Завершена статья «Эпос и лирика современной России (о В. Маяковском и Б. Пастернаке)».

1933

Январь. М. Цветаева написала французский эпистолярный роман, созданный из ее писем 1922 г. к берлинскому издателю А. Г. Вишняку: «Девять писем, с десятим невозвращенным и одиннадцатым полученным и Послесловием», или «Флорентийские ночи», как назвала это произведение Ариадна Эфрон. Этот роман представлял собой перевод, с очень незначительными изменениями, собственных писем М. Цветаевой к адресату. Роман не был издан.
 Март. Завершила «Оду пешему ходу».
 Лето. Написан небольшой очерк-воспоминание о детстве «Башня в плюще».
 7 июля. Написана статья «Поэты с историей и поэты без истории», посвященная Б. Пастернаку. Сохранилась лишь в переводе с сербско-хорватского.
 Июль. Окончание работы над стихотворным циклом «Стол».
 Август — сентябрь. Написаны автобиографические очерки: «Музей Александра III», «Лавровый венок», «Открытие музея», «Жених», а также статья «Два лесных Царя».
 Декабрь. М. Цветаева завершила и напечатала автобиографический очерк «Дом у Старого Пимена». К этому времени С. Эфрон принял твердое решение вернуться на родину, и это угнетало М. Цветаеву.

1934

Февраль. Написан очерк-реквием «Пленный дух» (в память Андрея Белого).

Май. Написан мемуарный очерк «Хлыстовки».

Июнь. Написан маленький очерк-сценка «Страховка жизни»; тогда же, по-видимому, — сценка «Китаец». Вероятно, к этому же времени относится очерк «Чудо с лошадьми» — на французском.
 Конец лета — начало осени. Написаны мемуары «Мать и музыка» и «Сказка матери».

Ноябрь. М. Цветаева узнала о гибели Н. Гронского и немедленно принялась за очередной реквием — «Поэт-альпинист». Статья сохранилась лишь в переводе на сербско-хорватский.
 Рождество. Окончание работы над статьей.

1935

Январь. М. Цветаева пишет цикл стихов на смерть Н. Гронского «Надгробие».
 2 февраля. М. Цветаева прочла доклад «Моя встреча с Блоком» (доклад не сохранился).
 Февраль. Конфликт с Алей. Та временно ушла из дома.
 Весна. М. Цветаева принялась писать поэму «Певница», однако скоро оставила ее.
 Июнь. Написала автобиографический очерк «Черт».
 20 июня. Прочла очерк на литературном вечере.
 24 июня. На антифашистском Международном конгрессе писателей в защиту культуры М. Цветаева встретила с Б. Пастернаком. Б. Пастернак был в депрессивном состоянии, по ряду причин; ему было не до общения с М. Цветаевой, и ту встречу она назвала неустраиваемой; поэты не поняли друг друга.
 28 июня. М. Цветаева с сыном уехала отдыхать в Фавьер.
 Лето — осень. В Фавьере написан цикл «Отцам» из двух стихотворений. Сергей Эфрон мечтает о возвращении на родину. Уже не первый год он работает в просоветской (чекистской) организации.

1936

Март. Узнав о смерти поэта Мих. Кузмина, М. Цветаева пишет очерк-воспо-

минание «Нездешний вечер», посвященный единственной встрече с ним в Петрограде зимой 1916 г.

Апрель. М. Цветаева пишет четыре маленьких очерка под общим названием «Отец и его музей».

20 — 27 мая. Поездка в Брюссель с чтением французских очерков об отце и музее.

До 16 июня. Предпринимает тщетные попытки завершить начатую еще давно поэму «Автобус», но окончательно оставляет этот замысел.

Июнь — июль. Работает над переводами стихов А. С. Пушкина на французский. В печати появляется рецензия М. Цветаевой «О книге Гронского «Стихи и поэмы». Эпистолярная встреча с молодым поэтом Анатолием Штейгером.

Лето — осень. М. Цветаева переписывалась с А. Штейгером, написала ему стихи (цикл «Стихи сироте»). А. Штейгер был опасно болен (туберкулез), М. Цветаева слишком требовательна, так что разминовение было неизбежно.

30 декабря. М. Цветаева написала А. Штейгеру прощальное письмо.

1937

Январь. Окончание работы над очерком «Мой Пушкин»; приготовила для печати «Стихи к Пушкину» 1931 г.

2 марта. Читала свои французские переводы А. Пушкина на вечере, устроенном негритянским населением Парижа.

15 марта. Дочь М. Цветаевой Ариадна уехала на родину.

25 марта. М. Цветаева участвовала в литературном вечере с чтением стихов.

6 июня. Читала на Пушкинском вечере свои французские переводы А.С. Пушкина.

Июнь. Посетила парижскую Всемирную выставку. В советском павильоне провела два часа.

Весна и начало лета. Работа над очерком «Пушкин и Пугачев».

11 июля. В Лакано-Осеан, куда уехала с сыном, начала работать над большой мемуарной «Повестью о Сонечке».

10 октября. Сергей Эфрон, уже несколько лет завербованный органами НКВД, оказался замешан в политиче-

ском убийстве и срочно, при помощи советской разведки, бежал из Франции. *22 октября.* М. Цветаеву допрашивали во французской полиции. Она отвечала, что очень мало знает о том, куда и по каким делам ее муж уезжал.

1938

30 января. В последний раз М. Цветаева выступила с чтением стихов на литературном вечере. М. Цветаева готовилась к отъезду (предполагалось — осень, но отъезд затягивался).

Октябрь — ноябрь. Работа над стихами к Чехии — цикл «Сентябрь».

1939

Январь. М. Цветаева завершила свои пометки и пояснения к поэме «Перекоп».

Март. Фашистские войска оккупировали Прагу, и это послужило поводом к новому потоку стихов к Чехии (цикл «Март»).

Апрель — май. Работа над «Стихами к Чехии».

12 июня. Отъезд М. Цветаевой с сыном из Франции. В одном из последних стихотворений она написала: «Дано мне отплыть / Марии Стюарт». Никто не провозил ее с Муром: не позволили.

Россия:

1939

19 июня. М.И. Цветаева с сыном приехали в Москву, и в тот же день — в подмосковный поселок Болшево.

С 21 июля по 19 августа. М. Цветаева перевела на французский для журнала «Ревю де Моску» три стихотворения Лермонтова: «Предсказание», «Опять вы, гордые, восстали...» и «Нет, я не Байрон...»; и еще девять — «для себя и для Лермонтова»: «Прошай, немытая Россия», «Любовь мертвеца», «И скучно и грустно» и др.

27 августа. Арестована Ариадна Эфрон.

10 октября. Арестован С. Я. Эфрон.

31 октября. М. Цветаева пишет письмо в следственную часть НКВД с просьбой получить задержанный багаж.

8 (или 10) ноября. М. Цветаева с сыном уезжают из Болшева.

23 декабря. Пишет письмо Л. П. Берии — о муже и дочери, просит разобраться. Беспоследственно. Периодически ездит в Москву — с передачами мужу и дочери. В Голицыне написано несколько лирических стихотворений, автобиография для предполагавшейся «Литературной энциклопедии», переписывается с писательницей Л. Веприцкой. Главное время М. Цветаева отдает переводам поэм Важи Пшавелы, баллад о Робин Гуде и др.

1940

С зимы до начала лета. М. Цветаева с Муром живут в подмосковном Голицыне; она снимает часть комнаты в избе, неподалеку от Дома творчества писателей (туда они ходят на обед и ужин).

7 июня. М. Цветаева вынуждена покинуть Голицыно навсегда. В Москве на первых порах она обрела недолгое пристанище на Никитской (тогда улица Герцена).

14 июня. Написала второе письмо Берии, беспокоясь за здоровье мужа и прося разрешить с ним свидание. Безрезультатно.

Лето. Работала над переводами болгар (Е. Багряны, Н. Ланкова, Л. Стоянова). В августе наконец был получен багаж.

Август. М. Цветаева послала телеграмму в Кремль: «Помогите мне, я в отчаянном положении, писательница Марина Цветаева». Эту телеграмму Мур отправил по почте.

31 августа. М. Цветаеву вызвали в ЦК; там обратились к писателям, чтобы те помогли в смысле комнаты (так записал сын М. Цветаевой).

Сентябрь. Работа над переводом.

Конец сентября. М. Цветаева переехала в комнату дома № 14/5 по Покровскому бульвару, — хозяева уезжали надолго.

Октябрь. Работала над составлением собственной книги стихов. Рукопись книги попала к К. Зелинскому, который отозвался на нее подлой рецензией: стихи М. Цветаевой, писал он «с того света», книга — «душная, больная»; М. Цветаева «не имеет что сказать лю-

дям». (Всю рецензию Марине Ивановне, конечно, не показали.)

Декабрь. М. Цветаева работала над переводами Ивана Франко. А главное — завершила гениальный перевод «Плаваньня» Ш. Бодлера. И перевела несколько французских песенок.

1941

Начало года. М. Цветаева занята переводами так называемых «Белорусских евреев» (Г. Вебера, Ф. Корна). Запись Ариадны Эфрон: «С 30 февраля по 30 марта переведено 529 строк «Белорусских евреев».

Март. Написано стихотворение, обращенное к поэту А. Тарковскому: «Все повторяю первый стих...»

7 или 8 июня. Состоялась двухдневная встреча М. Цветаевой с А. Ахматовой.

22 июня. «Война»; узнала по радио из открытого окна, когда шла по Покровскому бульвару (запись М. И. Цветаевой).

Работает над переводами Ф. Г. Лорки. 27 июня. Запись в тетради: «Попробуем последнего Гарсия Лорку». Но в тетради ничего нет.

Июль. Едет на несколько дней в Старки под Коломну (станция Пески) — к В.Н. Меркурьевой; там она избежала первой московской бомбежки в ночь с 21 на 22 июля.

24 июля. Вернулась в Москву, стала собираться в эвакуацию.

8 августа. Уехала на пароходе вместе с группой писателей, отправлявшихся в Чистополь и Елабугу.

18 августа. На пароходе «Чувашская республика» М. Цветаева и еще несколько семей литераторов прибыли в Елабугу. Сразу же начались поиски работы.

21 августа. М. Цветаева с сыном переехали в избу на улице Ворошилова (занимали часть комнаты за занавеской).

24 августа. М. Цветаева уехала на пароходе в Чистополь, надеясь получить какую-нибудь работу.

26 августа датирована записка М. Цветаевой: «В Совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Лит-

фонда». (Столовая откроется лишь осенью.)

28 августа. М. Цветаева вернулась в Елабугу.

29 августа. Сын М. Цветаевой Георгий записал в дневнике, что работы для матери нет, кроме места переводчицы с немецкого в НКВД. Эта невразумительная запись породила толки о том, что М. Цветаеву пытались «завербовать» «органы».

31 августа, в воскресенье, когда дома никого не было, Марина Ивановна

Цветаева покончила с собой, повесившись в сенях избы. Оставила три записки: сыну, Асеевым и тем, кто будет ее хоронить.

2 сентября Марину Ивановну похоронили на Елабужском кладбище. Могила не найдена.

Составители: А. Саакянц, Л. Мнухин. (источник — «Марина Цветаева. Фотолетопись жизни поэта», М., «Эллис Лак», 2000 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя:

ЦВЕТАЕВА: ГОД ЗА ГОДОМ 5

1906

«Не смейтесь вы над юным поколением!..» 6

1908

«Проснулась улица. Глядит, усталая...» . . . 7

Лесное царство 7

В Кремле 7

«Где-то маятник качался, голоса звучали
пьяно...» 8

1909

Вокзальный силуэт 9

В Париже 9

Молитва 9

Новолунье 9

Памяти Нины Джаваха 10

Сестры 10

Асе 10

Шуточное стихотворение 10

1910

Встреча 12

В зале 12

Мирок 12

Жертвам школьных сумерек 12

Сереже 12

Дортгар весной 13

Первое путешествие 13

Второе путешествие 13

Летом 14

Самоубийство 14

В Люксембургском саду 14

В сумерках 14

Эльфочка в зале 14

Пленница 14

Шарманка весной 15

Людовик XVII 15

На скалах 15

Дама в голубом 16

В Ouchy 16

Акварель 16

Сказочный Шварцвальд 16

Как мы читали «Lichtenstein» 17

Наши царства 17

Отъезд 17

Книги в красном переплете 18

Маме 18

Сара в Версальском монастыре 18

Маленький паж 18

Die stille Strasse 19

Мама в саду 19

Мама на лугу 19

У кровати 19

Три поцелуя 20

Эпитафия 20

Бывшему Чародею 20

Чародею 20

В чужой лагерь 20

Следующей 21

Perpetuum Mobile 21

Следующему 21

Луч серебристый 21

Втроем 21

Ошибка 22

Мука и мука 22

Два в квадрате 22

Связь через сны 22

«Не гони мою память! Лазурны края...» . . . 22

Зеленое ожерелье 23

«Наши души, не правда ль, еще не
привыкли к разлуке?..» 23

Кроме любви 23

Плохое оправданье 23

Предсказанье 24

Детская 24

Разные дети 24

Наша зала 24

«По тебе тоскует наша зала...» 25

Надпись в альбом 25

Сердца и души 25

Зимой 25

Так будет	25	«Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!..»	35
У гробика	25	Каток растаял	35
Последнее слово	26	Волшебство в стихах Брюсова	35
Эпитафия	26		
Даме с камелиями	26	1911—1912	
«Как простор наших горестных нив...»	26	После чтения «Les Rencontres de M. De Breet» Regner	39
Нине	26	Детский юг	39
В Шенбрунне	27	Весна в вагоне	39
Камерата	27	Бабушкин внучек	39
Расставание	28	Венера	39
Колдунья	28	На вокзале	40
Анжелика	28	Контрабандисты и бандиты	40
Добрый колдун	28	То, что было	40
Потомок шведских королей	29	Волшебный цвет	40
Недоумение	29	Литература	41
Обреченная	29		
От четырех до семи	29	До 1912 года	
Волей луны	30	«Милый читатель! Смеясь, как ребенок...»	43
Rouge et bleue	30	Маме	43
Столовая	30	В субботу	43
Сказки Соловьева	30	«Курлык»	44
Картинка с конфеты	31	После праздника	44
«Прости» Нине	31	В классе	44
Ее слова	31	На бульваре	44
Инцидент за супом	31	Совет	44
Мама за книгой	31	Мальчик с розой	44
Пробуждение	31	Девочка-смерть	45
Утомление	32	Мальчик-бред	45
Баловство	32	Принц и лебеди	45
Лучший союз	32	За книгами	45
Стук в дверь	32	Неравные братья	46
Счастье	32	Скучные игры	46
Невестам мудрецов	33	Мятежники	46
		Живая цепочка	46
1910		Баярд	46
На прощанье	33	Мама на даче	46
«На солнце, на ветер, на вольный простор...»	33	Жар-птица	47
Встреча	33	«Так»	47
Пасха в апреле	33	В сквере	47
Привет из вагона	34	После гостей	47
Правда	34	Конец сказки	48
Ricordo di Tivoli	34	Болезнь	48
Обалуча	34	В сонном царстве	48
«Ваши белые могилки рядом...»	34	Рождественская дама	48
Еще молитва	35	Белоснежка	48
Осужденные	35		

Детский день	48	Письмо на розовой бумаге	57
Приезд	49	Два исхода	57
Паром	49	Из сказки в жизнь	57
Осень в Тарусе	49	В зеркале книги М. Д.–В.	57
Колыбельная песня Асе	49	Эстеты	57
Подрастающей	49	Они и мы	58
В пятнадцать лет	50	Если счастье...	58
Волшебник	50	На концерте	58
Первая роза	50	Облачко	58
Исповедь	50	Розовый домик	58
Угольки	50	До первой звезды	58
Дикая воля	51	Барабан	59
Гимназистка	51	В. Я. Брюсову	59
Тройственный союз	51	Кошки	59
Поклонник Байрона	51	Молитва морю	50
«Он был синеглазый и рыжий...»	51	Жада	59
Под дождем	51	Душа и имя	59
Только девочка	52	Волшебство	59
Тверская	52	На возу	60
Молитва в столовой	52	Вождем	60
«Мы с тобою лишь два отголоска...»	52	Июль — апрелю	60
Юнге	52	Ока	60
Очаг мудреца	52	На радость	61
Путь креста	53	Герцог Рейхштадтский	61
Память сердца	53	Зима	61
Добрый путь!	53	Розовая юность	62
Победа	53	Полночь	62
В раю	53	Неразлучной в дорогу	62
Ни здесь, ни там	53	Бонапартисты	62
Последняя встреча	54	Конькобежцы	62
На заре	54	Первый бал	63
«И как прежде оне улыбались...»	54	Старуха	63
Зимняя сказка	54	Домики старой Москвы	63
«И уж опять они в полустоме...»	54	«Прости» волшебному дому	63
Декабрьская сказка	54	Из сказки — в сказку	63
Под Новый Год	55	Литературным прокурорам	64
Декабрь и январь	55	«Он приблизился, крылатый...»	64
Слезы	55	В. Я. Брюсову	64
Aeternum vale	55		
Эпилог	55	1913	
Не в нашей власти	55	«Идешь, на меня похожий...»	65
Распяtie	56	«Моим стихам, написанным так рано...»	65
Привет из башни	56	«Солнцем жилки налиты — не кровью...»	65
Резеда и роза	56	«Вы, идущие мимо меня...»	65
Итог дня	56	«Сердце, пламени капризной...»	65
Молитва лодки	56	«Мальчиком, бегущим резво...»	66
Призрак царевны	56	«Посвящаю эти строки...»	66

«Я сейчас лежу ничком...»	66	1915	«Безумье — и благоразумье...»	85
«Идите же! — Мой голос нем...»	66	«Свободно шея поднята...»	85	
Асе	67	«Ты проходишь своей дорожкой...»	85	
Сергею Эфрон-Дурново	67	«Могу ли не вспомнить я...»	86	
Байрону	68	«Все глаза под солнцем — жгучи...»	86	
Встреча с Пушкиным	68	«Легкомыслие! — Милый грех...»	86	
Аля	69	«Сини подмосковные холмы...»	87	
«Уж сколько их упало в эту бездну...»	69	«Голоса с их игрой сулящей...»	87	
«Быть нежной, бешеной и шумной...»	70	«Повторю в канун разлуки...»	87	
Генералам двенадцатого года	70	«Хочу у зеркала, где муть...»	87	
«Взгляните внимательно и если возможно — нежнее...»	71	«Мне нравится, что Вы больны не мной...»	87	
«В тяжелой мантии торжественных обрядов...»	71	«Вспомните: всех голов мне дороже...»	87	
«Вы родились певцом и пажем...»	71	«Бессрочно кораблю не плыть...»	88	
«Макс Волошин первый был...»	71	«Милый друг, ушедший дальше, чем за море!...»	88	
«Ты, чьи сны еще непробудны...»	71	«Есть имена, как душистые цветы...»	88	
В ответ на стихотворение	72	«Что видят они? — Пальто...»	88	
1914		«Какой-нибудь предок мой был — скрипач...»	88	
«В огромном липовом саду...»	73	«И все вы идете в сестры...»	89	
«Над Феодосией угас...»	73	«В первой любила ты...»	89	
Чародей. Поэма	73	«Спят трещотки и псы соседовы...»	89	
С. Э.	77	«В тумане, синее ладана...»	89	
Але.	77	«С большою нежностью — потому...»	89	
«П.Э.»	78	«Все Георгии на стройном мундире...»	90	
Его дочке	79	«Заповедей не блюла, не ходила к причастию...»	90	
«Я видела Вас три раза...»	80	«Как жгучая, отточенная лесь...»	90	
«Не думаю, не жалею, не спорю...»	80	«В гибельном фолианте...»	90	
«Война, война! — Кажденья у кивотов...»	80	«Мне полюбить Вас не довелось...»	90	
«При жизни Вы его любили...»	80	«Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!...»	90	
Бабушке	81	«Два солнца стынут — о Господи, пощадь!...»	91	
«Осыпались листья над Вашей могилой...»	81	«Цветок к груди приколот...»	91	
Подруга	81	«Цыганская страсть разлуки!...»	91	
«Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли!...»	81	«Полнолуние и мех медвежий...»	91	
«Под лаской плюшевого пледа...»	82	«Быть в аду нам, сестры пылкие...»	91	
«Сегодня таяло, сегодня...»	82	«День угасший...»	91	
«Вам одеваться было лень...»	82	«Лежат они, написанные наспех...»	92	
«Сегодня, часу в восьмом...»	83	«Даны мне были и голос любимый...»	92	
«Уж часы — который час?...»	83	Асе	92	
«Собаки спущены с цепи...»	83			
Германии	83			
«Ночью над кофейной гущей...»	83			
«Как весело сиял снежинками...»	84			

1916

«Посадила яблоньку...»	93	«У меня в Москве — купола горят!..»	103
«Отмыкала ларец железный...»	93	«Должно быть — за той рошей...»	103
«К озеру вышла. Крут берег...»	93	И тучи оводов вокруг	
«Никто ничего не отнял!..»	93	равнодушных кляч...»	104
«Собирая любимых в путь...»	93	«Руки люблю...»	104
«Ты запрокидываешь голову...»	94	«Над городом, отвергнутым Петром...»	104
«Откуда такая нежность?...»	94	«Над синевой подмосковных рощ...»	104
«Разлетелось в серебряные дребезги...»	94	«О, Муза плача, прекраснейшая	
«Не сегодня-завтра растает снег...»	94	из муз!..»	104
«Голуби реют серебряные, растерянные,		«Охватила голову и стою...»	104
вечерние...»	94	«Еще один огромный взмах...»	105
«Еще и еще песни...»	95	«Имя ребенка — Лев...»	105
«Не ветром ветренным — до — осени...»	95	«Сколько спутников и друзей!..»	105
«Гибель от женщины. Вот знак...»	95	«Не отстать тебе! Я — острожник...»	105
«Приключилась с ним странная		«Ты, срывающая покров...»	106
хворь...»	95	«На базаре кричал народ...»	106
«Устилают — мои — сени...»	95	«Злотоустой Анне — всяя Руси...»	106
«На крыльцо выхожу — слушаю...»	96	«У тонкой проволки над волной	
«В день Благовещенья...»	96	овсов...»	106
«Четвертый год...»	96	«Ты солнце в выси мне застишь...»	106
«Канун Благовещенья...»	96	«Руки даны мне — протягивать каждому	
«За девками доглядывать, не скис...»	97	обе...»	106
«Димитрий! Марина! В мире...»	97	«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»	107
«Облака — вокруг...»	98	«Семь холмов — как семь колоколов...»	107
«Из рук моих — нерукотворный град...»	98	«— Москва! — Какой огромный...»	107
«Мимо ночных башен...»	98	«В огромном городе моем — ночь...»	107
«Говорила мне бабка лютая...»	99	«После бессонной ночи	
«Да с этой львиною...»	99	слабеея руки...»	107
«Веселись, душа, пей и ешь!..»	99	«Ныче я гость небесный...»	107
«Всюду бегут дороги...»	99	«Вдруг вошла...»	108
«Люди на душу мою льстятся...»	100	«Искательница приключений...»	108
«Коли милым назову —		Даниил	108
не соскучишься!..»	100	«Села я на подоконник, ноги свесив...»	108
«Обвела мне глаза кольцом...»	100	«Наездницы, развалины, псалмы...»	108
«Настанет день — печальный,		«В полнолуние кони фыркали...»	109
говорят...»	101	«Сегодня ночью я одна в ночи...»	109
«Имя твое — птица в руке...»	101	«Не моя печаль, не моя забота...»	109
«То-то в зеркальце — чуть брезжит...»	101	«И взглянул, как в первые раза...»	109
«В они дни ты мне была, как мать...»	102	«Нежно-нежно, тонко-тонко...»	109
«Я пришла к тебе черной полночью...»	102	«Черная, как зрачок, как зрачок,	
«Продаю! Продаю! Продаю!..»	102	сосущая...»	109
«Нежный призрак...»	102	«Бог согнулся от заботы...»	109
«Ты проходишь на Запад Солнца...»	102	«Чтоб дойти до уст и ложа...»	110
«Зверю — берлога...»	103	«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех	
«Много тобой пройдено...»	103	небес...»	110
«Думали — человек...»	103	«Красною кистью...»	110
		«И поплыл себе — Моисей в корзине!..»	110

«На завитки ресниц...»	110	«Ветры спать ушли — с золотой зарей...»	118
«Соперница, а я к тебе приду...»	110	«А над Волгой — ночь...»	118
«И другу на руку легло...»	110	«А она брови насупила...»	118
«И не плача зря...»	111	«А над Волгой — заря румяная...»	118
Евреям	111	«Заклинаю тебя от злата...»	119
«Целую червонные листья и сонные рты...»	111	«Так и буду лежать, лежать...»	119
«Погоди, дружок!...»	111	(Сон Разина) «И снится Разину — сон...»	119
«Кабы нас с тобой да судьба свела...»	112	«Рулевой зарею правил...»	119
«Каждый день все кажется мне: суббота!...»	112	«Что же! Коли кинут жребий...»	119
«Словно ветер над нивой, словно...»	112	И была у Дон-Жуана — шпага...»	120
«Счастье или грусть...»	112	«И падает шелковый пояс...»	120
«Через снега, снега...»	112	«В очи взглянула...»	120
«По дорогам, от мороза звонким...»	112	«И кто-то, упав на карту...»	120
«Рок приходит не с грохотом и громом...»	112	«Как перед царями да князьями стены падают...»	120
«Я ли красному как жар киоту...»	113	«Голос — сладкий для слуха...»	121
«Ты, меряющий меня по дням...»	113	«Из строгого, стройного храма...»	121
«Я бы хотела жить с Вами...»	113	«В лоб целовать — заботу стереть...»	121
«Кто спит по ночам? Никто не спит!...»	113	«Голубые, как небо, воды...»	121
«По ночам все комнаты черны...»	113	«И разжигая во встречном взоре...»	121
«Вот опять окно...»	114	«А пока твои глаза...»	122
1917		«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»	122
«Мне ль, которой ничего не надо...»	115	«И зажег, голубчик, спичку...»	122
«День идет...»	115	Але	122
«Мировое началось во мгле кочевье...»	115	«А царит над нашей стороной...»	122
«Только закрою горячие веки...»	115	«Божественно, детски-плоско...»	123
«Милые спутники, делившие с нами ночлеги!...»	115	«Стоит, запрокинув горло...»	123
«У камина, у камина...»	115	«Только живите! — Я уронила руки...»	123
«Август — астры...»	116	«Из-под копыт...»	123
«На заре морозной...»	116	Иоанн	
«Долго на заре туманной...»	116	«Запах пшеничного злака...»	123
«После стольких роз, городов и тостов...»	116	«Люди спят и видят сны...»	123
«Ровно — полночь...»	116	«Встречались ли в поцелуе...»	124
«Над церковкой — голубые облака...»	117	Князь Тьмы	124
«Уж и лед сошел, и сады в цвету...»	117	«Князь! Я только ученица...»	124
«И сказал Господь...»	117	«Страстно рукоплеща...»	124
Царю — на Пасху	117	«Да будет день! — и тусклый день туманный...»	124
«За Отрока — за Голубя — за Сына...»	117	«И призвал тогда Князь света — Князя тьмы...»	124
«Во имя Отца и Сына и Святого Духа...»	117	Воете	124
«Чуть светает...»	118	«Ну вот и окончена метка...»	125
«А всё же спорить и петь устанет...»	118	Юнкерам, убитым в Нижнем	125
		«И в заточеньи зимних комнат...»	125
		«Бороды — цвета кофейной гуши...»	125

Люби старинные туманы	125	Москве	
«Над черным очертаньем мыса...»	125	«Кровных коней запрягайте	
«Так, руки заложив в карманы...»	125	в дровни!..»	132
«Смывает лучшие румяна...»	125	Дон	132
«Ревнивый ветер треплет шаль...»	126	«Белая гвардия, путь твой высок...»	132
«Из Польши своей спесивой...»	126	«Кто уцелел — умрет, кто мертв —	
«Молодую рошу шумную...»	126	воскреснет...»	132
«Собрались льстецы и шеголи...»	126	«Идет по луговинам лития...»	132
«С головой на блещущем блюде...»	126	«Волны и молодость — вне закона!..»	132
«Нет! Еще любовный голод...»а	126	«Закинув голову и опустив глаза...»	132
Иосиф	126	«Трудно и чудно — верность до гроба!..»	132
«Только в очи мы взглянули — без		Андрей Шенье	133
остатка...»	127	«Андрей Шенье взшел на эшафот...»	133
«Мое последнее величье...»	127	«Не узнаю в темноте...»	133
«Без Бога, без хлеба, без крова...»	127	«Ночные ласточки Интриги...»	133
«Поздний свет тебя тревожит?...»	127	«О, самозванцев жалкие усилья!..»	133
«Я помню первый день, младенческое		«Не самозванка — я пришла домой...»	133
зверство...»	127	«Страстный стон, смертный стон...»	133
«И вот, навьючив на верблюжий горб...»	127	«Ходит сон с своим серпом...»	133
«Аймёк-гуарузим — долина роз...»	128	«Серафим — на орла! Вот бой!..»	134
«Запах, запах...»	128	«С вербочкою светлошерстой...»	134
«Бел, как мука, которую мелет...»	128	Из цикла «Стихи к дочери»	
Петров конь роняет подкову	128	«— Марина! Спасибо за мир!..»	134
«Ночь. — Норд-Ост. — Рев солдат. —		«Коли в землю солдаты всадили —	
Рев волн...»	128	штык...»	134
«Плохо сильным и богатым...»	128	«Это просто, как кровь и пот...»	134
Корнилов	129	«Орел и архангел! Господень гром!..»	134
Руан	129	«Московский герб: герой	
Москве	129	пронзает гада...»	134
«Когда рыжеволосый Самозванец...»	129	«Бог — прав...»	135
«Гришка-Вор тебя не ополячил...»	129	«Змея оправдана звездой...»	135
«Жидкий звон, постный звон...»	129	«Плоти — плоть, духу — дух...»	135
«Расцветает сад, отцветает сад...»	129	«На тебе, ласковый мой, лохмотья...»	135
«Как рука с твоей рукой...»	129	«В черном небе слова начертаны...»	135
«Новый год я встретила одна...»	130	«Простите меня, мои горы!..»	135
«Кавалер де Гризё! — Напрасно...»	130	«Благословляю ежедневный труд...»	135
		«Полюбил богатый — бедную...»	135
		«Семь мечей пронзали сердце...»	135
		«Слезы, слезы — живая вода!..»!	136
		«Наградил меня Господь...»	136
		«Хочешь знать мое богатство?...»	136
		«Мракобесие. — Смерч. — Содом...»	136
		«Белизна — угроза Черноте...»	136
		«Белье на речке полощу...»	136
		«Я расскажу тебе — про великий	
		обман...»	136
		«Юношам — жарко...»	137
1918			
Братья	131		
«Спят, не разнимая рук...»	131		
«Два ангела, два белых брата...»	131		
«Глоаю соленые слезы...»	131		
«На кортике своем: Марина...»	131		
«Veau tenebreux! — Вам грустно. — Вы			
больны...»	131		
«Как много красавиц, а ты один...»	131		
«Уедешь в дальние края...»	132		

«Осторожный троекратный стук...» . . .	137	«Офицер гуляет с саблей...»	142
«Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна...»	137	Глаза	142
«Дороги — хлебушек и мука!...»	137	«Ты дал нам мужества...»	142
«Умирая, не скажу: была!...»	137	«Два цветка ко мне на грудь...»	142
«Ночи без любимого — и ночи...»	137	«Был мне подан с высоких небес...»	143
Памяти Беранже	137	«Отнимите жемчуг — останутся слезы...»	143
«Я сказала, а другой услышал...»	137	«Любовь! Любовь! Куда ушла ты?...»	143
«Руки, которые не нужны...»	137	«Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли...»	143
«Я — страница твоему перу...»	138	«Осень. Деревья в аллее — как воины...»	143
«Память о Вас — легким дымком...»	138	«Ты персияночка — луна, а месяц — турок...»	143
«Как правая и левая рука...»	138	«Утро. Надо чистить чаши...»	143
«Рыцарь ангелоподобный...»	138	«А всему предпочла...»	143
«Доблесть и девственность! — Сей союз...»	138	«Дочери катят серсо...»	143
«Мой день беспутен и нелеп...»	138	«Не смущаю, не пою...»	144
«Клонится, клонится лоб тяжелый...»	138	«Героизму пристало стынуть...»	144
«Свинцовый полдень деревенский...»	138	«Я берег покидал туманный Альбиона...»	144
«Так, высоко запрокинув лоб...»	139	«Молодой колоколенкой...»	144
«Есть колосья тучные, есть колосья тощие...»	139	Октябрь в вагоне (из дневников и записей 1917—1920)	144
«Где лебеди? — А лебеди ушли...»	139	«Сладко вдвоем — на одном коне...»	144
«Белогвардейцы! Гордиев узел...»	139	«Поступь легкая моя...»	144
«Надобно смело признаться, Лира!...»	139	«Я помню ночь на склоне Ноября...»	144
«Если душа родилась крылатой...»	139	«На плече моем на правом...»	145
«Пусть не помнят юные...»	139	«Чтобы помнил не часочек, не годок...»	145
«Ночь — преступница и монашка...»	140	«Кружка, хлеба краюшка...»	145
«День — плащ широкошумный...»	140	«Развела тебе в стакане...»	145
«Не по нраву я тебе — и тебе...»	140	Але («Есть у тебя еще отец и мать...»).	145
«Стихи растут, как звезды и как розы...»	140	«Царь и Бог! Простите малым...»	145
«Пожирающий огонь — мой конь!...»	140	«Нет, с тобой, дружок чудный...»	145
«Каждый стих — дитя любви...»	140	«Новый Год. Ворох роз...»	146
«Мое убежище от диких орд...»	140	Барабанщик	146
«А потом поили медом...»	140	«Барабанщик! Бедный мальчик!...»	146
Гению	140	«Молоко на губах не обсохло...»	146
«Не знаю, где ты и где я...»	141	«Мало ли запястий...»	147
«И бродим с тобой по церквям...»	141	«Не любовь, а лихорадка...»	147
«И как под землею трава...»	141	«Дружить со мной нельзя, любить меня — не можно!...»	147
«Безупречен и горд...»	141	«Концами шали...»	147
«Ты мне чужой и не чужой...»	141	«Волосы я — или воздух целую?...»	147
«Там, где мед — там и жало...»	141	«Не успокоюсь, пока не увижу...»	147
«Кто дома не строил...»	141	«Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»	148
«Проще и проще...»	141	«Короткий смешок...»	148
«Под рокот гражданских бурь...»	141		
«Колыбель, овсянная красным!...»	142		
«Со мной не надо говорить...»	142		
«Что другим не нужно — несите мне...»	142		

«На смех и на зло...»	148	«Ты меня никогда не прогонишь...»	221
«Мне тебя уже не надо...»	148	Феникс. <i>Пьеса в трех картинах,</i>	
«Розовый рот и бровровый ворот...»	148	<i>в стихах</i>	221
«Сядешь в кресла, полон лени...»	148	Тебе — через сто лет.	250
«Я Вас люблю всю жизнь и каждый		«А плакала я уже бабьей...»	250
день...»	148	«Два дерева хотят друг к другу»	250
«Ваш нежный рот — сплошное		«Упадешь — перстом не двину...»	250
целованье...»	149	«Когда-нибудь, прелестное	
«Поцелуйте дочку!...»	149	созданье...»	251
«Бренные губы и бренные руки...»	149	«Консуэла! — Утешенье!...»	251
Метель. <i>Драматические сцены в стихах.</i>	149	«Сам посуды: так топором рубила...»	251
«Друзья мои! Родное триединство!...»	154	«А человек идет за плугом...»	251
Червоный валет. <i>Пьеса в двух действиях, в</i>		«Бог! — Я живу! — Бог! — Значит, ты не	
<i>стихах</i>	154	умер!...»	251
О любви	161	«Маска — музыка... А третье...»	252
1919		«Чердачный дворец мой, дворцовый	
Приключение. <i>В пяти картинах.</i>	167	чердак!...»	252
«Не поцеловали — приложились...»	182	Але («Ни кровинки в тебе здоровой...»).	252
«Это и много и мало...»	183	«Я счастлива жить образцово	
«В ушах два свиста: шелка и метели...»	183	и просто...»	252
Фортуна. <i>Пьеса я пяти картинах,</i>		С.Э.	252
<i>в стихах</i>	183	Бальмонту	252
«Солнце — одно, а шагает по всем		«Дорожкой протонародною...»	253
городам...»	199	«Высоко мое оконце...»	253
«Не от запертых на семь замков		Але («Маленький домашний дух...»).	253
пекарен...»	199	«О, души бессмертный дар...»	253
«Высокой гордости моей...»	199	«Между воскресеньем и субботой...»	253
«Шампанское вероломно...»	200	«В синем небе — розан пламенный...»	254
«Да здравствует черный туз!»	200	«Простите Любви — она нищая!...»	254
«Скучают после кутежа...»	200	«Я не хочу ни пить, ни есть, ни жить...»	254
П.Антокольскому	200	«Поцеловала в голову...»	254
«О нет, не узнает никто из вас...»	200	Посылка к маленькой сигарере	254
«Кто покинут — пусть поет...»	200	Из цикла «Стихи к Сонечке»	
«Пел в лесочке птенчик...»	201	«Не сердись, мой Ангел Божий...»	254
«В мое окошко дождь стучится»	201	«— Ты Расскажи нам про весну!...»	254
«Заря малиновые полосы...»	201	Отрывки из книги «Земные приметы»	
«Твои руки черны от загару...»	202	О Германии (<i>Выдержки из дневника</i>	
«Ландыш, ландыш белоснежный...»	202	<i>1919 года</i>)	255
«На коленях у всех посидела...»	202	Мои службы	261
Але («В шитой серебром рубашечке...») 202		О любви (<i>Из дневника</i>)	275
Каменный ангел. <i>Пьеса в шести картинах,</i>		Грабеж	281
<i>в стихах</i>	202	Расстрел царя	282
Бабушка	219	Покушение на Ленина	283
«Когда я буду бабушкой...»	219	Чесотка	283
«А как бабушке...»	220	Fraulein.	284
«А во лбу моем — знай!...»	220	Ночевка в коммуне	284
		Воин Христов	286

1919 — 1920

Четверостишия	287	«А следующий раз — глухонемая...»	296
«На скольких руках — мои кольца...»	287	«Две руки, легко опущенные...»	296
«Бабушке — и злая внучка мила!...»	287	Сын	296
«Так, выбившись из страстной колеи...»	287	Вячеславу Иванову	296
«Словно теплая слеза...»	287	«Ты пишешь перстом на песке...»	296
«Плутая по своим же песням...»	287	«Ты пишешь перстом на песке...»	296
«Завтра будет: после-завтра...»	287	«Не любовницей — любимицей...»	297
«Птичка все же рвется в рощу...»	287	«Большими тихими дорогами...»	297
«Ты зовешь меня блудницей...»	287	«Пахнуло Англией — и морем...»	297
Пятистишие («Решено — играем оба...»)	287	«Целому морю — нужно все небо...»	297
«Как пойманную птицу — сердце...»	287	«Глаза участливой соседки...»	297
«И если где прольются слезы...»	287	«Мой путь не лежит мимо дому — твоего...»	297
«Всё в ваших домах...»	287	Блюку	
«Я не мятежница — и чту устав...»	287	«Как слабый луч сквозь черный морок адов...»	298
«У — в мир приходящих — ручки зажаты...»	287	«Да, друг невиданный, неслыханный...»	298
«Не стыдись, страна Россия!...»	287	«В мешок и в воду — подвиг доблестный...»	298
«Так, в землю проводив меня глазами...»	287	«О, скромный мой кров! Нищий дым!...»	298
«Плутая по своим же песням...»	288	«Нет, легче жизнь отдать, чем час...»	298
«Ты принес мне горсть рубинов...»	288	«На бренность бедную мою...»	299
«Ты зовешь меня блудницей...»	288	«Сижу без света, и без хлеба...»	299
«Ты зовешь меня блудницей...»	288	«Ведь был же мне на полчаса...»	299
«Твой дом обокраден...»	288	«Сказавший всем страстям: прости...»	299
«Шаги за окном стучат...»	288	«Да, вздохом обо мне — край непочатый!...»	299
«Шаг у моего порога...»	288	«Суда поспешно не чини...»	299
«В книге — читай — гостиничной...»	288	«Восхищенной и восхищённой...»	299
Чердачное (<i>из московских записей 1919—1920 г.</i>)	288	«Так из дому, гонимая тоской...»	300
«Звезда над люлькой — и звезда над гробом!...»	293	«Писала я на аспидной доске...»	300
«Править тройкой и гитарой...»	293	«Пригвождена к позорному столбу Славянской совести старинной...»	300
«Дитя разгула и разлуки...»	293	«Пригвождена к позорному столбу Я все ж скажу, что я тебя люблю...»	300
«У первой бабки — четыре сына...»	293	«Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя...»	301
«Я эту книгу поручаю ветру...»	293	«Сей рукой, о коей мореходы...»	301
«Доброй ночи чужестранцу в новой келье!...»	294	«И не спасут ни стансы, ни созвездья...»	301
Психея	294	«Тень достигла половины дома...»	301
«Малиновый и бирюзовый...»	294	«Все братья в жалости моей!...»	301
«Она подкрадется неслышно...»	294	«Руку на сердце положи...»	301
«Люблю ли вас?...»	294	«Не так уж подло и не так уж просто...»	302
«Я страшно нищ, Вы так бедны...»	295	«Кто создан из камня, кто создан из глины...»	302
«Та ж молодость, и те же дыры...»	295		
Старинное благоговенье	295		
Памяти Г. Гейне	295		

«Я не танцую, — без моей вины...»	302	«Есть в стане моем — офицерская	
Смерть танцовщицы	302	прямость...»	343
«Глазами ведьмы зачарованной...»	302	Волк	344
«Одна половинка окна		«Об ушедших — отошедших...»	344
растворилась...»	302	«Не называй меня никому...»	344
Евреям («Так бессеребрено — так		Чужому	344
бескорыстно...»)	302	«Любовь! Любовь! И в судорогах,	
Песенки из пьесы «Ученик»	302	и в гробе...»	345
«И что тому костер остылый...»	303	«Целовалась с нищим, с вором, с	
«Вчера еще в глаза глядел...»	303	горбачом...»	345
«Где слезиночки роняла...»	303	(Взятие Крыма) «И страшные мне снятся	
Земное имя	303	сны...»	345
«Заря пылала, догорая...»	304	«Буду выспрашивать воды широкого	
«Руки заживо скрещены...»	304	Дона...»	345
«Был Вечный Жид за то наказан...»	304	«Я знаю эту бархатную бренность...»	346
Песенки из пьесы «Ученик»	304	«Прощай! Как плещет через край...»	
«В час прибоя...»	304	«Вопль стародавний...»	
«Сказать: верна...»	304	«С Новым Годом, Лебединый стан!...»	
«Я пришел к тебе за хлебом...»	304	«Знаю, умру на заре! На которой	
«Там, на тугом канате...»	304	из двух...»	346
(Моряки и певец) «Среди диких		«Короткие крылья волос я помню...»	346
моряков — простых рыбаков...»	305	Пожалей...	347
(Певец — девушка) «Вам, веселые		«Ох, грибок ты мой, грибочек, белый	
девицы...»	305	груздь!...»	347
«— Хоровод, хоровод...»	305	«Времени у нас часок...»	347
«Уравнены: как да и нет...»	305	«Есть подвиги. — По селам стих...»	348
«И если руку я даю...»	306		
«Сколько у тебя дружочков?...»	306		
«Ветер, ветер, выметающий...»	306		
«Не хочу ни любви, ни почестей...»	306		
«Смерть — это нет...»	306		
«Ты разбойнику и вору...»	306		
Ex- Si-Devant (Отзвук Стаховича)	307		
«Я вижу тебя черноокой, — разлука!..»	307		
«Другие — с очами и личиком			
светлым...»	308		
«И вот исчез, в черную ночь исчез...»	308		
«Бог, внемли рабе послушной!...»	308		
Петру («Вся жизнь твоя — в едином			
крике...»)	308		
«Июнь. Июль. Часть соловьиной			
дрожи...»	309		
(Отрывок) («Как пьют глубокими			
глотками...»)	309		
«Проста моя осанка...»	309		
Царь-девица. Поэма-сказка	309		
		1921	
		На красном коне. <i>Поэма</i>	349
		Большевик	352
		Роландов рог	352
		Ученик	352
		«Быть мальчиком твоим	
		светлоголовым...»	352
		«Есть некий час — как сброшенная	
		клажа...»	352
		«Солнце Вечера — добрее...»	353
		«Распинаемое тьмой...»	353
		«Пало прениже волн...»	353
		«Был час чудотворен и полн...»	353
		«Все великолепелье...»	353
		«По холмам — круглым и смуглым...»	354
		«На што мне облака и степи...»	354
		«Душа, не знающая меры...»	354
		«О первое солнце над первым лбом!...»	354
		«Косматая звезда...»	354
		Марина	354

«Быть голубкой его орлиной...»	354	«Простоволосая Агарь — сижуха...»	364
«Трем Самозванцам жена...»	355	«Виноградины тщетно в садах ржавели...»	364
«Сердце, измена!..»	355	«Соревнования короста...»	365
«Грудь Ваша благоуханна...»	355	«Веками, веками...»	365
«Бессонница! Друг мой!..»	355	Отрывок из стихов к Ахматовой	365
Кн. С. М. Волконскому	356	Маяковскому	365
«Башенный бой...»	356	«Гордость и робость — родные сестры...»	365
«Уроненные так давно...»	356	«Ханский полон...»	365
«Как разгораются — каким валежником!..»	356	«Ни тагана...»	366
Из цикла «Разлука»	356	«Следок твой непытан...»	366
«Всё круче, всё круче...»	356	«Семеро, семеро...»	366
«Смулкой оливкой...»	357	«Блаженны дочерей твоих, Земля...»	367
«Думаешь — скалы...»	357	«Уже богов — не те уже щедроты...»	367
«Тихонько...»	357	«Тщетно, в ветвях заповедных крясь...»	367
«Седой — не увидишь...»	357	«Сколько их, сколько их ест из рук...»	367
«Ростком серебряным...»	357	«От гнева в печени, мечты во лбу...»	367
«Я знаю, я знаю...»	358	«С такою силой в подбородок руку...»	367
«Два зарева! — нет, зеркала!..»	358	«Молодость моя! Моя чужая...»	367
Вестнику	358	Муза	368
Георгий	358	«Скоро уж из ласточек — в колдуны!..»	368
«Ресницы, ресницы...»	358	«Без самовластия...»	368
«О тяжесть удачи...»	359	«Без зова, без слова...»	368
«Синие версты...»	360	«Как сонный, как пьяный...»	369
«Из облаков кивающие перья...»	360	«Так плыли: голова и лира...»	369
«С архангельской высоты седла...»	360	«Так, Господи! И мой обол...»	369
«А девы — не надо...»	360	«Не для льстивых этих риз, лживых ряс...»	369
«О всеми ветрами...»	361	«Грудь женская! Души застывший вздых...»	370
«Не лавром, а терном...»	361	Вифлеем	370
Из цикла «Благая весть»	361	«Не с серебром пришла...»	370
«В сокровищницу...»	361	«Три царя...»	370
«Жив и здоров!..»	362	Подруга	370
«Под горем не горбясь...»	362	«Спит муки твоя — веселье...»	370
«Над спящим юнцом — золотые шпоры...»	362	«В своих младенческих слезах...»	371
«Во имя расправы...»	362	«Огромного воскрылья взмах...»	371
Возвращение вождя	363	«Чем заслужить тебе и чем воздать...»	371
«Вот он — гляди — уставший от чужбин...»	363	«Последняя дружба...»	371
«Други его — не тревожьте его!..»	363	«Как по тем донским боям...»	371
«А над равниной...»	363	«Так говорю, ибо дарован взгляд...»	372
«Не проломанное ребро...»	363	«Необычайная она! Сверх сил!..»	372
«Прямо в эфир...»	364	«Как начнут меня колеса...»	372
Отрок	364	«Над синеморскою лоханью...»	372
«Пустоты отроческих глаз! Провалы...»	364	Ахматовой	373
«Огнепоклонник! Красная масть!..»	364		

«Ломающимся голосом...»	373	«Лютая юдоль...»	390
«Волос полуденная тень...»	373	«Так, в скудном труженичестве дней...»	390
«Не в споре, а в мире...»	373	«Ночные шепота: шелка...»	390
«До убедительности, до...»	373	«Ищи себе доверчивых подруг...»	390
1922		«Помни закон...»	390
Москва	374	«Когда же, Господин...»	391
«Первородство — на сиротство!..»	374	«По загарам — топор и плуг...»	391
«Пуше, чем женщина...»	374	«Некоторым — не закон...»	391
Новогодняя (<i>вторая</i>)	375	«Дабы ты меня не видел...»	391
«Каменногрудый...»	376	«В пустынной храмине...»	392
«Не ревновать и не клясть...»	376	Балкон	392
«По нагорьям...»	376	«Ночного гостя не застанешь...»	392
«Не похорошела за годы разлуки!..»	376	«И скажешь ты...»	392
«Верстами — врозь — разлетаются брови...»	377	Световой ливень. <i>Поэзия вечной мужественности</i>	393
Посмертный марш	377	«Неподражаемо лжет жизнь...»	403
«Завораживающая! Крест...»	377	«Думалось: будут легки...»	403
«А и простор у нас татарским стрелам!..»	377	«Руки — и в круг...»	403
«Не приземист — высокоросл...»	378	Берлину	403
«Слезы — на лице моей облезлой!..»	378	«Удостоверишься — повремени!..»	403
Дочь Иаира	378	«Светло-серебряная цвель...»	404
«Мимо иди!..»	378	«Вкрадчивостию волос...»	404
«В просторах покроя...»	378	«Леты слепотекущий всхлип...»	404
«На пушок девичий, нежный...»	379	«Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...»	404
«На заре — наимедленнейшая кровь...»	379	«Каменной глыбой серой...»	404
«Переселенцами...»	379	«Но тесна вдвоем...»	405
«Сомкнутым строем...»	379	«Леты подводный свет...»	405
Сугробы	379	«В смертных изверься...»	406
«Небо катило сугробы...»	379	«Когда обидой — опилась...»	406
«Не здесь, где связано...»	380	«Купальщицами, в легкий круг...»	406
«Широкое ложе для всех моих рек...»	380	«Други! Братственный сонм!..»	406
«А уж так: ни о чем!..»	380	«Золото моих волос...»	407
«В ворко-клекочущий зоркий круг...»	381	Заводские	407
«Масляница широка!..»	381	«Стоят в чернорабочей хмури...»	407
«Наворковала...»	382	«Книгу вечности на людских устах...»	407
«А сугробы подаются...»	383	«Это пеплы сокровищ...»	408
«Ранне-утреня...»	383	«А любовь? Для подпaska...»	408
«Возле любви...»	384	«Спаси Господи, дым!..»	408
«Знакомец! Отколева в наши страны?..»	384	Хвала богатым	408
«Не растеклась еще...»	384	«Лицо без обличия...»	409
«От меня — к невемому...»	385	«Беглецы? — Вестовые?..»	409
Переулочки. Поэма	385	«Нищих и горлиц...»	409
«Есть час на те слова...»	389	«О, его не привяжете...»	410
		«Так, заживо раздав...»	410
		«Не краской, не кистью!..»	410
		«Та, что без видения спала...»	410

Рассвет на рельсах	411	«Есть в мире лишние, добавочные...» . . .	459
«В сиром воздухе загробном...»	411	«Что же мне делать, слепцу и пасынку...»	459
Молодец. <i>Сказка</i>	411	Поэма заставы	459
«Божественно и безоглядно...»	436	Слова и смыслы	460
«Листья ли с древа рушатся...»	436	«Ты обо мне не думай никогда!..»	460
1923		«Ла — донь в ладонь...»	460
Кедр. <i>Апология</i>	437	«Проводами продленная даль...»	460
«Не надо ее окликать...»	451	Педаль	460
«Нет, правды не оспаривай...»	451	Ладонь	460
Эмигрант	451	«Крутогорьями глаголь...»	460
Душа	451	Облака	461
Скифские	452	«Перерытые — как битвой...»	461
«Из недр и на ветвь — рысями!..»	452	«Стой! Не Федры ли под небом...»	461
Колыбельная	452	«Нет! Вставший вал!..»	461
«От стрел и от чар...»	452	Так вслушиваются...	461
Лютня	453	«Так вслушиваются (в исток...»	461
Азраил	453	«Друй! Не кори меня за тот...»	461
«Оперением зим...»	453	Окно	461
Плач цыганки по графу Зубову.	453	Ручьи	461
Офелия — Гамлету	453	«Прорицаниями рокоча...»	461
Офелия — в защиту королевы.	454	«Монистом, расколотым...»	461
Федра.	454	«Кто-то едет — к смертной победе...»	462
Жалоба («Ипполит! Ипполит! Болит!..»)	454	«Каким найтием...»	462
Послание («Ипполиту от Матери — Федры — Царицы — весть...»)	454	Хвала Времени	462
Провода	455	Сестра	462
«Веренище певчих свай...»	455	Ночь.	463
«Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды...»	455	Прокрасться...	463
(Пути) («Всё перебрал и всё отбросив...»)	456	Сивилла — младенцу	463
«Самовластная свобода...»	456	Диалог Гамлета с совестью.	463
«Голубиная купель...»	456	Мореплаватель	464
Эвридика-Орфею	456	Расщелина	464
«Не чернокнижница! В белой книге...»	456	«На назначенное свиданье...»	464
«Час, когда вверху цари...»	457	«Рано еще — не быть!..»	464
«В час, когда мой милый брат...»	457	Луна — лунатику	464
«Терпеливо, как щепень бьют...»	457	Занавес.	465
«Весна наводит сон. Уснем...»	457	«Строительница струн — приструню...»	465
«Поэт — издалека заводит речь...»	458	Ночь.	465
«С другими — в розовые груди...»	458	Сахара	466
Ариадна	458	Рельсы	466
«Оставленной быть — это вравленной быть...»	458	Брат	466
«— О всеми голосами раковин...»	458	«В глубокий час души и ночи...»	467
Прага	458	Сок лотоса	467
		«Всё так же, так же в морскую синь...»	467
		Наклон.	467
		Раковина	467

Заочность	468	Попытка ревности	512
«В глубокий час души...»	468	«Вьюга наметает в полы...»	512
Письмо	468	Сон	512
Минута	469	«Врылась, забылась — и вот как с тысье...»	512
«Есть час Души, как час Луны...»	469	«В мозгу ухаб пролёжан...»	513
Клинок	469	Приметы	513
Наука Фомы	469	«Ятаган? Огонь...»	513
«Меж нами — десять заповедей...»	470	«Живу — не трогаю...»	513
Отрывок	470	Полотерская	513
«Как бы дым твоих ни горек...»	470	«Ёмче органа и звонче бубна...»	514
«С этой горы, как с крыши...»	470	Жизни	514
«Масти, плоченные втрое...»	471	«Не возьмешь моего румянца...»	515
«О путях твоих пытатъ не буду...»	471	«Не возьмешь мою душу живу...»	515
Овраг	471	«Пела рана в груди у князя...»	515
«Дно — оврага...»	471		
«Никогда не узнаешь, что жгу, что трачу...»	471	1925	
Ахилл на валу	471	Крестины	516
Последний моряк	472	«Жив, а не умер...»	516
Крик станций	472	«Существования котловиною...»	516
Пражский рыцарь	472	«Что, Муза моя? Жива ли еще?...»	517
«По набережным, где седые деревья...»	473	«Не колесо громовое...»	517
Ночные места	473	«В седину — висок...»	517
Подруга	473	«Дней сползающие слизни...»	517
Поезд жизни	473	«Променивши на стремя...»	517
«Древняя тшета течет по жилам...»	474	«Рас-стояние: версты, мили...»	518
Побег	474	Бальмонту (<i>К 30-летию поэтического труда</i>)	518
«Брожу — не дом же плотничать...»	474	«Русской ржи от меня поклон...»	521
Око	474	«Высокомерье — каста...»	521
«Люблю — но мука еще жива...»	474	«Слава падает так, как слива...»	521
«Ты, меня любивший фальшью...»	475	«От родимых сёл, сёл!...»	521
«Оставленного зала тронного...»	475	Герой труда (<i>Записи о Валерии Брюсове</i>)	522
1924		Возрожденщина	551
Поэма горы	476	Крысолов. <i>Поэма</i>	553
Поэма конца	478	Ответ на анкету журнала «Своими путями»	577
Двое	486		
«Есть рифмы в мире сём...»	486	1926	
«Не суждено, чтобы сильный с сильным...»	487	«Брат по песенной беде...»	579
«В мире, где всяк...»	487	«Тише, хвала!...»	579
Остров	487	Памяти Сергея Есенина («...И не жалость — мало жил...»)	579
Ариадна. <i>Трагедия</i>	487	Поэт о критике	580
«Незапечатленный, как рот оракула...»	511	Мой ответ Осипу Манделштаму	592
«Пела как стрелы и как морены...»	511	«Кто — мы? Потонул в медведях...»	599
«Так — только Елена глядит над кровлями...»	511		

Несбывшаяся поэма	599	«Нет, бил барабан перед смутным полком...»	761
С моря	601	«Народоправству, свалившему трон...»	761
Попытка комнаты	603	Дом	761
Поэма Лестницы	606	«— Не нужен твой стих...»	762
1927		«— Насмарку твой стих!..»	762
Новогоднее	612	«Бич жандармов, бог студентов...»	762
Федра	614	Станок	763
Твоя смерть	635	Страна	763
Поэма Воздуха	647	«Тише, тише, тише, век мойх громкий!..»	764
1928		О новой русской детской книге	764
Красный бычок	651	1932	
Юноше в уста	652	«Ни к городу и ни к селу...»	767
Разговор с Гением	652	«Наша совесть — не ваша совесть!..»	767
«Чем — не боги же — поэты!..»	653	«Не быть тебе нулем...»	767
«Всю меня — с зеленью...»	653	Поэт и время	768
Наяда	653	Родина	777
Плач матери по новобранцу	654	«Дом, с зеленою гушей...»	777
«Оползающая глыба...»	654	«Закрыв глаза — раз иначе нельзя...»	777
«Лес: сплошная маслобойня...»	654	Ici - Haut	777
Егорушка. <i>Поэма</i>	654	«Товарищи, как нравится...»	777
1929		«Ветхозаветная тишина...»	777
Несколько писем Райнер Мария Рильке	681	«В стране, которая — одна...»	777
Наталья Гончарова	685	«Переименовать!» Приказ	778
Перекоп. <i>Поэма</i>	722	«Над вороньим утесом...»	778
1930		Письмо к Амазонке	779
Маяковскому	738	Эпос и лирика современной России	786
«Чтобы край земной не вымер...»	738	Живое о живом (Волошин)	800
«Литературная — не в ней...»	738	«Темная сила!..»	800
«В сапогах, подкованных железом...»	738	Макс и сказка	826
«И полушки не поставишь...»	738	Искусство при свете совести	836
«Выстрел — в самую душу...»	739	Девять писем, с десятым невозвращением и одиннадцатым полученным и послесловием	853
«Советским вельможей...»	739	1933	
«Много храмов разрушил...»	739	Поэты с историей и поэты без истории	866
Сибирь. <i>Поэма</i>	740	«Мой письменный верный стол!	886
1931		«Мой письменный верный стол!/ Спасибо за то, что ствол...»	887
История одного посвящения	742	Ода пешему ходу	887
Лучина	759	«В век сплошных скоропадских...»	887
Петр и Пушкин	759	«Вот он, грузов наспинных...»	887
«Преодоленья...»	760		
(Поэт и царь)	761		
«Потугосторонним...»	761		

«Дармоедством пресытяться...»	888	Бузина	1008
Жених	888	— «Переименовать!» Приказ...»	1009
Музей Александра III	891	«Черные стены...»	1009
Дом у Старого Пимена.	895	«Окно раскрыло створки...»	1009
Два Лесных Царя.	916	«Небо — синей знамени!...»	1009
Поэт-альпинист	919	«Никуда не уехали — ты да я...»	1009
«Квиты: вами я объедена...»	934	Отцам	1009
Башня в плюше	934	«В мире, ревущем...»	1009
Лавровый венок	939	«Поколенью с сиренью...»	1010
Открытие музея	941	«Ударило в виноградник...»	1010
1934		«Двух станов не боец, а — если гость случайный...»	1010
«Вскрыла жилы: неостановимо...»	944	«Тридцатая годовщина...»	1011
«Тоска по родине! Давно...»	944	Читатели газет	1011
Хлыстовки	944	Чёрт	1012
«А Бог с вами!..»	948	1936	
«Это жизнь моя пропела-провыла...»	948	Слово о Бальмонте	1028
Страховка жизни.	948	Автобус.	1032
Куст	952	Стихи сироте.	1034
«Что нужно кусту от меня?...»	952	«Ледяная тиара гор...»	1034
«А мне от куста — не шуми...»	952	«Обнимаю тебя кругозором...»	1034
«Уединение: уйди...»	952	(Пещера) «Могла бы — взяла бы...»	1035
«О поэте не подумал...»	953	«В мыслях об ином, инаком...»	1035
Сад.	953	«На льдине...»	1035
Челюскинцы.	953	«Скороговоркой — ручья водой...»	1035
Китаец	954	«Наконец-то встретила...»	1036
Сказка матери.	957	«Когда гляжу на летящие листья...»	1036
«Человека защищать не надо...»	961	«В синее небо ширя глаза...»	1036
(Отголоски стола) («Плоска — доска, а всё впитывает...»)	961	О книге Н.П. Гронского «Стихи и поэмы»	1036
Деревья	961	Отец и его музей	1037
«Рябину...»	961	Шарлоттенбург (<i>перевод с французского</i> <i>А. Эфрон</i>)	1037
Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым)	962	Машинка для стрижки газона.	1039
Мать и музыка.	991	Мундир (<i>перевод с французского</i> <i>А. Эфрон</i>)	1040
Чудо с лошадьми (<i>Достоверный случай</i>)	1004	Приют	1042
1935		Лавровый венок (<i>перевод с французского</i> <i>А. Эфрон</i>)	1042
«— «Иду на несколько минут...»	1007	Нездешний вечер	1043
«Напрасно глазом — как гвоздем...»	1007	1937	
«За то, что некогда, юн и смел...»	1007	Повесть о Сонечке.	1051
«Уж если кораллы на шее...»	1007	«Были огромные очи...»	1125
«Никому не отмстила и не отмщу...»	1007	Мой Пушкин	1125
«Есть счастливы и счастливицы...»	1007	Пушкин и Пугачев.	1146
«Удар, заглушённый годами забвенья...»	1008		
«Жизни с краю...»	1008		

1938

«Опустивши забрало...»	1162
«...Ох, речи мои морочные...»	1162
Стихи к Чехии	1162
Сентябрь.	1162
«Полон и просторен...»	1162
«Горы — турам поприще...»	1162
«Есть на карте — место...»	1163
«Маленькая сигарера!..»	1163

1939

«Вот: слышится — а слов не слышу...» .	1165
Взяли...	1165
(Колыбельная)	1165
Пепелище	1165
Барабан	1165
Германии	1166
Март.	1166
Лес	1166
«О слезы на глазах!..»	1167
«Не бесы — за иноком...»	1167
Народ	1167
«Не умрешь, народ!..»	1167

Один офицер.	1167
«Молчи, богемец! Всему конец!..»	1168
«Но больше всего, о, памятной...»	1168

1940

«Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!..»	1169
«Ушел — не ем...»	1169
«Пора! для этого огня...»	1169
«— Годы твои — гора...»	1169
«Не знаю, какая столица...»	1169
«Так ясно сиявшие...»	1169

1941

«Пора снимать янтарь...»	1170
«Всё повторяю первый стих...»	1170
«Обидел и обошел?...»	1170
«Месяц высокий над городом лег...» . . .	1170

Хронология бури. <i>Евгений Клюев</i>	1171
---	------

Краткая хроника жизни и творчества

<i>Марины Цветаевой</i>	1173
<i>Исторический контекст</i>	1182